84(2Рос=Хат)
А 36

ИЕЙ АЙПИН

Божья Матерь в кровавых снегах

АМФОРА

БУДУЩИЕ НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

БУДУЩИЕ
НОБЕЛЕВСКИЕ
ЛАУРЕАТЫ

ЕРЕМЕЙ АЙПИН

Божья Матерь в кровавых снегах

-0138358-

Санкт-Петербург
амфора
2010

Государственная библиотека Югры
КО

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
А 37

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Айпин Е.

А 37 Божья Матерь в кровавых снегах : [роман] / Еремей Айпин. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 255 с. — (Серия «Будущие нобелевские лауреаты»).

ISBN 978-5-367-01232-3

Роман известного хантыйского писателя и общественного деятеля Еремея Айпина посвящен событиям 1933–1934 годов — восстанию коренных народов Обского Севера, не желающих покоряться советскому режиму.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Айпин Е., 2002
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2010

ISBN 978-5-367-01232-3

ПРОЛОГ

Остяки* терпели советскую власть ровно семнадцать лет. Когда совсем отчаялись — подняли восстание. Чашу терпения переполнила последняя капля: красные осквернили святая святых — остров посреди Божьего озера, что в верховье реки Казыма, куда никогда не ступала нога чужеземца**.

И тогда остяки восстали, чтобы освободить свои земли от красных и жить по своим увековеченным традициям и обычаям, со своими небесными и земными богами и богинями. На озере они возвели оборонительные сооружения и облили их водой. Получилась неприступная ледяная крепость. Мятежники разбили первый, местный, наспех сформированный отряд красных. После этого красные срочно подняли войска в Екатеринбурге, центре Уральской области, и двинули на север, на подавление, как отмечено в документах того времени, Казымского восстания. Ледяную крепость разбомбили с аэропланов — и она пала. Те защитники, кто остался в живых и не попал в плен, частично стали отходить на восток по верховьям правых притоков Оби, частично отступали на север, к Надымской тундре, к арктическому побережью Ледовитого океана. Отряды красных преследовали участников восстания, захватывали их в плен или уничтожали, а по пути конфисковывали у местного населения огнестрельное и холодное оружие.

---

* Прежнее название народа ханты финно-угорской языковой группы в Западной Сибири. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

** Возможность рассказать об этом появилась спустя 60 лет после подавления Казымского восстания.

Красная власть опасалась того, что восстание перекинется на вогульские земли Приуралья и левых берегов Иртыша и Оби, на самоедские племена на побережье океана, охватит южные, крестьянские районы Западной Сибири. Ведь такое уже было в недавнем прошлом, в 1921 году, когда кулацко-эсэровский мятеж на юге быстро распространился на Обь-Иртышский север и подавили его с большим трудом. Тем более что сейчас повстанцы могли двинуться и на город Березов — они требовали освободить четырех ранее арестованных духовных вождей народа. Поэтому красные карательные отряды особенно жестоко расправлялись с каждым восставшим селением, с каждым восставшим остяком, чтобы в зародыше уничтожить все очаги сопротивления, дабы и другим неповадно было. Вскоре восставших рассеяли по всему огромному заснеженному пространству лесотундры и тайги от Оби до Енисея.

Только вот с Сеней Малым на Водоразделе никак не могли расправиться. Он не хотел покидать свою священную землю. Он был шаманом, духовным вождем народа и неуловимым народным мстителем. За ним охотились, ему устраивали западни, но он не попадался, уходил. Его пуля не брала. А имя его обрастало легендами.

В конце концов красные стали успокаивать себя тем, что он один много не навоюет и на Березов не пойдет.

Он отрекся от жизни в неволе.

Он хотел свободы.

И его земные дни сгорали в огненной жажде воли.

Но впереди красных отрядов шла весть: «Красные лиственничными дубинами забивают восставших остяков». Сам собой напрашивался вывод, что живыми в лапы красных лучше не попадаться.

И там, где прошли их войска, белые снега Севера стали красными.

Это были снега зимы 1933–1934 годов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вожак красного войска, выставив руку с револьвером, ворвался в чум и закричал: «Стой!» И бешено крутанул косящим глазом по лежанкам. Левая половинка пуста, а на правой, на руках качая-унимая ревущего малыша, сидела женщина, Матерь Детей. За ее спиной скрылось испуганное лицо девочки, залитое слезами. За ними, присев на корточки, мальчик десяти-одиннадцати лет стрелой нацелился на дверь.

Главарь, приопустив руку с револьвером, взревел:

— Мал-чать!

Плач оборвался. Даже ревущий малыш на мгновение смолк. Только за меховой стенкой слышался гомон красных солдат, заполнивших селение-становье. Главарь ткнул дулом пистолета в направлении мальчика и скомандовал:

— Давай сюда!

Мальчик не шелохнулся.

Матерь Детей вздрогнула. Она смерила взглядом ненавистного захватчика с ног до обмороженного лица и, подавшись в сторону сына, как бы пытаясь прикрыть свой выводок всем телом, жестко отчеканила:

— Он за ружье не брался!

— Знаем ваших: не брался — так возьмется! — отрезал главарь.

— Говорю: не стрелял — видит Огонь! — и она кивнула в сторону очага в середине чума, где догорал костер.

— Не стрелял — так будет стрелять! — огрызнулся главарь.

— Он мал еще!

— Так вырастет. Бандитом.

Она поклялась всесильным и всевидящим Огнем — пришелец не поверил. Значит, настал ее, Матери Детей, черед. На этой войне сложился свой порядок вступления в бой и ухода из жизни. Сначала погибают мужчины, потом женщины, а после — дети, те из них, кто может поднять ружье и стрелять. Стрельба на улице прекратилась. Значит, все мужчины погибли. А соседку-ненку еще незадолго до окончания боя убили на тропе между чумом и стоянкой нарт. Мать сберегла детей от шальных и прицельных пуль, удержала в доме сына. Стало быть, пробил ее час. Достойно умереть — тоже немаловажное дело... И она, опершись на левую руку, а правой прижимая к себе малыша, стала медленно подниматься. Поднялась, перехватила малыша левой рукой. Выпрямилась, высоко вскинула голову. Платок сполз за спину, открыв две толстые черные косы. Меховая ягушка*, стянутая поясом, держалась только на левом плече, а правая сторона груди, правое плечо и рука были свободными. Так одеваются, когда грудью кормят ребенка. Вспомнив об этом, женщина застегнула верхнюю пуговицу на вороте платья и инстинктивно приняла удобную позу. Малыша опустила на живот, к поясу, чтобы его не задела пуля, а корпус и голову отвела назад — чтобы не упасть на самого младшенького. Затем шагнула вперед — так, в случае падения навзничь, она не повредит детям за спиной. И хотя ростом она была так мала, что не дотягивала даже до плеча долговязого главаря, но широко расставленными локтями, расправленными плечами, со вздыбленными волосами, меховой ягушкой, всем своим телом закрыла детей в родном гнездышке. После ее смерти, в этом она была уверена, Верховный Отец распорядится их судьбой.

---

* Женская шуба мехом внутрь.

И Матерь Детей вперила яростно горящий взор в ненавистные оплывшие зенки главаря и низкоутробно закричала:

— Сначала убей меня!

Главарь от неожиданного напора отшатнулся назад и, не выдержав жгучего огня материнских очей, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел вторую женщину с ребенком: прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучая светлым ликом ровный свет, она кротко и добро смотрела прямо на него. Он глянул на первую женщину — та была зло-яростная. Заметались его налитые кровью глазища: кротко-добрая — зло-яростная, зло-яростная — кротко-добрая. Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери. Она висела в «переднем углу», против входа, на тонкой жердинке чума. Войдя, он обшарил взглядом низ жилища, а верх упустил. А тут, оказывается, как он выразился, «опиюм народа» притаился. И сейчас, повернувшись к яростной Матери Детей и ткнув револьвером в сторону иконы, вопросил:

— А эта с... зачем здесь?!

Он со смаком выдал бранное слово.

Но Матерь Детей не услышала или не поняла его вопроса. Она, уже подготовившись, ждала своего конца. Но это последнее мгновение оттягивалось. Ожидание становилось мучительным. И она закричала в ярости:

— Говорю: убей меня!..

Главарь обалдело завертел башкой. Ему показалось, что заговорила Божия Матерь. Ибо звук по конусу чума поднимается вверх, к дымовому отверстию. И он, дернувшись всем телом, разрядил револьвер в икону, повернулся и, путаясь в полости-двери, выскочил из чума.

На выстрелы к чуму бросились солдаты. Главарь-командир рукояткой револьвера огрел красноармейца, подвернувшегося ему под руку:

— Куда прешь!

Подскочил костляво-тощий, с чуть заметно опущенным левым плечом, помощник, доложил:

— Два убитых. Одна — баба. Один раненый. Один ушел... Из-под гранаты. В чуме одна женщина, один мальчик, двое детей. Три собаки. Одна убита... Отличился салымский охотник... Мни.. Чнм.. Собачья кличка, язык не поворачивается...

Командир прервал доклад. Его подвели к раненому, хозяину чума. Два красноармейца за ноги вытянули раненого из снежного окопчика под нартами, бросили у ног главаря. Малица* задралась до пояса и было видно, как сочилась кровь из перебитых ног. Раненого перевернули на спину. И командир вздрогнул:

— Золтан?

На него смотрели жгуче-черные глаза Золтана Иштвана, мадьярского интернационалиста, с которым он ходил на Колчака и по первому льду форсировал Иртыш под Омском. Лежать бы сейчас его косточкам на дне Иртыша-реки, если бы тот Золтан не подсунул ему жердину и уже почти окоченевшего не выволок на спасительный лед, а потом не откачал и вместе с санитаром не протер бы спиртом... Он невольно стал отмечать черты сходства. Разрез глаз совершенно одинаковый — не азиатский и не европейский, а остяко-мадьярский. Выдающиеся надбровные дуги. Приподнятые к вискам скулы. Чуть привздернутый на кончике массивный нос. Черные кучерявые волосы. Расходящиеся треугольником челюсти.

Он слышал, что остяки являются кровными родственниками мадьяр, но не думал, что настолько близкими, чтобы сохранить некоторые черты сходства в ли-

* Верхняя, надеваемая через голову одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном и рукавицами.

цах. Когда разошлись-то по разным землям?! Сколько веков-то прошло?! А поди-ка ты, находятся почти одинаковые типы. Вот, один был другом, а второй— враг...

Тут раненый застонал, открыл глаза и, увидев обмороженное лицо главаря с островерхим шлемом, что-то попытался сказать, зашевелил губами.

— Что говорит? — резко спросил главарь.

Салымец наклонился к раненому, послушал, потом выпрямился и сказал:

— Он — аганский.

— Ну и что?

— На другом диалекте говорит.

— Ну и что?

— Не понимаю.

— Не понимаешь?! — грозно сдвинул брови командир-главарь.

Салымец снова наклонился к раненому, постоял, прислушиваясь к словам, потом, резко выпрямившись, сказал командиру:

— Ругается, кажется.

— Кого ругает?

— Вас и советскую власть. Всех красных ругает.

— Хорошо — не хвалит...

Между тем взор раненого помутился, черты его лица, словно выточенные из древнего кедра, стали еще резче и суровее. Он застонал и потерял сознание. А главарь, вспомнив мадьяра Золтана на омской переправе, машинально спросил помощника:

— Почему не перевязали?

— Он же пленный. Команды не было.

— Ах да!..

Как правило, раненых в плен не брали. Как всегда, не хватало транспорта, каюров, конвоиров, обученных ездовых оленей, помещений и прочего. Словом, некогда и некому было с ними возиться.

Командир-главарь медленным взором обвел селение. Световой день подходил к концу. Много времени тут потратили. Этакими темпами десяти зим не хватит на войну с остяками, чтобы вернуть их в лоно Советской власти. Земли-то вон какие — концов-краев не видно. И все по бездорожью, на оленьих упряжках, без нормальной пищи, без нормального жилья и отдыха. Тут скоро сам начнешь клясть Советы и эту собачью жизнь...

Тут помощник тронул его за рукав, спросил:

— Что с ним делать?

Главарь помолчал, потом также молча подал знак: «Кончайте».

И, отвернувшись, постоял секунду и пошел по становью, теперь уже все оглядывая по-хозяйски. Но спиной, по обрывкам фраз, улавливал все, что происходило у стоянки нарт. Помощник, как уж повелось, при командире показал свое усердие: подозвал красноармейца, снял с его плеча винтовку и привычным движением, почти без размаха, опустил приклад на голову пленного хозяина селения. Тот дернулся от удара и затих на снегу.

Тут к командиру подвалил салымец и забурчал в ухо:

— А селение-то не мятежное...

— Ну?

— Так беглый тут был. Енгух его зовут. Нумтовский самоед.

— Ну?

— Так он мирных остяков втянул в войну.

— Ну? Мирные так не стреляют.

— Так он опытный, гад. Окопы делает. Хорошо воевать научился...

— Ты с тылу зашел, Иуда?

— Ну, я.

— Так почему ты беглого не снял?

— Я же сказал: хорошо маскировку делает. Перепутал с хозяином, вот и упустил.

— Догонял?

— Гранату вслед метнул. Может, поранил. Сдохнет.

— Чего еще?

— Так все ж с тылу их взяли. В лоб ни за что бы не прорвались. И гранату метнул...

— Ладно, давай.

Командир достал фляжку, медленно отвинтил крышку и плеснул спирта в подставленную салымцем кружку. Тот заметно повеселел. А главарь пристально посмотрел на своего проводника и разведчика и угрюмо спросил:

— Знаешь ли, Иуда, если после войны тебя свои не прикончат, то, может статься, я тебя пристрелю... За твою продажность!

— Не бойсь, командир, — сам застрелюсь! — почти весело пообещал проводник.

— Во-о гад!..

Командир только головой покачал. С Гражданской войны он не жаловал перебежчиков. Знал, что такие рано или поздно все равно продадут ради своей шкуры. Не любил белых, которые пошли против белых. Не терпел красных, что переметнулись к белым. Он понимал, почему русские пошли войной на русских: одним пообещали землю, заводы и фабрики — словом, райскую жизнь. За изрядный лишний кусок один готов перегрызть горло другому. Тут есть за что бороться. А что пообещали власти этому остяку за войну против своего народа? Каждый вечер по кружке спирта?! За каждую отнятую жизнь глоток водки?! Бессмыслица какая-то. Несуразица. Впрочем, всякая война бессмысленна. А эта — в особенности. И сопротивление совершенно бесполезно. Может, и прав салымец Иуда, проводник, разведчик и переводчик. Чем быстрее закончим — тем лучше... Иуда. Ну и имя ему досталось. Под стать его натуре. А объяснял он все просто: все остяки крещеные,

а при крещении поп, спьяну, что ли, почти всех окрестил Иудами. Вот имя и прижилось на этой реке почитай с восемнадцатого века. Каждой реке досталось свое имя. Например, на Югане и Салыме много Лисаков и Иуд, на Агане — Еремеи да Романы, на Тромагане — Иваны да Константины... Пройдоха, конечно, порядочный этот Иуда-салымец, но без него никуда. Остальные переводчики и каюры и вовсе не внушали доверия. А особо неблагонадежным спутали ноги, словно коням на лугу, и они могут передвигаться только маленькими шажками. Мало ли чего? Чтобы не надумали сбежать.

Командиру с самого начала была не по нутру эта война с остяками. Остяки считают войну праведной, за свою землю воюют, каждым становьем и селением поднимаются. Поди разберись, где передовая, где фронт, где тыл. Догадайся, из-за какой белой кочки пуля прилетит. Куда надо двигаться — там нет дорог, а куда не нужно — там зимник. И воевать с женщинами и детьми — это не дело солдата. Может, огэпэушники привыкли этим заниматься, обучены они такому делу. Но их главный, Елизаров, сидит в Березове, не суется в тундро-таежные дебри. А председатель Уральского областного суда, товарищ Самуил Гдальевич Чудновский, почти однофамилец командира, доехал только до деревни Амня на реке Казым, там и остановился с отрядом охраны. Он укреплял моральный дух бойцов воспоминаниями о том, как расстреливал адмирала Колчака в феврале 1920 года в Иркутске. Сам же не показывается ни в Юильском городке, ни на озере Нумто — ждет, когда красное войско подавит восстание, сдаст захваченное оружие и боеприпасы, доставит в Остяко-Вогульск* взятых в плен мятежников для справедли-

* Прежнее (до 1940 года) название Ханты-Мансийска.

вейшего рабоче-крестьянского суда над ними. Вот и получается, что командир-главарь в этом заснеженном, огромном пространстве сам себе хозяин — что хошь, то и твори. Только будь победителем. А твои враги — это мятежники, бандиты. И в военное время разговор с ними короткий. Но одно дело, если женщин и старших детей взяли с оружием в руках. А если их захватили без оружия? Как быть? По приказу их отпускать нельзя, но и сотни верст держать в своем обозе тоже накладно. Вот и ломай голову, командир. И кому понадобились остяцкие снега и льды?! Не трогали бы их, сидели бы они в своих дебрях еще сто лет, никому бы не мешали. Ан нет. Советам нужны их земли.

Соображал командир, ходил по становью. Гражданская припомнилась. Там с Золтаном Иштваном все проще было. Как выставишь пулеметы, подтянешь артиллерию, на всякий случай на запасках замаскируешь бронепоезд — тогда сам Верховный правитель Сибири Колчак не страшен. А не то пустишь по прииртышским степям конницу на конницу. Красную на белую. Вот где простор, вот где может разгуляться русская душа. Только башку свою прикрывай. Можешь увернуться влево, можешь — вправо. Можешь, если кишка тонка, драпануть назад. А тут что? Как встанешь по пояс в снегу — ни вперед, ни назад. Тут тебя всякий недоносок может клюнуть и отправить к прабабушке. Аэропланы гудят над ухом когда не надо, а как понадобятся — ни одного не сыщешь. То погоды для них нет, то ветер сносит. Чертовы сынки, летуны! То придумают — горючее закончилось, бомбы, вернее связки гранат, все израсходовали, а то на поломки ссылаются. Валяются в теплых избах, бока греют, от пуза горячую пищу лопают, с молодками побалуются вволю. Будто пригнали товарищей-летунов не восставших остяков усмирять, а на курортный отдых.

Там, на высоте-то, и остяцкая пуля не страшна. Но каждому свое: летуну — летуново, пехотке — пехотково. Теперь ты пехотка. Будь хоть трижды прославленным кавалеристом Гражданской.

Не вполне был готов главарь к такой войне. В ночь-заполночь сорвали из екатеринбургских казарм, погрузили в теплушки, потом пересадили на конный поезд, на сани, а теперь вот — на оленьи нарты. И — вперед на подавление остяцкого восстания! Никто, конечно, не подумал ни о теплой одежде, ни о специальном снаряжении. Нет даже маскхалатов и лыж. Крутись, командир, выполняй приказ! Вписывай славную страницу в летопись доблестной Красной армии! А тут можно такую страницу вписать, что потом Красная армия будет отмываться до конца своих дней. Красноармейцы стали злы как волки — от холода, от непривычной пищи, от «постоев» в снежных ямах, да просто от страха холодной и лютой смерти. Ни фронтов тебе, ни тылов. Не знаешь, с какой стороны нападет враг. Но одно правило войны главарь освоил хорошо: если хочешь выжить, крепко держи в кулаке свое войско. Дашь слабинку — пропадешь. Война не знает пощады. Солдат живет одним днем: сегодня жив, завтра мертв. Поэтому подавай все сегодня: выпить, пожрать да бабу. Если селение берется с боем — каждому дозволяется все это добывать самому. И поэтому сейчас главарь сквозь пальцы смотрел на красноармейцев в островерхих шлемах, шныривших по становью в поисках добычи. Только к женщине не приставали. Ибо было негласное правило: если женщина в единственном числе, то без ведома командира ее не трогать.

Утром, перед штурмом селения, глава войска все-таки дал промашку, которая оставила у него неприятный осадок. Такое с ним, с боевым красным команди-

ром, прежде никогда не случалось. Когда командирская нарта стала выезжать на озерко перед становьем и навстречу прогремели первые выстрелы остяков, отряд без команды нырнул в спасительные сугробы. Командирский каюр Степан Сопочин остановил вожака и, не получив никакой команды, застыл на месте. Главарь-командир спрыгнул с сиденья, его ноги ушли в рыхлый снег — низко, ничего не видно. И он снова вскочил на нарту, чтобы с высоты увидеть и оценить диспозицию отряда и противника. Только он встал и выпрямился, как пуля противно взвизгнула у левого виска, ровно, как бритвой, срезала ухо шапки-ушанки, не оставив даже царапины на коже черепа. Командир остолбенел. Ни в Гражданскую войну, ни в период подавления Тамбовского крестьянского восстания смерть так близко не подступала к нему. Оказывается, смерти предшествует страх. Он почувствовал, как липкая трусливая испарина мгновенно выступила по всей спине, от затылка до поясницы. Тут впервые он всем своим существом ощутил, что легкой победы, на которую он рассчитывал, не будет. Все вокруг враждебно к нему и к его войску. Казалось, все вокруг встало за мятежных остяков — и деревья-кусты в снежных шапках-невидимках, и глубокие сугробы, и непроходимые снега, и топкие болота под обманчивым белым покровом, и коварные реки с незамерзающими живунами-полыньями, и жестокие морозы. Казалось, сама снежно-леденистая земля не хотела носить истребительное воинство...

Боковым зрением командир увидел, как меховое ухо шапки болтается на двух-трех ниточках над его плечом. Следующая пуля, просвистевшая над головой, вывела его из оцепенения. После этого он все делал словно помимо своей воли, как будто неосознанно. Он невольно съежился, пригнулся, опустился на сиденье нарты

Государственная библиотека Югры
КО
- 0138358 -

и притаился за спиной каюра Степана Сопочина. Пули свистели слева и справа.

Командир выглядывал из-за спины каюра, оценивал обстановку, уточняя позиции сторон. Больно не хотелось ему нырять в сугроб. Из сугроба ничего не увидишь — много не накомандуешь. Да к тому же из сугроба надо будет регулярно высовываться, а кому хочется подставлять голову под пулю. Противник прицельно бил по серым красноармейским шлемам и не трогал безоружного каюра первой нарты. Тут лучшей позиции для командира не сыскать.

Сначала ударили по остякам одиночными выстрелами, потом залпами. После опять перешли на одиночные. А противник все отвечал на стрельбу.

Между чумом и нартами, откуда остяки вели стрельбу, носилась женщина в белой ягушке. Куда летят красноармейские пули — неведомо командиру. Он увидел, как женщину застрелили Что же, окоченевшие в сугробах бойцы ни на что больше не способны? Нужно отогреваться? Развернуть упряжки назад — тоже большая морока, соображал командир... И тут он вспомнил про салымца Иуду...

Противника в лоб не взять. Это командир понял после полдневной перестрелки. Между отрядом и становьем есть небольшое чистое озерко, простреливаемое насквозь. Подъезд один — узкий, плохо протоптанный олений зимник. Как раз на кочкастом взгорке, занесенном сугробами и поросшем редкими сосенками, и застрял отряд красных. В объезд не проедешь на оленях — снег по пояс. И пешком не пройдешь. И лыж широких для такого снега тоже нет. А коль по одному начнешь прорываться на мелкий снег озерка — перестреляют всех поочередно. По прикидкам командира, со становья бьют три или четыре ствола. Для атаки в чистом поле

это сущий пустяк. Но в этих чертовых снегах они могут укокошить весь отряд. Надо искать выход.

И тогда главарь приказал салымцу на подволоках* зайти в тыл противника и оттуда ударить по остякам. Салымец быстро собрался и ушел. Пока тот обходил селение по сосновым гривам и лощинкам, отвлекая внимание защитников, отряд вел интенсивную перестрелку.

А командир, покрикивая и матюгаясь на бойцов, так и просидел весь бой за спиной своего каюра. И только когда послышались выстрелы салымца с тыла противника, он поднялся, взмахнул пистолетом и заорал:

— Вперед, гады!

И упряжки, со стрелка́ми за спинами каюров, один за другим выехав на мелкоснежье озерка, галопом понеслись к селению.

Красноармейцы вовсю палили поверх каюрских голов. Рванула граната. Одна. Вторая. Стрельба потихоньку стихала.

Когда подлетели к чуму, командир, как бы возмещая свое позорное сидение за каюровой спиной, соскочил с нарты и рванулся внутрь, хотя знал: если его встретит прицельная пуля в лоб с близкого расстояния, войско останется без головы. Его подтолкнула презрительная, как ему показалось, усмешка каюра Степана Сопочина, на мгновение промелькнувшая перед ним на развороте — эх ты, вояка-заспинник... Возможно, и бойцы втихаря подсмеивались, просто он не видел их лиц. Поэтому он ворвался в чум с жаждой отомстить тому, кто так позорно заставил его прикрываться чужой спиной.

А в чуме оказались лишь женщина и дети...

Сейчас, обойдя взятое селение и поостыв на морозе, он зычно крикнул:

---

* Широкие охотничьи лыжи, подбитые, «подволоченные» мехом. Обычно для этого используются конские и выдровые шкуры, а также камус, то есть шкуры с лосиных ног.

— Мингалев!

Подскочил помощник, костлявый и нескладный, но ушлый малый:

— Я, товарищ командир!

— Что имеем?

Настало время решать судьбу непокорного селения. Как это уже повелось, помощник по замусоленной бумажке начал писклявым голосом выкрикивать-вопрошать:

— Стадо?

— Угнать! — кратко решил командир.

— Нарты?

— Рубить!

— Провиант?

Командир чуть помедлил, потом выдал:

— Сожрать!

Мингалев чуть расширил глубоко сидящие глазки: это было что-то новое. Обычно следовала команда «реквизировать» или «уничтожить». Не день и не два тут нужно сидеть, чтобы все сожрать. Что это с командиром? Что-то напутал после атаки?

— Собаки?

Командир махнул рукой. Это значило: на ваше усмотрение.

— Чум?

Командир сдвинул брови, ничего не сказал. Обычного ответа «спалить» не последовало. Выдержав нужную паузу, пошуршав бумажкой, помощник продолжил перечислять:

— Мальчик?

Молчок. Обычно — «под стражу».

— Женщина?

Опять молчок.

— М-малявки?

Молчок.

Командир увидел, как от удивления мышиные, с пакостливой пленкой, глазки помощника почти вылезли из орбит. Подумал: ему будет что доложить огэпэушнику Елизарову в Березове или председателю областного суда Самуилу Гдальевичу в Амне. Пройдоха, но рьяно тянет свою лямку. А до отрядного еще не дорос, не дадут, рановато. Только зря старается.

Между тем Мингалев жалобно, заикаясь, выдавил глухо:

— Та-ак ка-ак?..

— Без нас подохнут!

Глава войска, повернувшись, направился к командирской нарте, возле которой, с вожжой в руке, его поджидал каюр Степан Сопочин, теперь уже стоявший с непроницаемым ликом языческого бога.

Визгливо, по-собачьи, залаял Мингал. Он был недоволен действиями командира. Нужны заложники, свидетели, наконец, акты устрашения. А тут приказано просто так оставить селение. Что-то с командиром происходит. А что — он не знал.

Засуетились, забегали красноармейцы и каюры, исполняя команды помощника командира. Постепенно стали угасать голоса и хруст снега.

В разгромленном селении делать больше нечего.

Красное войско укатило продолжать войну с непокорными остяками.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Красные черным огнем пронеслись по становью и сожгли сердце женщины.

В чуме все перетряхнули. Перевернули все грузовые нарты. Забрали все ружья и патроны, подвернувшиеся под руку топоры и ножи. Изрубили ездовые, грузовые нарты, нарты-лари. И, забрав стадо оленей, умчались прочь.

И осталась Матерь Детей с сожженным сердцем. Чум стонал. Плакал. Ревел. На макодан* давило студеное небо. Вздрагивали продрогшие сосны.

Скрылись из виду упряжки умчавшегося аргиша** красных, исчезли, промелькнув среди сосенок, за озерком. Матерь Детей склонилась над мужем. По груди меховой ягушки скатились на красный снег возле мужниной головы обледеневшие слезины. Последние капли мутными шариками повисли на ворсинках ягушки. Она молча застыла над мужем. Его безжизненные глаза смотрели в небо, словно ждали оттуда помощи. Левый глаз был залит кровью, но казалось, даже через эту кровавую пелену он пытался узреть живую небесную синь. Женщина невольно вздрогнула: плохая примета, что у него не закрылись глаза. Она сняла свой платок, по многовековому обычаю, накрыла им лицо и всю голову мужа и, пропустив противоположные углы вокруг шеи, завязала под его подбородком. Как только человек уходит из жизни, ему сразу же закрывают лицо раз

---

* *Макодан* — дымовое отверстие чума.

** *Аргиш* — обоз.

и навсегда. Ему надо смотреть в потусторонний мир, куда он отправляется. А в Среднем мире он уже ничего не видит, и поэтому ему все нужно рассказывать обо всем, что происходит, — человеческую речь он слышит. И она заговаривает с трудом с ним, Отцом Детей:

— Ну... Вот... Ты нас оставил...

Тут она не выдержала и зарыдала без слез. Ее всю затрясло. И она, закрыв лицо руками, подавляя яростный крик, лишь глухо всхлипывала. Потом, немного успокоившись, отняв руки от лица, она снова заговорила с мужем:

— Красная нелюдь укатила... Наши младшие дети все невредимы... А про старшего ты знаешь. Красные еще при твоей жизни прикончили его...

Она опять всхлипнула глухо, провела уголком платка по сухим покрасневшим глазам. Помолчала, затем опять заговорила:

— Ну... Вот... Побудь эту ночь здесь... Завтра я что-нибудь сделаю... Я пойду к нашим детям. Огонь в доме будем поддерживать... Ну... Вот... Я пошла. Завтра приду...

Но направилась Матерь Детей не домой, а к старшему сыну, который был убит в самом начале боя. Она сняла свой последний платок и им по-покойницки обмотала голову старшего. Потом присела возле него и, как и мужу, кратко рассказала ему обо всем, что случилось после взятия селения красными. Говорила она заикаясь, короткими фразами, с долгими паузами:

— Твоих братьев-сестер беда стороной обошла... А тебя? Разве для этого я тебя растила?! Милый мой ребенок! За что же Бог нас наказал?!

Ее руки заметались по груди в поисках уголков платка, но, не найдя их, она провела рукавом по сухим глазам, откуда должны были лить слезы. Совладав с собою,

она сказала старшему, которого уже нельзя было называть земным именем:

— Будь на этом месте... Завтра что-нибудь придумаю... Ну... Вот... Я пошла домой к твоим братьям-сестрам...

Но по пути к дому она завернула к погибшей соседке-ненке, лежавшей лицом вниз на красном снегу. Когда появились красные, ее муж, схватив винтовку, сразу же бросился в свой окопчик на улице, за грузовыми нартами, и в спешке забыл в чуме патроны. А патронов у него было много. Он уже давно, по его словам, воевал с красными и поэтому при каждом удобном случае запасался боеприпасами. Вот молодая жена и стала носить ему патроны. Сначала красные солдаты, видно, не могли понять, почему она бегает между чумом и нартами. Потом они что-то сообразили и, хотя у нее в руках не было оружия, все равно взяли ее на прицел.

Матерь Детей приподняла женщину за хрупкое плечо и ее собственным платком замотала ей лицо и голову по хантыйскому обычаю. Сказала и о том, что больше всего беспокоило молодую ненку:

— Твой от красных ушел... Они не догнали его... Твое место пока здесь... Придет день — что-то стану делать... Так не оставлю... Ну... Вот и все...

Матерь Детей направилась к дому по разоренному становью, залитому человеческой кровью. Все ее тело стало сгустком невыносимой боли, а вместо сожженного сердца она ощущала будто бы черную пустоту. Но две мысли в ее голове засели крепко: детей спасти и огонь сохранить. В доме дети, которые остались без отца и брата. Им нужен огонь, тепло. И она с охапкой дров вернулась в чум и первым делом оживила гаснущий огонь.

Чум охрип от плача и стона.

Кровавый день прихода красных шел к концу.

Дети хотели пить, есть, спать. И женщина заметалась по дому, чтобы поддержать их жизнь. Она взялась за привычные домашние дела, чтобы продлить дыхание детей.

Матерь Детей не хотела, как предрекал главарь красного войска, «подыхать» вместе с детьми. И с этого вечера она, кинувшись к детям, накрепко уцепилась за тонкую и хрупкую нить жизни.

А дел набежало очень много. Она достала из коробки для рукоделия толстые нитки и отрезала от них небольшой кусок. И каждому дитяти перевязала щиколотку правой ноги двумя траурными нитками. На Отца и Брата. Потом то же самое проделала и со своей лодыжкой. Завязка будет на ноге до тех пор, пока сама не перетрется и не отвалится. А остаток нитки бросила в огонь. Так принято делать всегда, когда уходит близкий родственник. Чтобы выжить, нужно сохранить человеческое лицо, а для этого необходимо соблюсти все обычаи предков перед живыми и ушедшими в Нижний мир. Не смыкая глаз, при живом огне в доме надо «пять ночей покойников отсидеть», пока их души не покинут мир людей. Выносить из дома ничего нельзя в эти пять дней, особенно сор. Когда людей много, не спят по очереди. А сейчас как быть?! Огонь-то продержится — дрова есть, но вот «отсидеть» пять ночей одному взрослому будет не так просто...

Накормив и уложив спать младших детей, женщина принялась за дело. От прямослойного полена без сучков она отщепила четыре дощечки — две для мужа, Отца Детей, и две для старшего сына — и на каждой начертала поперек по пять черных полосок углем. Это те последние пять ночей-дней, которые она проведет с ними на этой земле, в своем доме. Потом она сложила руки на коленях, посидела немного, подумала, сде-

лала еще две дощечки и вывела на каждой по четыре траурные полоски. Это для ненки, погибшей в этом селении. Правда, у ненцев свои обычаи. Но разве можно оставить неприкаянной душу молодой женщины? Пусть лучше она уйдет через четверо суток по хантыйскому обычаю.

Закончив эту работу, Матерь Детей вышла на улицу и воткнула дощечки в снег, прислонив к покрышке чума, три слева и три справа от дверей. Потом в разгромленном становье разыскала два топора и всадила их возле дощечек, с двух сторон, рукоятками в отвердевший наст, лезвиями в сторону входа в чум. Теперь всякий приезжий увидит: в доме три покойника — одна женщина и двое мужчин. А топоры с острыми лезвиями, как непреклонные стражи, будут охранять дом от злых духов.

Женщина вернулась в чум и, за неимением камня, от бруска-точила отбила три кусочка. Затем эти камешки подложила под лапник-настил туда, где лежали постели умерших. Кажется, пока сделано все, что требуется для проводов уходящих в Нижний мир. Во всяком случае, на сегодня.

Матерь Детей вернулась на свое место, поправила одежду на спящих младших детях и сказала сыну, которого защитила от главаря красных:

— Роман, если хочешь, ложись... Поспи немного... Я посижу...

Мальчик ничего не сказал. Но и ложиться не стал.

Тогда Матерь Детей, как бы сама с собой, повела тихую беседу:

— Когда отсиживаешь плохие ночи-дни, надо руками что-то делать... Иначе душа перестанет лежать к делу... Мужчины обычно мастерят поделки из дерева или кости, плетут арканы, чинят упряжь, делают

игрушки... Женщины обычно шьют...Только стирать и скоблить нельзя... Выносить из дома ничего нельзя... На Сидящую* голыми пятками ступать нельзя... Нам бы хоть до полуночи высидеть... Там ночь повернется боком к утренней половине... А там солнышко к нам на помощь придет... Так и переживем-пересидим первую ночь... А там подъедет старшенькая сестрица... У нас два оленя и нарта будет... А ушедших так оставлять нельзя... Без древнего обряда и поминок... Иначе не будет покоя... Им — на том свете... Нам — на этом свете... Поэтому сделаем все, что сможем...

Женщина говорила тихо, как бы самой себе, но все слова предназначались для старшенького Романа. Мальчик понимал все, что хотела сказать ему Мать. Понимал, что он теперь старший мужчина в доме, и на его плечи ложится нелегкая ноша, которую нужно нести с достоинством, как подобает настоящему мужчине. И когда смолкла Мать, выдержав нужную паузу, он вставил свое слово:

— Я не буду спать, мама...

— Хорошо, Роман, — откликнулась Мать. — Конечно, вдвоем ночь легче коротать...

— Сделаю игрушки братику и сестренке, — сказал сын.

И он не спеша, как это делал отец, осмотрел несколько сосновых поленьев. Потом выбрал из них одно прямослойное и только после этого взялся за нож. Он начал выстругивать фигурки оленей, а затем смастерил маленький хорей и санки на тесовых полозьях. Вместо упряжных ремней приспособил нитки — и аргиш готов в путь в сказочную страну. Оленей ведут за нитяные поводья, за ними пойдут санки. Одна упряжка впереди,

---

* *Сидящая*, или *Сидящая Матерь* — так остяки иносказательно называют Землю.

а вторая — за ней. Утром проснутся братик с сестренкой — обрадуются, на какое-то время отвлекутся на новые игрушки.

Между тем Матерь Детей, чтобы не молчать, все потихоньку разговаривала, занимаясь домашними делами. Ее руки ни минуты не знали покоя: шили одежду, протирали посуду, кипятили чай, подкладывали дрова в огонь очага. Но главное, она готовила в дальний путь Отца Детей и старшего сына. Они должны взять с собой все, без чего не обойтись в Нижнем мире. Если что-то позабудешь положить, то ушедший долго будет маяться там в поисках недостающей вещи. А работы много. Одежду уходящих нужно продырявить. От деревянных предметов откалывается щепка, от стеклянных и фарфоровых отбивается осколок, у металлических стачивается кусочек или делается зазубрина. Что в этой жизни является целым и невредимым, там оказывается ущербным, неполноценным. Поэтому и надо проследить, чтобы все вещи людей, оставляющих землю, были подготовлены для жизни в Нижнем мире.

Собрав все необходимые вещи Отца Детей и старшего сына, что находились в чуме, Матерь Детей вышла на улицу. Вернувшись через некоторое время, она сказала сыну Роману:

— Ногастый Зверь* вверх пришел. Мы к утру идем... — Помолчав, она добавила: — Считай, отсидели первую ночь... — Потом снова обратилась к сыну: — Ложись, Роман, немного поспи. Завтра нужно сделать много дел. А за огнем я уж послежу, чтобы не потух...

Сын Роман уже давно клевал носом, и было видно, что он держался из последних сил. Когда голова его,

---

* Так остяки называют созвездие Большой Медведицы, которое утром расположено прямо над головой.

клонясь все ниже, падала на грудь, он вздрагивал и поднимал ее. Теперь, услышав слова Матери, он выждал некоторое время и затем, как сидел, не вставая, вытянул ноги и медленно опустил голову на подушку. И тут же заснул.

А Матерь Детей устало опустилась на лежанку и положила натруженные руки на колени. И только теперь почувствовала, как ноет все тело, а сердце разрывается от боли. Опустив голову на грудь, она впала в полудрему, и даже в полудреме боль не отпускала ее сердце. И лишь дети отвлекали ее на время. Дети спали беспокойно. Они поочередно то вздрагивали во сне, то вскрикивали, то всплакивали и вскакивали. Она успокаивала их, убаюкивала и поправляла их сползающую одежду и меховые одеяла. Потом поднималась, подкладывала дрова в гаснущий очаг и снова садилась на свое место.

И завертелось колесо времени. В кошмарной полудреме пронеслись в ее сознании события последних лет, месяцев, дней и часов. Только дети, ее птенчики, живыми голосами вырывали ее из жуткого кошмара и возвращали к реальной жизни. И тут она ясно осознала, что должна жить, иначе погибнут все.

Взошла на востоке Звезда Утренней Зари.

Поднялась заря.

Встало солнце.

Так закончилась первая траурная ночь.

Главное, не погас огонь в очаге...

И женщина прикорнула на своей постели возле детей. На какое-то время она полностью отрешилась от всего земного, словно провалилась в черную пропасть. Но проснулся младший Савва — и разбудил ее. Она с трудом поднялась и накормила детей, сына и дочку. А Роман, просидевший до полуночи, все спал. Но когда солнце поднялось высоко и подвинулось к полдню,

Мать все-таки разбудила его и, покормив, отправила за старшенькой сестрицей.

Накануне налета красных над становьем кружила крылатая машина, которую русские называют аэропланом. Отец Детей сразу же заподозрил неладное: значит, где-то близко находится красное войско. И на упряжке из двух быков отослал старшенькую дочку Анну в осеннее становье возле запора* на устье болотной речушки, при этом наказав, чтобы она оставалась там до тех пор, пока за ней не придут. Место укромное, тихое. На окраине бора, в ветвистом сосняке спряталась старая моховая избушка-времянка. По снегу следов не оставили, оленей туда не загоняли. Стало быть, дочка Анна могла там отсидеться некоторое время и сохранить запасную упряжку оленей на всякий случай. Ибо о красном войске ходили противоречивые слухи: будто бы одни селения уничтожали они до основания, а другие оставляли неразоренными... Сразу после отъезда дочери прикатила ненецкая семья на двух упряжках, налегке, и привезла тревожные вести о войне. А утром нагрянули красные.

Теперь, отправив сына в путь, Матерь Детей взялась за неотложные дела. Нашла деревянную лопату и старательно засыпала снегом человеческую кровь там, где она пролилась на белую землю. А сверху те места забросала сосновыми ветками, чтобы ненароком не наступил кто-нибудь. Потом выпрямилась, постояла в задумчивости, опершись на черенок лопаты. Собачье войско, подумала она. Хоть и недолго находились красные в становье, а все вокруг успели изгадить — за каждым кустиком, за каждой нартой, за каждым бугорком. И как ни противно было ей, но все же она заставила

* *Запор* — городьба через реку, где устанавливаются снасти для ловли рыбы.

себя обойти становье и прикрыть тем же снегом следы пребывания красных солдат. Пусть меньше будет напоминаний о том кровавом дне...

После этого она впряглась в маленькую нарточку для подвозки колотых дров и один за другим, по одному, отвезла всех погибших в сторону заката солнца, на окраину сосновой гривки. Сначала Отца Детей, потом старшего сына и после них соседку-ненку. И всех троих уложила на полянку и прикрыла оленьими шкурами. Сделав это, она усталым шагом вернулась в чум.

День клонился к вечеру. При солнце, засветло, надо успеть еще заготовить дрова на долгую ночь и наносить снега для воды. Самое трудоемкое дело — это, конечно, запастись «пищей для огня». Огонь, огонь, милый огонь. Лишь бы в эти пять ночей и дней не погас огонь в очаге, главный хранитель дома и жизни оставшихся детей. И она, чуть передохнув возле младших, взялась за топор. Колола нетолстые сушины, не разгибая спины, до тех пор, пока не увидела подъезжающую упряжку со старшенькими детьми. Она бросила топор и поспешила к старшенькой дочери Анне. Мать знала, что ей придется все пережить заново — и будет особенно тяжело. Глаза Анны уже были красные, как у тетерева, — видно, плакала всю дорогу. Она прошлым летом переросла Мать и с высоты своего роста, сверху устремила взор в материнские глаза и с последней надеждой на чудо, заикаясь, тихо спросила:

— Эт-то... правда?..

— Ну, поплачь... — сказала Мать.

По щекам Анны покатились слезины. Мать двумя руками одновременно провела по лицу дочери сверху вниз, как бы вбирая в ладони все слезы ее, и негромко, успокаивая, говорила:

— Поплачь, коли есть слезы... Поплачь — полегчает немного... Мы уже все глаза выплакали... Поплачь,

доченька... Нам еще много дел нужно сделать... Мы все остались жить для жизни... Значит, так было угодно нашему Верховному Отцу... Значит, будем жить...

Анна плакала молча, прижавшись к груди Матери, а Мать гладила ее по голове и все говорила и говорила ласковые и грустные слова, а потом повела, как неразумного младенца, в дом. За ними, сопя, хрустя утоптанным настом становья, поплелся старшенький Роман. В чуме она первым делом попросила дочку снять кисы*, чтобы повязать на ее правую лодыжку траурные нитки.

Теперь Матери Детей стало немного легче. В доме во всем ее могла заменить дочь Анна: и еду сварить, и за младшими поухаживать, и одежду высушить и починить, и о дровах и воде позаботиться. Словом, мастерица на все руки и на подъем легка, не надо ее подгонять. И ночи с этого вечера уже отсиживали поочередно: то Матерь бодрствует, то на пару старшенькие Анна и Роман. А дни уходили на рытье могил.

---

* Обувь, сшитая из камуса, с плотной многослойной подошвой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Со следующего утра, после приезда дочери, Матерь Детей взялась за сооружение последнего пристанища для ушедших из жизни. Земля на полянке, что она присмотрела на окраине сосновой гривки, за зиму просто окаменела от морозов. Женщина топором рубила землю, и обледеневшие комья, разлетаясь, черными слезами Сидящей сыпались на белый снег. Женщина все рубила и рубила землю. Рубила тяжко, с неслышным внутренним стоном, словно саму себя кромсала острым топором. Потом в изнеможении опускалась на хрусткий утоптанный наст, сидела неподвижно, уставившись в одну точку, и, отдышавшись, снова бралась за топорище. К полудню она уходила в чум и, пока выпивала кружку-другую кипятка, топор переходил в руки старшеньких Романа или Анны. И так изо дня в день.

Земля поддавалась с трудом.

Земля отчаянно сопротивлялась.

Земля не хотела принимать в себя насильственно и преждевременно отправленных в Нижний мир.

Но Матерь продолжала рубить, и Земля каждый день понемногу уступала, позволяя углубиться в свое чрево. Земля все понимала. Она знала, что людям больше некуда деваться, что Земля — это их последнее прибежище.

На исходе четвертой ночи, на рассвете, после восхода Звезды Утренней Зари, Матерь Детей вытащила из-под постели соседки-ненки камешек от бруска, сняла у входа в чум две дощечки с четырьмя черными полосками и направилась в сторону заката солнца. Там, в конце

сосновой гривки, она разломала траурные знаки на мелкие щепки и вместе с камешком выбросила под сосенку. Всё. Последние четыре земные ночи молодой ненки закончились. Позже, когда наступил день, Матерь Детей со старшеньким Романом завернули погибшую в оленьи шкуры и опустили в неглубокую могилу на дальнем от чума краю поляны. Вместо креста поперек могильного холмика положили бревнышко. Матерь Детей знала обычаи лесных ненцев: они не закапывали гроб с покойником в землю, а просто ставили на кладбище и сверху придавливали бревном, чтобы уходящий не оглядывался назад. Сейчас же некому и не из чего было сколотить домовину, поэтому молодую женщину отправили в Нижний мир наполовину по ненецкому, наполовину по хантыйскому обряду. Потом у ее изголовья положили обрубок доски вместо столика и в последний раз, в дорогу, поставили кружку чая и берестяной туесок с едой. И напоследок, закончив поминки, Матерь Детей сказала ушедшей:

— Ну... Иди к своим предкам... Назад не оглядывайся, только вперед смотри... Твой* когда-нибудь придет к тебе... Вы с ним вместе еще поживете там... На нас плохое в уме не держи... Все, что могли, мы для тебя сделали... Ну вот, иди своей дорогой...

Матерь Детей вздохнула будто с облегчением: всё, одну худо-бедно отправили по обряду. Точнее, двоих... В первый же вечер после приезда, поужинав, молодая гостья Хомани, подсев к хозяйке, вполголоса, чтобы не мешать мужскому разговору, поведала историю о том, как они с мужем вступили в войну. Ехали по озеру на двух упряжках и столкнулись с красным войском. А у красных такое правило: всех встречных допрашивают,

* *Здесь:* твой муж. У остяков между мужем и женой не принято называть друг друга по имени.

кто, откуда, куда и зачем едет. А кто не остановится, у того подстреливают оленей в упряжке, чтобы не убежал. Встретились с красными и от них рванулись прочь. Войско открыло стрельбу по оленям. Однако далеко было, ускакали. Когда остановились, увидели, что шальная пуля убила сына, маленького Учу. Ему было всего четыре зимы и четыре лета, и в поездках он всегда сидел на отцовской нарте, за спиной отца. Отец почернел лицом, и с того дня семья решила воевать с красными до смерти. Муж научил жену стрелять из винтовки. И обстреливали войско то одни, с удобных позиций, с которых можно быстро исчезнуть, то с небольшими отрядами остяков или самоедов. Так прошла почти вся зима. Потом она сказала мужу, что «по-иному жить» стала*. Тогда муж запретил ей брать в руки оружие, так как солдаты обычно не стреляли по безоружным, и сказал, чтобы, когда он погибнет, она уехала в Надымскую тундру и там родила сына. С той поры она перестала воевать. А вообще казымские женщины все воинственные, отчаянные. Может быть, стреляют не так метко, как мужчины-воины, но зато ничего не боятся. Тем более если погибают дети или муж. Не боятся красных. Не боятся пуль. Не боятся смерти...

Теперь, может, в той жизни она доберется до Надымской тундры, подумала Матерь Детей, отходя от могилы молодой ненки.

Весь остаток дня углубляли прибежище для своих, уходящих в Нижний мир. Теперь Мать оставляла в работе на кладбище старшеньких только на пару, вместе, чтобы в сердца их не пробрался страх. Вдвоем все же легче на душе. Вечером, уходя домой, женщина двумя крест-накрест поставленными жердинками закрыла

* Иносказательное устойчивое словосочетание, означающее «быть беременной».

тропу на краю поляны, как это принято по обычаю. После первых похорон это место стало кладбищем, а между селениями живых и ушедших испокон веков была четкая граница.

Закончилась пятая ночь. И также на рассвете, еще в сумерках, Матерь Детей взяла у входа в чум последние траурные знаки-дощечки с черными полосками, отнесла их в сторону заката солнца, переломала и вместе с камешками из-под постелей ушедших положила под сосенку. Все, пришел конец земным дням погибших мужчин. Их также завернули в оленьи шкуры. На внутренних сторонах шкур, по левому боку уходящего, каждому углем вывели его солнце, а по правому — его луну. Солнце — кружок, луна — полумесяц.

Рисуя, Матерь говорила каждому:

— Вот твое солнце. Вот твоя луна.

Никто не должен уходить в Нижний мир без собственного солнца и собственной луны. Обычно их выводят на внутренней стенке гроба. Но сейчас шкуры заменили домовины, поэтому на них и «закрепили» светила для уходящих.

— Ну, теперь попрощайтесь, — сказала Матерь своим детям.

И она сама первая подошла и поцеловала в закрытый платком лоб сначала сына, потом мужа. Затем подошли Анна с Романом, тоже поцеловали уходящих.

И когда тела стали опускать в могилу, дети не выдержали. Оба разрыдались и начали реветь в голос. Матерь долго крепилась, но в конце концов у нее тоже потекли слезы. Горькие, беззвучные. Потом она принялась успокаивать старшеньких, говоря, что нельзя уходящим показывать много слез — им плохо будет в пути. Пусть они спокойно отправляются в свой мир.

Наконец последнее пристанище погибших закрыли. У изголовья поставили кресты, как это принято

у хантов. Под крестами положили доску-столик, разложили еду, налили горячий чай и сели справлять поминки. Матерь Детей тихо разговаривала с Отцом Детей и старшим сыном. Она знала, что не все удалось сделать по обряду, и просила за это прощения. Прежде всего, не сколотили нижние домовины. Это мужская работа, а мужчин не осталось. Сын Роман еще мал, он не в силах расколоть бревно на доски. Пусть эти «нижние дома» заменят теплые оленьи шкуры. «Верхние дома»* тоже не смогли построить, но это можно сделать попозже, на протяжении года, что допускается обычаями. Если, конечно, будем живы, сказала женщина.

Поминки подходили к концу. Скоро нужно будет уйти. И Матерь Детей обратилась к старшему сыну:

— Милый мой ребенок, это я, твоя Мама...

Сказав это, она опять не выдержала, заплакала. Сначала слезы беззвучно поползли по ее лицу, потом она зарыдала. И тут, опомнившись, она закрылась руками, попыталась подавить рыдания, ибо на кладбище нельзя шуметь. Но главное, высказанное горе очень омрачает, делает особенно тяжким последний путь уходящих. Наконец, справившись с собою и немного успокоившись, она тяжело вздохнула, вытерла слезы и продолжила разговор:

— Милый мой ребенок... Разве для этого я тебя вскормила... Разве для этого я тебя взрастила... Ох-ох-ох-хо-о-о... Теперь Горестный мир нас разлучил... Теперь в мир предков спокойно ступай... Там твои бабушки и дедушки... Там еще одну жизнь проживешь... Плохое на нас в уме не держи... Все, что смогли, мы для тебя сделали... Только ружье тебе не положили... Красные

---

* Так называют надгробные домовины с двускатной крышей, сооружаемые для того, чтобы вода не проникала внутрь захоронения.

все твои ружья забрали... Когда будем делать верхний дом, тогда тебе ружье положим... Ну... Вот... Милый мой ребенок...

Женщина замолчала. Молчали и бывшие здесь двое ее старшеньких, Анна и Роман. Младших на кладбище не взяли.

Между тем Матерь Детей полностью овладела собой и обратилась к мужу, Отцу Детей, уже без слез, с сухим окаменевшим лицом. Заговорила медленно, взвешивая каждое слово, с недолгими паузами:

— Детей Растивший, это я, твоя спутница в Среднем мире. Со мной здесь наши дети Анна и Роман... Ну... Вот... Раз Горестный мир нас разлучил... Оставайся... Плохое на детей наших в мыслях не держи... Все, что смогли, мы для тебя сделали... Только ружье тебе не положили... Красные все твои ружья забрали... Когда придем делать верхний дом, тогда тебе твое старое ружье положим... Нам теперь один дробовик Романа остался... Его Анна в зимовье сохранила... Наша дочка Анна цела и невредима вернулась... Она упряжку из двух оленей сберегла... Это два старых быка — братья Угольный да Молочный... Красные всех наших оленей угнали... Да русскую Божью Матерь всю изранили... Да хвостатую* нашу Кунчи пристрелили за то, что она очень сердилась и лаяла на них... Теперь остались в живых два наших пса — старый белый Пойтэк и молодой рыжий Хвост Крючком... Да полозья и носы всех нарт изрубили... — Она чуть дольше обычного затянула паузу, потом добавила: — Но дети наши пока все здоровы и невредимы... Здесь пришли к тебе старшенькие Анна и Роман... Еда у нас пока есть... Наверное, на Аган будем пробираться... Ведь у нас там есть свой дом... Ближе к людям своего рода

---

* Так остяки иносказательно называют собаку.

поедем... Как-нибудь постараемся выжить... — Матерь Детей помолчала, потом сказала старшеньким: — Если у вас есть слово для отца и брата, скажите им. Вряд ли мы скоро еще на поминки к ним придем...

Анна, помедлив, со слезами на глазах тихо сказала:

— Пусть вам хорошо будет... в том мире...

А Роман еще больше насупился и промолчал. Видно, постеснялся еще раз разрыдаться при женщинах.

Стал затухать поминальный костер.

День клонился к закату.

И Матерь Детей, остановив взор на свеженасыпанном холмике, пообещала мужу:

— Отец Детей, огонь в нашем очаге до тех пор буду поддерживать, пока мое дыхание не прервется... А там уж мы с тобой свидимся... Я приду к тебе... И там еще одну счастливую жизнь проживем... Ну... Вот...

Настало время прощания. Матерь Детей вздохнула и приложилась губами к жердине над изголовьем, заменявшей пока крышу верхнего дома усопших. Последний поцелуй. То же самое сделали и старшенькие Анна с Романом. Потом женщина топорищем постучала по основанию креста и сказала:

— Ну, мы пошли... Напрасно нас не ждите... Как будет возможность, так и придем...

Родственники покойных не должны уходить с кладбища первыми. Для этого есть специальный человек, женщина-хромоножка. Поэтому Матерь Детей взяла с кострища дымящую головешку и, бросив на тропинку, ведущую к дому, сказала:

— Ну, Безногая Женщина, ты впереди иди...

И все трое пошли, перешагнув через искры огня и струйку дыма. Это очищающий огонь. Пройдя между раздвинутыми столбиками-жердинками на краю поляны, Матерь Детей остановилась, обернулась и, закрыв тропу стволами сосенок крест-накрест, сказала:

— Здесь Гром-Старик и Медведь ходят. Отсюда вы обратно возвращайтесь, дальше за нами не ходите...

И все трое, опустив головы, не оглядываясь, пошли к своему осиротевшему дому. Возле чума Матерь Детей развела из щепок дымокур: на тлеющие угольки положила куски пихтовой коры и выдровой шкуры. Это всеочищающий дым, которым она окуривала детей и себя. Особенно старательно подставляли дыму пятки, наступавшие на горестную землю кладбища. И только после этого все трое вошли в жилище.

Пять траурных дней и ночей закончились. После похорон одни запреты по обряду снимаются, другие остаются до года. Но главное, первые пять ночей отсидели и дорогих родичей по-людски проводили в последний путь.

Матерь Детей молча опустилась на свое место в чуме и долго сидела неподвижно. Потом как сидела, так и повалилась боком на лежанку, и в глазах у нее потемнело. Будто заснула вечным сном и для нее жизнь на этой земле завершилась. Через некоторое время она очнулась, но оставалась в каком-то странном оцепенении. То ли сон, то ли явь. То ли на том свете, то ли на этом. То ли это она, то ли не она, а кто-то другой... Потом она стала различать два цвета в макодане: черный или белый. Иногда улавливала смутные звуки: тихий говор, детский плач, бульканье воды, потрескивание огня. Она потеряла ощущение времени, и не помнила, где находится... Но однажды она все же с трудом поднялась и вышла на улицу.

Яркое солнце ослепило ее. По-весеннему порыжели сосны. Ярко блистали белые снега. А у основания чума, на меховой покрышке, снежинки превратились в серебристые капли воды.

Вода...

Весна...

И Матерь Детей вспомнила, что зима давно одним бочком повернулась к весне, а сейчас заметно подвинулась в сторону весеннего равноденствия. Придет весна, сойдут снега, наступит лето. А летом надо быть на Агане, на летних родовых землях. Милый Бог, а расстояния-то ведь немалые, ужаснулась женщина. Это при двух-то оленях на пять живых душ, при одном ружье, при двух собаках...

Когда глаза привыкли к солнечному свету и женщина увидела разгромленное становье с изрубленными нартами, она до мельчайших подробностей вспомнила день прихода красных и гибель самых близких ей людей. И с новой силой захлестнула ее горестная боль. И эта боль вернула ее в реальную жизнь.

Надо жить.

Надо выжить ради детей.

Стало быть, нужно ехать. Пока не поздно.

Вернувшись в дом, она сказала старшеньким, что пора ехать. На Аган. К сородичам, к людям, к народу. И все засобирались в дорогу. Все в доме ожило, задвигалось, зашумело. Почувствовав оживление в чуме и предстоящий отъезд, на улице залаяли собаки.

И, как прежде, завертелось колесо времени. Лета и зимы ее жизни. Месяцы. Дни. Мгновения.

Все сели на нарту, запряженную двумя быками-братьями Угольным и Молочным, привязали к задним копыльям нарты собак, старого Пойтэка и молодого лохматого Хвост Крючком, и пустились в путь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Красный командир Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев, гордился тем, что даже внешним обликом смахивал на маршала Тухачевского, с которым когда-то брал Омск, а позже подавлял Тамбовское крестьянское восстание. Там его отряд отличился особым рвением и жестокостью. Возможно, поэтому, когда остяки подняли восстание, его срочно кинули на усмирение мятежников, чтобы те раз и навсегда усвоили, что шутки с красными и советской властью плохи и всякое неповиновение карается бескомпромиссно и сурово.

Когда санный поезд въезжал в Березов, мальчишки бежали вдоль улицы и кричали: «Войско идет! Войско идет!» Это приятно потешило самолюбие Чухновского. Раз войско — значит, он — командующий. Как маршал Тухачевский.

Еще на въезде в город, даже не расквартировавшись, он уже почувствовал себя полным хозяином. Местной, районной власти как будто уже не существовало. Ни партийной, ни советской. Ни милицейской. Ни прокурора, ни судьи. Нет старших. По законам военного времени хозяин один — тот, кто командует войском, у кого в руках реальная сила. Возможно, по этой причине в глубине души, никому не признаваясь, он любил войну и военные походы. Еще в Гражданскую, будучи младшим командиром, впервые он впервые испытал это сладостное чувство вседозволенности и превосходства над всеми. Что хочу — то и творю. Вот и взял Березов. Без боя. Завтра пригонят оленьи упряжки — и возьмет все остальное: реки и озера, селения и урочища, где засели восставшие остяки. Где с боем, где без боя. Он быстро наведет здесь

порядок. Понадобится всего лишь месяц. А возможно, и того меньше. Все предусмотрено для удачной операции: и аэропланы, и хорошо вооруженные и обмундированные красноармейцы, и аргиш с опытными каюрами дожидается на ближних ягельниках. От конного поезда придется отказаться — дороги не позволяют, по болотам не проедешь, на переправах можешь застрять.

Так размышлял Чухновский, прогуливаясь по сумеречному Березову. На город ему хотелось взглянуть особо: здесь почил светлейший князь Меншиков, некогда всесильный правитель Российской империи. Впрочем, таким ли уж всесильным был князь, коль не сумел удержаться у власти?! О чем он размышлял, прогуливаясь в мощной лиственничной роще на высоком взгорье над рекой и бескрайней заснеженной луговиной?! Возможно, жалел о своих ошибках и просчетах. Возможно, смирившись со своей участью, философски смотрел на жизнь и, возводя белую церковь на опушке лиственничной рощи, вспоминал лучшие свои дни рядом с другом и императором Петром Великим?! И эти лиственницы, высокие, прочные, здоровые, как и сам светлейший князь, будто случайно, по ошибке природы оторвались от родимой плодородной почвы и крепкими корнями вцепились и вросли в этот высокий мыс над крутояром, обрывающимся к реке, к Северной Сосьве. Ведь во всей округе нет ничего более сильного и мощного, чем этот лес-великан. Впереди на восток тянется пустынная луговина с редкими кустиками чахлого тальника, а позади, за десятком добротных купеческих домов и двухэтажной гимназией, приютились приземистые избы с огородами да низкорослый, битый всеми ветрами и морозами ельник, неведомо как выживший на этой суровой земле.

Трудно понять логику рассуждений государственного деятеля тех далеких лет. Проще понять Троцкого, кото-

рый чуть более двух десятков лет назад бежал отсюда в Европу. Хоть и попал он в опалу, но многие понимают, что именно он создавал Красную армию. Был он первым председателем Реввоенсовета Республики и, коль не удержался на своем посту, значит, не был настолько крепок. Значит, какая-то червоточинка подточила его душу, не до конца был предан рабоче-крестьянскому делу.

Проходя мимо лиственничной рощи и размышляя о тех, кто побывал здесь до него, глава красных почувствовал колики в пояснице: давал о себе знать застарелый радикулит. Особенно он не беспокоил — бывало, поноет, а потом отпустит. Но в дороге надо бы поберечься, нужно смазать хорошей мазью да, может, промять поясницу. Вернувшись в отведенную ему квартиру в добротном купеческом доме в центре села, он приказал прислать доктора. Его на месте не оказалось, поэтому пришла фельдшер — белотелая рыжая девица с насмешливыми зелеными глазами. Нисколько не смущаясь большого начальства, поздоровалась с улыбкой, спросила:

— На что жалуемся, товарищ командир?

Он внимательно оглядел ее с ног до головы, помолчал, потом сказал:

— Для начала познакомимся.

— Хорошо, — живо откликнулась девушка.

— А зовут меня Владимир, — сказал он. — Правда, не Ильич, а Васильич.

— А я — Маша. Оболкина.

— Откуда ты такая взялась в этих дебрях, Маша? — удивился командир.

— Да я из ваших.

— Из каких наших?

— Ну, из красных.

— Из каких красных?

— Ну, которые царя скинули.

— Ух ты! — удивился командир. — Выходит, здесь тоже царя скидывали! Ай да Березов! Ай да очаг революции!

— Батька мой революционером был, — пояснила девушка. — А я здесь родилась.

— А где сейчас батька?

— Не знаю.

— Куда же он подевался?

— Как только услышал про революцию, так и укатил. То ли в Питер, то ли в Москву. Говорил, революцию защищать поехал.

— И ничего о нем не слышно было после Гражданской?

— Нет, ни слуху ни духу.

— Совсем пропал?

— Наверное, погиб на фронте. Так бы уж объявился.

Помолчали, приглядываясь друг к другу. Потом красный командир спросил:

— А мать тоже из ссыльных?

— Не, мама у меня местная.

— Остячка?

— Да, полуостячка. Из обрусевших.

— А откуда корень пошел?

— Дед мой по материнской линии был из казачьего сословия в далеком прошлом. Женился на бабушке, обской остячке. А отец мой из питерских разночинцев. Там уже корней не найдешь.

— А на фельдшера где выучилась?

— В Остяко-Вогульске. Там после революции открыли фельдшерско-акушерскую школу.

Между тем Маша вымыла руки под рукомойником и открыла свою фельдшерскую сумку. Чухновский снял гимнастерку, провел руками по бокам, потянулся слегка, лег на кушетку и сказал:

— Ну, красная Маша, лечи красного командира!

Звякнув банками-склянками, она поколдовала над его поясницей, потом, прикрыв его спину простыней, сказала:

— Прогреть бы надо. — Помолчала, после добавила: — И на холод не надо бы ходить.

Он покряхтел, потом откликнулся:

— И погреть некогда. И на холод надо ходить.

Маша после паузы сказала:

— Так можно долго лечиться — и все без толку.

Чухновский с беззаботностью бывалого вояки произнес:

— На войне пуля все может излечить...

— Конечно, может, — согласилась Маша.

Потом они надолго замолкли. Наконец красный командир прервал молчание, спросил:

— Маша, ты замужем?

Маша секунду-другую помедлила, потом протянула неопределенно:

— Не-а... То есть...

Ответ развеселил командира. Хохотнув, он переспросил:

— Так есть муж или нет?

— Есть, — сказала девушка. — Но только сейчас нет его дома.

— Где же он?

— На промысле.

— Когда приходит?

— В конце сезона.

— Это в конце зимы?

— Да, конечно.

Красный снова помолчал. Потом сказал:

— Маша, у тебя необыкновенные руки... Ты могла бы с нами пойти на войну?

— Кем?

— Санинструктором, конечно. Или военфельдшером.

— Что, своего нет?

— Есть, но коновал. Ему бы только коней лечить.

— А там, в тундре-тайге, коней-то не будет, да?

— Точно. Да и хворь к нему какая-то пристала. Может, простыл в дороге. Какая от него польза? Ну что, пойдешь?

— Что я там буду делать? — наивно спросила она.

— Раненых станешь лечить.

— Их же в госпиталь отправляют.

— Ну, так первую помощь надо оказать.

— Так это любой мужик сделает.

— Все-то ты знаешь, Маша!

— Так ведь учили всему этому.

— Ну... мирным остякам станешь помогать. Если, правда, таковые найдутся.

— У них своя медицина.

— Ну как, пойдешь?

— Кто ж добровольно ходит на войну?!

— Верно, добровольцы только сдуру прут. Но ты-то в обозе будешь, в тылу, а не на передовой. В атаку-то не пойдешь... Опять же у нас аэропланы есть. В случае чего всегда можно выдернуть из любой заварушки. А аэропланы специальные. На лед могут садиться. На реки и озера.

— Поди разберись там, где передовая, а где тыл.

— Разберемся. Хотя это как на партизанской войне.

Раздался стук в дверь. После разрешительного окрика командира на пороге вырос его помощник, малый неопределенного возраста, с довольно потрепанным жизнью ликом, на котором выделялись мертвые, без всякого выражения, глубоко посаженные глаза и вечно розовые прожилки, просвечивающие сквозь кожу щек и носа. Увидев девушку, он дернул вверх левое приопущенное плечо, вытянулся и бодрым, но немного писклявым голосом стал докладывать что-то о транспорте

на следующий день. Командир оборвал его на полуслове, махнул на дверь: мол, я занят, попозже, потом разберемся. Помощник четко развернулся, шаркнул валенком и вышел.

— Это мой помощник, Мингалев, — сказал командир. — Гад, конечно. Но свой, рабоче-крестьянский. И очень исполнительный...

Командир немного лукавил, говоря про своего помощника. Уж больно тот был изобретательным и безжалостным в борьбе с врагами революции и советской власти. Очень уж старался, будто замаливал какие-то старые грехи. Как-то командир полушутливо сказал: «Мерещится мне, Мингалев, что на заре советской власти ты вешал комиссаров...» И помощник вдруг начал заикаться: «Н-н-н...» Командир поинтересовался: «Что значит „н“?» Мингалев наконец обрел голос: «Н-никак нет, товарищ командир!» После этого командир еще больше уверился в том, что у его помощника темное прошлое. Тем более что тот толком не мог сказать, где был и чем занимался после Октябрьской революции 1917 года. Он гордился тем, что, как и командиру, ему досталось имя вождя мировой революции Владимир. Но еще на гражданке, чуть ли не в детстве, друзья-приятели переиначили его в Володьку и со временем от его славного имени осталась только вторая часть «Лодька». Бойцы его недолюбливали и побаивались за злопамятный и мстительный характер, за глаза называли то Лодька-Мингал, то Мангал-Мандал. Многих, особенно при первом знакомстве, он озадачивал. Не могли сразу понять, что это — фамилия, имя или кличка. А командир в гневе, бывало, и вовсе перевирал так, что получалось крепкое матерное слово. Однако главу войска он устраивал. И сейчас Чухновский повторил:

— Исполнительный... Расшибется, но выполнит приказ. Хоть и гад...

Похоже, любимым словечком командира было «гад». Но он употреблял его больше не как ругательство, а наоборот, придавал ему одобрительный оттенок — словно поощрял за пронырливость и находчивость.

Маша молчаливым, но по-женски любопытным взглядом проводила помощника командира, а потом, продолжив прерванный разговор, спросила:

— А что, командир, и без моей воли можешь забрать меня?

— Ну, по случаю военного положения любого могу мобилизовать.

— И меня в том числе?

— Да. Но без твоего желания не сделаю этого.

— Сколько времени все это займет?

— Сколько?..

Командир на мгновение задумался. После приезда он ознакомился с документами, с предысторией Казымского восстания. Как всегда бывает в таких случаях, конфликт назревал давно. Еще в 1931–1932 годах начались трения между остяками и местными властями. Именно тогда сотрудники ОГПУ арестовали в верховье реки Казым четырех авторитетных и зажиточных остяков — как говорилось в официальных документах, кулаков-шаманов — и увезли в город. Остяки потребовали освободить арестованных. Тогда власти отправили к ним для разрешения назревающего конфликта руководителя казымской культбазы Шершнева и председателя интеграл-союза Хозяинова. Однако эти посланцы, прибыв на факторию, базу Уралпушнины в районе Нумто, занялись не переговорами, а производством... самодельных бомб. Они называли их гранатами. Выдалбливали серединку редьки, насыпали туда порох, а вместо взрывателя вставляли фитиль из ниток. По верховьям рек быстро разнеслась весть, что красные готовятся к войне. Не менее странно повела себя и вторая группа перего-

ворщиков от властей. Она доехала до Нумто — Божьего озера — и ни с чем вернулась обратно. Якобы поднялась пурга и посланцы заблудились, потеряли дорогу, хотя каюры-проводники были из местных жителей и не могли не сориентироваться в своих вотчинах.

Между тем конфликт все усугублялся. На переговоры отправили третью, более многочисленную группу. Она тоже заняла странную позицию: сначало нужно расправиться с богами местных народов, а потом приступить к переговорам. Возможно, переговорщики полагали, что мятежники, лишенные святынь, будут более сговорчивыми. Группа пропала без вести. Позднее выяснилось, что вся она погибла. Именно члену этой группы, представителю Уралобкома, бывшей комиссарше Ш. принадлежала идея уничтожить всех остяцких богов. Размахивая револьвером, она поднялась на священный остров, куда никогда не ступала нога чужеземца. Так была осквернена главная, особо чтимая святыня коренных жителей. Такого кощунства остяки потерпеть не могли. С этого дня они начали военные действия.

Затем к мятежникам была отправлена четвертая, оперативная группа сотрудников ОГПУ. Но она была уничтожена практически одной семьей. Некто Григорий Сенгепов с женой вступили в бой и побили оперативников. Правда, сами супруги тоже погибли.

По оперативным данным, в конце 1933 года восемьдесят семей остяков и самоедов верховья Казыма собрались близ своего священного места. Съехались все остяцкие роды верхнего течения реки: Вандымовы, Молдановы, Артемьевы, Ерныховы, Лозямовы, Сенгеповы, Тарлины и другие, а также самоедские роды, жившие возле озера Нумто. На этом сходе был избран новый вождь «всего остяцкого и самоедского народа» — остяк Вандымов Ефим Семенович — и принято решение о начале войны: если придут красные, то «воевать

с ними до смерти». Вскоре власти получили ультиматум восставших из семи основных пунктов. Вот некоторые из них:

Прекратить всякие аресты туземцев и судить их только своим судом и из тундры никуда не увозить...

Не отбирать у кулаков оленей для культбазы и не заставлять туземцев работать на культбазе...

Снять налоги с кулаков, не облагать их твердыми заданиями и не привлекать к суду за невыполнение этих заданий...

Закрыть на культбазе интернат и не брать обучать детей в школу, а тех, которые учатся сейчас, из школы вернуть родителям...

Ультиматум заканчивался предупреждением, что в случае неудовлетворения этих требований «пойдем войной».

Власти поняли, что мирным путем конфликт не разрешить. Ни одно из этих требований они не собирались удовлетворять, поэтому срочно вызвали войска из Екатеринбурга. Теперь вот получается, что Чухновский возглавляет пятый поход на восставших. Сколько же их, мятежников? На сходе было восемьдесят семей. А семьи у них большие. Если взять в среднем по пять человек, то получится четыреста человек. Примерно сто — сто пятьдесят из них малые дети и грудные младенцы. Допустим, в округе примкнет к ним еще двадцать–тридцать семей, что не приняли участие в сходе. Это еще сто — сто пятьдесят человек. Малых и грудных — сорок–пятьдесят. В общей сложности будет пятьсот — пятьсот пятьдесят человек. Даже если из них поставят под ружье половину — это двести пятьдесят — триста. В обычных условиях, в средней полосе России, это одна хорошо спланированная войсковая операция. Тут, правда, много неясного

и непредсказуемого. По поступающим сведениям, здесь наравне с мужчинами «воюют до смерти» и женщины, и дети. Как это было с семьей Сенгеповых. Но все равно против регулярных войсковых частей им не устоять.

И командир красных начал рассуждать вслух:

— Ну, недельку туда, до их логова. Столько же на обратную дорогу. Там неделька-другая понадобится. За месяц управлюсь. Больше не потребуется.

— А если все затянется?

— Такому не бывать. Управлюсь быстро. У меня опыт большой. Недаром же бросили сюда. Не к теще на блины.

— Не знаю...

— Ну, думай до утра. Надумаешь — в отряд зачислим.

— Может, и надумаю. Ведь во мне бунтарский дух сидит, — рассмеялась девушка.

— Что за бунтарский дух?

— Это с детства мне так говорили. Мол, много кровей в тебе смешалось: и остяцкая, и казацкая, и питерско-разночинная. Вот тебя и несет вечно туда, куда, может, и не следовало бы ходить...

Они оба помолчали. Потом Чухновский поинтересовался:

— Может, тебя бойцы пугают? Все же одни мужики...

Она дернула плечом, взглянула на него сверху вниз, со смехом ответила:

— С таким-то командиром?!

Он тоже усмехнулся в усы: вот девка — нигде не пропадет!

На другой день Машу Оболкину зачислили в отряд красных, и она засобиралась в поход на неведомое правобережье Оби, захваченное восставшими остяками.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Аэроплан, заполняя гулом все небо, стал описывать круг, словно накидывая на упряжку огромную петлю.

Матерь Детей остановила оленей посреди кочкастого болотца с редкими сосенками. Укрыться все равнонегде — поблизости нет ни леса, ни бугорка. Она всем существом почувствовала, что сейчас крылатое чудовище-хищник начнет затягивать петлю, чтобы удавить ее вместе с детьми. Она знала, что аэропланы в хорошую погоду охотятся за каждым человеком. А сегодня день что надо: все видно как на ладони. Но надежда на спасение все-таки была. И Мать быстро завязала вожжу на первый копыл нарты.

Старшенький Роман тут же соскочил с сиденья и громким шепотом, словно летун мог услышать, предложил Матери:

— Давай стрельнем!..

— Нет-нет! — закричала Мать. — Не показывай ружье! — Она замыслила другое. Женщина скороговоркой скомандовала: — Анна! Мария! Слезайте с нарты! Выходите на дорогу!

Девочки поспешно спрыгнули со своих мест.

Матерь Детей, командуя, одновременно разъясняла свои действия:

— Становитесь на дорогу! Назад идите, подальше от нарты... Пусть крылатая машина нас хорошо видит! Пусть видит, что мы не воины... В руках у нас нет ружей... Мы с красными не воюем... Пусть видит, что тут дети и женщина! Мы домой едем... Никого не трогаем...

На стоявшей впереди нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший — Савва. Мать хотела взять его на руки, чтобы летчик видел: вот, мол, самый

младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать!.. Но Мать не успела вовремя взять Савву на руки. А суетиться было нельзя — это она чувствовала всем нутром. Летчик может подумать, что она вытаскивает из полости нарты ружье и патроны. Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними.

Так Савва остался на нарте один.

Между тем аэроплан замкнул небесную петлю, развернулся на закатной стороне и устремился прямо на беззащитный выводок женщины. А она уже всех расставила по местам. Старшенькому Роману велела встать позади всех и сказала ему:

—Ты у нас в мужской малице. Хоть и мал, а могут принять за воина... Поэтому стой за нами и не высовывайся!

Дочерей поставила перед собой, чуть впереди. По левую руку — Мария, по правую — Анна. Все трое в женских ягушках и платках. Сразу видно — тут две девочки и одна женщина. Все безоружные, бежать и прятаться от красных не собираются.

Теперь Женщина заговорила от имени детей:

— Нас не надо убивать... Мы только-только на свет вылупились... Мы еще совсем маленькие... Нам еще надо пожить... Мы еще жизни-то не видели... Мы еще на солнышко-то не налюбовались... Мы еще на луну-то не насмотрелись... Мы еще путей-троп не успели по жизни натоптать...

Все стояли лицом к аэроплану, который, гудя, приближался, напоминая хищную птицу с расправленными когтями. За опасную птицу принял его и молодой рыжий пес Хвост Крючком. Натянув цепь, вскакивая на задние лапы, он неистово облаивал неведомое ему существо. А Пойтэк, пнем застыв возле копыла нарты, почему-то смотрел не в небо, а на своих хозяев, остановившихся посреди голого зимника.

Но Матерь Детей не теряла надежду: человек в летучей машине посмотрит на них, убедится, что это женщина и дети, и оставит их в покое. И, успокаивая своих птенцов, наполняя пустоту голосом, она все повторяла-говорила:

— Мы еще маленькие... Нам еще нужно пожить... Красная машина нас не тронет...

Последние ее слова растворились в нарастающем гуле. Аэроплан, снижаясь, метил прямо в них. А они со смешанным чувством любопытства и страха, с широко раскрытыми глазами смотрели на приближающуюся крылатую машину, которую никогда так близко не видели. Вон, кажется, шевельнулся рулевой в огромных очках. Видно, хочет как следует рассмотреть детей...

Гул мотора превратился в рев. Вдруг от аэроплана стали отделяться черные точки: одна, вторая, третья... Роман, уже многое знавший о войне по рассказам взрослых, истошно завопил:

— Огненные камни! Падайте! Ложитесь! Падай!.. — И как-то неосознанно — ноги сами подтолкнули — нырнул в сугроб.

А Матерь Детей, заколдованно глядя на падающие «камни», вдруг оцепенела и не смогла даже шелохнуться. Ее парализовала мысль: «Камни летят на моих деток!» Дочери Анна и Мария тоже замерли от испуга и неожиданности.

Через мгновение грохнул взрыв.

Вихрь ударил в грудь — и Матерь Детей упала навзничь. Падая, краем глаза она увидела, как Хвост Крючком сорвался с цепи и радостно, взмахнув своим пышным лохматым хвостом, рыжим клубком понесся к хозяевам. Но предсмертный визг попавшей под огненный камень собаки она уже не слышала.

Все вокруг взвихрилось, потонуло в снежном урагане. И показалось Матери Детей, что вместе с грохотом

она провалилась в Нижний мир и навеки оставила Землю людей. Все исчезло. Все потонуло во мраке. Время остановилось. Воцарилась мертвая тишина... Потом стала наплывать белая пелена. Она еще подумала: странно, очень странно... почему это в Нижнем мире белая пелена, а не черная тьма. Затем пелена стала медленно рассеиваться. Проступили очертания поникших сосенок, дорога и меховые ягушки дочерей. Не осознавая, машинально отметила: вот Мариина шубка — на ней орнамент «заячье ушко», сама вырезала и шила. А вот Аннин узор, называется «спинка соболя». Значит, они рядом, это хорошо... Но Матерь Детей лежала неподвижно, будто она стала бестелесной, будто тело ее разнесло огненным камнем на мелкие-мелкие крупинки и превратило в белую пыль.

Безмолвное небо.

Покалеченные сосенки.

Мариино «заячье ушко».

Аннина «спинка соболя».

Прошло еще сколько-то времени. Потом в ее ушах появился звон, а в ноздри ударил противный запах огненного камня. Но окончательно вернул ее на Землю людей зов, полный мольбы и пронзительной боли:

— Мамм-ма-а-а...

— Ан-на-а! — живо откликнулась Мать, напрягая все силы.

Зов старшенькой дочери подбросил женщину, оторвал ее от земли. Она всем своим нутром почувствовала, что сейчас дочка Анна больше всех нуждается в ее помощи. И она подползла к Анне, села на снег, положила голову дочери себе на колени.

— Мам-ма... — почти шепотом повторила Анна.

— Я тут, я тут, Анна! — закричала Мать.

Она обхватила голову дочери двумя руками, низко наклонилась над Анной. Лицо Анны неузнаваемо из-

менилось: заострились нос и скулы, угас живой румянец на щеках и впервые прорезались тонкие нити страдальческих морщин. Вся она побелела как весенний снег, исходящий трещинами под неумолимым жаром небесного светила. Глаза ее, как два озера, были полны слез, но взор все еще оставался ясным. И она тихо, но отчетливо выговорила:

— Мама, я хочу жить...

— Что ты, Анна! Ты будешь жить! Будешь жить! — закричала Мать.

С этим криком на устах она стала ощупывать голову дочери, развязала ей платки на шее. Торопливо приговаривала, успокаивала:

— Ты будешь жить! Вот, головушка цела! Вот, рученьки-ноженьки на месте! Конечно же будешь жить! Ничего плохого с тобой не случится!

Говоря это, Мать развязала тесемки-завязки на груди дочери, запустила руку под полы ягушки и стала ощупывать тело Анны в поисках раны. И ее рука почти сразу же наткнулась на липкое и горячее.

Анна вздрогнула всем телом и тяжело застонала.

Мать рывком сорвала с головы свой платок и, свернув его, приложила к ране на груди дочери. Теперь она сидела на снегу, держа левую руку под ягушкой Анны, как бы пытаясь теплом ладони приостановить кровотечение, а правой, унимая боль, вбирая эту боль в себя, нежно водила по лицу Анны и страстно, как молитву, громко шептала:

— Анна, миленькая моя деточка!.. Богом данная мне деточка!.. Анна, я отниму твою боль... Анна, я залечу твои раны... Анна, я сделаю тебя здоровой... Анна, я сделаю тебя невредимой... Ты не оставишь эту солнечную землю, ты не оставишь эту лунную землю, ты не покинешь этот светлый мир!..

Под теплом материнских ладоней Анна перестала стонать и впала в полудрему, успокоилась, затихла. А Мать,

словно напевая колыбельную песенку своей малышке, все нашептывала тихонько:

— Моя миленькая... Моя хорошенькая... Моя умненькая... Разве для того я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы сгинуть посреди этого горестного болота?! Разве для того я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы твоя душа до срока покинула эту землю?! Нет-нет, Анна, нет, не бывать этому!.. Ты будешь жить, Анна!.. Это говорю тебе я, твоя мама... Ты слышишь меня, Анна?.. У тебя впереди еще много солнечных дней!.. У тебя впереди еще много лунных дней!.. Ты у меня на руку проворненькая!.. Ты у меня на ногу скоренькая!.. Возьмешь ли ты иглу большую иль малую — она звенит-поет в твоей руке!.. У тебя впереди еще много стежек-дорожек, у тебя впереди еще много узоров-орнаментов, сотворенных твоей искусной рукой!.. И наступит яркий безоблачный день, и на трех ли белых оленях за тобой примчится человек... И своего дома ты станешь хозяйкой, и своего очага ты станешь хранительницей... И станешь ты любимою женщиною, и станешь ты ласковою матерью, и станешь ты доброю бабушкою... Ты — моя солнечная красавица, ты — моя лунная красавица... Анна, доченька, ты слышишь ли меня?..

Анна, убаюканная молитвою Матери, слабо шевельнула пальцами правой руки, с трудом разлепила отяжелевшие веки и медленно, едва слышно выговаривая каждое слово, с долгими паузами, спросила:

— Мам-ма... а ТАМ... солнце... свет-тит?..

— Что ты, Анна?! — закричала Мать. — Анна, душенька моя! Анна, сердце мое! Солнышко ЗДЕСЬ! Вот оно, на небе! Солнышко смотрит только на тебя! Солнышко светит только для тебя! Это твое солнышко! Только — твое! Солнышко — твое! Анна, не оставляй солнышко! Только не оставляй солнышко, слышишь?!..

Говоря это, Мать подняла голову к солнцу, к небу, отчаянно призывая их на помощь. Теперь она обращалась то к Анне, то к Богу:

— Милый Торум, где же Ты есть?! Где же Ты, где?!. Анна, вот солнышко тянет к тебе свои ласковые руки-лучи! Милый Торум... Анна, доченька...

Мать говорила быстро, скороговоркой, то опуская, то задирая голову к небу. И не заметила, как помутнел взор Анны и как стали гаснуть ее по-детски чистые глаза. А Мать все говорила, говорила, все убеждала дочку, что она будет жить. И вдруг замерла, застыла на полуслове с открытым ртом: левой рукой почувствовала, что у Анны не стало сердца... Еще мгновенье, не веря этому, Мать, окаменевшая, сидела молча. Потом, опомнившись, она дико закричала.

Так закричала, что от ее крика треснули льды и снега болота.

Треснуло небо.

Треснуло солнце.

Все вокруг покрылось трещинами.

И Мать повалилась на остывающее тело Анны и завыла на всю Вселенную нечеловеческим воем. Ее жуткий вой, вползая во все земные и небесные трещины, расшатывал, казалось, все мироздание. Все рушилось. Все рассыпалось. С уходом Анны подступал конец мира, конец человечества, конец остяцкого народа и вместе с ними подступала кончина Матери и всех ее детей. И эту надвигающуюся катастрофу не мог предотвратить никто, ибо даже истекающая кровью Божья Матерь оказалась бессильной перед красными.

— Какую девочку погу-би-ли-и!.. — подвывала женщина, давясь слезами. — Псы... мерзавцы... сволочи... Какие твари вас пор-ро-ди-ли... Тварри... будьте прок-кля-ты... на все времена... пока земля стои-ит-т...

Наконец вой перешел в глухое шипение. И Матерь Детей, омертвевшая, затихла и теперь лежала, подобно подбитой птице, распластавшись на стынущем теле милой доченьки...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Помощник командира Лодька Мингалев поднес бинокль к глазам. Две упряжки в снежном вихре улетали по озеру. Уходили они с такой скоростью, будто взлетели и неслись по морозному воздуху. Казалось, вот-вот унесутся в небо. В первой нарте сидела молодая женщина в платке, во второй мужчина — мелькал светлый гусь* с белым капюшоном.

Помком Мингалев оторвал бинокль от лица, уверенно сказал командиру:

— Разведка!

Командир помедлил, потом глухо приказал:

— Взять! Живыми!

Мингалев развернул красноармейцев цепью, скомандовал: По оленям — огонь! — Выдохнул морозный пар, снова заорал: — Огонь — по оленям! — Перевел дух, опять крикнул: — Огонь!

Дали три залпа. У задней упряжки сначала захромал правый пристяжной, потом упал вожак. Остался на ногах средний олень. Мужчина соскочил с нарты, развернул последнего оленя поперек дороги, прикрылся им от преследователей и вытащил винтовку. Женщина тоже остановила упряжку, но спутник что-то крикнул ей и замахал руками: мол, уезжай, прикрою.

Мингалев пустил за ними четыре упряжки с красноармейцами: две слева, две справа от основной дороги. По мелкоснежью озера ездовые быки понеслись гало-

---

* Мужская глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу.

пом. Преследуемый открыл огонь по красноармейцам. Тогда помком пустил еще две упряжки с каюрами и новыми карателями, теперь уже по основной нартовой колее. И шесть упряжек стали окружать остяка с подбитыми оленями.

— Не уйдут! — заверил Мингалев.

Командир молча наблюдал за неравной схваткой. Потом кивнул в озера, откуда приехали, сказал помощнику:

— Переночуем на фактории!

— А этих куда? — помощник показал на середину озера.

— Привезешь туда.

Чухновский тронул своего каюра за плечо. Командирская упряжка развернулась и направилась в сторону фактории, базы Уралпушнины. Путь был не ближний: фактория находилась в сосновом бору невдалеке от Священного озера, на берегу таежной речки, на окраине болота, где в просторной избе жил русский приемщик пушнины. Хозяйство у него было крепкое, добротное. Имелась всякая мелкая домашняя живность, соленья-варенья, банька и другие хозяйственные постройки. Когда-то это была купеческая заимка, где при Советской власти открыли заготпункт и назвали факторией. Там можно было хорошо отдохнуть. И командир решил оборудовать в этом месте своего рода базу, командный пункт, откуда удобно делать вылазки небольшими отрядами по всем направлениям для поимки беглых остяков и усмирения непокорных селений. В крепких складских помещениях содержались пленные. После разгрома ледяной крепости возле Божьего озера в задачу главы красного войска входило выловить и доставить в окружной центр Остяко-Вогульск как можно больше участников восстания для следствия

и показательного суда над теми, кто замахнулся на советскую власть, кто захотел свободы и независимости. Всем нужно показать, кто хозяин на этой земле. Красная власть — это не царский режим, ни с кем церемониться не будет. Всякого, кто пойдет против, покарает сурово и жестоко.

Остальные упряжки тронулись за командирской.

На озере остался только помком Мингалев со своим каюром и парой красноармейцев.

В фактории командир красных с мороза выпил полкружки спирта и плотно поужинал в просторном пятистенке, который он занял. Его большое тело требовало много энергии, поэтому он придавал особое значение вечернему приему пищи, во время которого никто не смел потревожить его. Потом, уже к полуночи, вызвал помощника для доклада. Тот поставил в сенях печку-буржуйку и оборудовал что-то вроде караульного помещения. Если понадобится, он всегда рядом, всегда под рукой.

— Ну что? — спросил командир.

— Да почти ничего не выяснили, — сказал помощник.

— Как так?

— Молодожены были. Мол, ехали навестить родителей жены да наткнулись на вас. Мол, никого не видели, ничего не знаем.

— Где он?

— Да там и прикончили. Во время допроса.

— Что так спешно?

— Так ведь отстреливался — бойцы злые были.

— А женщина?

— Ее раньше отправили.

— Думает, что муж жив?

— Да, наверно.

— Где она?

— Здесь.

— Что она?

— Все молчит. Пока не трогали.

— Давай ее. Сам начну.

Конвоир привел пленную — хрупкую молоденькую девушку с черными длинными косами и приятными чертами чуть удлиненного смуглого лица. Обхватив плечи тонкими, как у девочки-подростка, руками, она остановилась у порога. Видно, в одном платье ей было зябко. Людей на конвой, на охрану и на прочие обязательные наряды всегда не хватало, поэтому у пленных прежде всего отбирали теплую одежду, чтобы они не смогли бежать в жестокие холода. В этом случае мороз становился своего рода красным охранником.

Командир сделал знак, и конвоир с помощником вышли в двери, ведущие в сени. Чухновсий и пленница остались вдвоем.

Командир подвинул к печке табуретку, сказал:

— Садись.

Она взглянула на табуретку, отошла от порога в сторону печки, но не села.

Тогда он налил чаю в кружку, поставил ее на край стола, пододвинул туда нарезанный большими ломтями хлеб и деревянное блюдо с вареным мясом. Жестом гостеприимного хозяина пригласил:

— Ну, садись к столу, чайку попей!

Она не сдвинулась с места, но повернула голову к столу, посмотрела, как над кружкой струится пар от горячего чая, и с деланным равнодушием отвела взгляд в сторону.

— Не хочешь — как хочешь, — проговорил командир. — Он помолчал, потом начал задавать вопросы будничным голосом: — Скажи, как тебя зовут?

Молчание.

— Ладно, будешь Безымянная. Скажи, откуда родом?

В ответ молчок.

— Куда ехала?

Нет ответа.

— Откуда ехала?

Молчок.

— Кого видела в пути?

Молчание.

— Сколько вооруженных?

Все без ответа.

— Сколько безоружных?

Без ответа.

— Сколько селений проехала?

Нет ответа.

— Расскажи все, не бойся, — почти ласково проговорил командир. — Мы все равно все узнаем. Вот распогодится, полетят наши аэропланы — и все высмотрят с неба. Все занесут на карты, зарисуют на бумагу. От нас никуда не спрячешься, нигде не притаишься. Все небо над тайгой и тундрой исчертим-изрисуем. Поэтому таиться нечего. Честных да мирных остяков не тронем. А кто поможет выловить бандитов — благодарность нашу получит. Так что подумай. Может, что и захочешь нам рассказать.

Девушка будто не слышала его слов.

Он немного помолчал, оглядел, чуть сощурившись, ее стройное гибкое тело под тонким платьем, потом сказал:

— А ты... будешь ездить за мной в моем обозе до тех пор, пока не заговоришь. Поняла?

Молчание.

Он вытащил армейскую фляжку, плеснул спирта сначала в одну, потом в другую кружку, предложил:

— Раз чаю не хочешь, может, спирта со мной выпьешь?

Девушка опять промолчала.

Он медленно поднес кружку к губам, выпил и вытер губы рукавом гимнастерки. Крякнул от удовольствия, перевел дух. Потом, чуть подавшись вперед, остановил взгляд на лице девушки, и резко и отрывисто выстрелил вопрос:

— Где полковник?.. Белый!..

У девушки вздрогнули ресницы.

Он откинулся назад на своем сиденье, опять расслабился и, потирая руки, с удовлетворением сказал вслух:

— А ты, оказывается, важная птица...

Ходили упорные слухи, будто одним из руководителей восстания является белогвардеец, полковник Генштаба царской армии, который остался здесь после окончания Гражданской войны. Он и разрабатывал все военные операции остяков, обучал их военному делу, инструктировал, из подручных средств изобретал различные мины-ловушки и другие взрывные устройства, чинил поврежденное оружие, снабжал боеприпасами. А база его якобы находилась в глубине лесов, в верховьях остяцких рек, в районе православной русской церкви, или лесной часовни. Там остяки заряжались верою, укрепляли дух. Молились, как они выражались, русскому Богу, просили у русского Бога помощи в борьбе против красных русских. Что лесная часовня существует — в этом Чухновский не сомневался. Ибо дед-остяк, которого взяли в заложники, прямо и без всякого страха объявил командиру-главарю: «Ты нас не победишь!» Командир спросил: «Почему?» Дед ответил: «Потому что нам помогают два бога — остяцкий и русский. Мы молимся русскому Богу в русском Божьем доме».

Это была чистая правда. Дело в том, что все старшее, дореволюционное поколение было крещеным. Славно поработали русские попы, подумал командир. Остяки считали, что православная икона оберегает человека в основном в доме и на дворе. А за их пределами вступают в силу древние языческие боги. Так причудливо переплелись две религии. Вот и получается: какой бог тебе нужен, к тому и идешь на поклон. Тогда командир попросил деда: «Укажи дорогу к Божьему дому». — «Нет, не укажу». — «Почему?» И дед-заложник пояснил: «Если я открою тебе дорогу, Бог меня накажет и я умру». Командир сказал: «А если не покажешь — так от моей руки можешь помереть...» Мудрый дед возразил: «Это уже от твоей воли не зависит, это как мой Бог решит». Командир ему: «Я решаю, а не твой Бог!» Дед опять возразил: «А мой Бог поворачивает твой ум. Куда захочет, туда и повернет. Как Он захочет, так и сделаешь».

Командир взялся за голову. Ведь он не жаловал предателей, а деда за честность просто так не отправишь, как они выражаются, в Нижний мир... Напасть же на след полковника так и не удавалось. Впрочем, говорят, он не столько в своем штабе сидит, сколько разъезжает и управляет восстанием. А выловить его трудно потому, что обличьем он похож на остяка, одет в малицу и кисы, знает язык и обычаи, изучил местность и приметы погоды, хорошо владеет различными видами оружия, а упряжкой правит не хуже всякого оленевода или охотника. В военных операциях дерзок и непредсказуем. Поди не одну академию закончил, не одну войну прошел.

Впрочем, Чухновский понимал: если бы полковник не было, то его бы придумали. Ибо местные руководители-большевики и партийные агитаторы-пропагандисты всегда подчеркивали: советская власть — это народная

власть. Стало быть, народ должен любить эту власть. Но тогда отчего же народ поднялся против этой власти? Отчего восстал? Говорят: это не народ, а кучка шаманов-кулаков, поднятая белым полковником. Как бы не так, рассуждал про себя Чухновский. Хотя он не получил военного образования, но зато боевой опыт имел большой и многие вещи понимал. Если бы это была кучка людей, небольшая группа, то местные карательные органы сами бы справились, не стали бы вызывать на помощь за тридевять земель войско с аэропланами. Нет, все намного серьезнее. Полковник знает свое дело. На днях перехватили гонца, который направлялся в обские села поднимать народ. Там, в районе устья Казыма, проживают Молдановы, Новьюховы, Харамзины и другие остяцкие роды. Там еще сохранились шаманы и старейшины, которым предстояло принять решение об участии в восстании. А немного раньше в Березове был схвачен другой посланец, ехавший на Сосьву поднимать вогульские роды Анямовых, Гоголевых, Сайнаховых, Хозумовых, Шешкиных, Ромбандеевых... Это сколько народу-то будет! Если поднимутся низовье и верховье Оби, тогда уж за одну зиму никак не управишься. А если восстание перекинется на юг Западной Сибири, так и вовсе трудно предположить, сколько времени потребуется, чтобы его подавить. Хотя там есть свои преимущества — транспортная система развита, маневрировать можно, быстро перебрасывать войска с одного места на другое, не то что в здешних непролазных снегах, в лесах и болотах...

Видно, полковник выполнял функции начальника штаба восстания, дергал за ниточки. Чухновский понимал: уничтожишь штаб противника — считай победа тебе обеспечена. Поэтому важно было выйти на след полковника. На лесную церковь-часовню потребуется

немного — две связки гранат с аэроплана. А вот со штабистом придется повозиться, голыми руками его не возьмешь. Похоже, спутник девушки мог бы вывести на него, но дурак Лодька Мингал-Мангал, как всегда, перестарался: раньше времени забил парня лиственничной дубинкой.

Трудность поиска заключалась в том, что каждый каюр-проводник хорошо знал только свою реку, свою вотчину. На других землях он мог вывести на любую точку, указанную на карте, но в чужом хозяйстве не разбирался: ему было неведомо, что и где расположено. Да к тому же по бездорожью далеко не уедешь. А тут как назло — местами снег чуть ли не по шею.

Но теперь появилась ниточка. Только тянуть за нее надо осторожно, самому, без участия старательного помощника. Девушка что-то знает о полковнике. И Чухновский опять произнес:

— Важная птица... — Потом, помолчав, многозначительно добавил: — Если не заговоришь, можешь последовать за своим спутником... Война...

Она в первый раз вперила в него свои темные глаза — из них брызнул черный огонь ненависти. Она вспомнила, как, связав ей руки и ноги, ее бросили на нарту и увезли с озера. Выстрела она не слышала. Значит, не стреляли. Но когда упряжка тронулась, она краешком глаза видела, как красноармеец вытаскивал лиственничную дубинку, какими, по слухам, красные забивают самых непокорных. Она все время надеялась, думала, что муж ее жив. Но теперь поняла, что его уже нет. И стало быть, коль нет любимого, жизнь ей ни к чему. Ведь он пожертвовал собой ради ее спасения.

Глаза ее горели черным огнем. Она подошла к столу, взяла кружку со спиртом, поднесла ко рту. Понюхала, сморщилась, постояла в раздумье. Потом не спеша по-

ставила кружку на стол. Еще постояла мгновенье. И вдруг молнией метнулась к командиру — и ударила его ножом в живот. Удар был настолько неожиданным и резким, что командир опрокинул стол и плюхнулся на лавку возле стены. На грохот в избу вбежал помком Мингалев, выбил из руки девушки нож, схватил ее сзади за волосы, задрал ей голову, приставил к виску револьвер — и, застыв в этой позе, вылупился на командира: ждал приказа. А командир сидел, оторопело прижав обе руки к животу. Наконец он опомнился, осторожно, опустив глаза, отнял от пуза сначала одну руку, потом другую. Крови не было: удар пришелся на пряжку ремня, и кончик ножа обломился, не причинив вреда.

Командир поймал огненный взгляд девушки, потом перевел глаза на помощника. Тот подобострастно ждал, готовый нажать на курок.

В доме повисла жуткая тишина.

Командир все молчал. Возможно, соображал, что же его спасло: армейская пряжка или перекаленный кончик самодельного охотничьего ножа, почему-то не изъятого при аресте. Наконец он мотнул головой, глухо приказал:

— В обоз! — Потом добавил: — С-мотри!..

Это означало: глаз с нее не спускать и без его ведома к ней не прикасаться.

Помощник Мингалев резко повернул девушку и, подтолкнув в спину, вывел ее в открытые двери, ведущие в сени, точнее, в караульное помещение.

Красноармеец-конвоир печально и, кажется, с сочувствием взглянул на ее бледно-прекрасное в гневе лицо.

После того как дверь закрылась, командир налил себе в кружку спирта и залпом выпил. Потом посидел неподвижно, ожидая, когда тепло начнет разливаться

по телу. Затем он крикнул часовому через закрытые двери:

— Машку давай!

Пришла от мороза румяная Маша с медицинской сумкой. Поздоровалась и весело спросила:

— В чем нужда, товарищ командир?!.

И он без всяких предисловий брякнул:

— Ты у меня сегодня на вертеле будешь вертеться.

— Вертело бы вертело! — беззаботно откликнулась Маша.

— Не боишься?

— Вот еще!.. — фыркнула она.

— Такая храбрая?

— Что я, мужиков, что ль, не видала! — в тон ему ответила Маша и захохотала, уловив на его лице тень легкого замешательства.

Вот девка, ничем ее не испугаешь, подумал он. И молча снял с ее плеча сумку с медикаментами.

А девушка-пленница с этого дня, со связанными ногами и с постоянным охранником-конвоиром, стала мотаться по всем тропам-дорогам войны, куда бы ни двинулись красные. Потому что глава войска, командир, хозяин-владыка, мог затребовать ее в любое время дня и ночи. И никому, даже самому Господу Богу, неведомо было, какая судьба ожидала ее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ехала Матерь Детей, потихоньку погоняла оленей. И мгновения медленно наматывались на клубок ее жизни. И мысль ее ходила от прошлого к будущему. Потом она вспомнила, как несколько лет назад в селении впервые появился чудной русский — Белый.

Отец Детей подобрал его посреди болота в зимнюю весну, в середине месяца Вороны, когда снег уже стал подтаивать и на чистине проклюнулись вершинки кочек, а в бору вот-вот должны были появиться первые проталины. Но тут неожиданно запуржило, и на два дня Верхний и Средний миры напрочь смешались: не поймешь, где небо, где земля. И когда пурга улеглась и Отец Детей поехал проверить и вытащить на лето морду* на болотной речушке, он наткнулся на человека: тот, припорошенный снегом, лежал ничком на санной колее. Отец Детей перевернул его. Обмороженное, почерневшее лицо, обтрепанная шинель, в руках зажата винтовка. Он напоминал мертвеца, но жизнь в нем еще теплилась, и охотник уложил его на свою нарту, привез домой.

— Это кто? — спросила Матерь Детей.

— Белый Человек, — ответил муж.

— Откуда узнал?

— При нем винтовка была.

Белого переодели в сухое, с трудом влили ему в рот теплый бульон и уложили в постель. Он был без сознания: то бредил и, бормоча, отдавал какие-то отрывистые и невнятные команды, то успокаивался и надолго затихал. Хозяйка дома изредка поглядывала в его сторону, ничем внешне не выда-

---

* *Морда* — конусообразная снасть из сосновых прутьев для ловли рыбы.

вая свою тревогу. А было отчего беспокоиться: кто знает, что у незнакомца на уме. Особенно в эти смутные времена.

В доме знали по слухам, что закончилась война между белыми и красными. Красные взяли верх. И белые, в большинстве своем бывшие колчаковские офицеры, выбирались из Сибири кто как мог, держась подальше от многолюдных поселений, от оживленных путей и трактов. Одни уходили с Большой Оби прямо на Север, в тайгу и тундру, где красные не могли их достать, и там мирно оседали среди остяков-оленеводов или вогулов, обзаводились семьями, обучались промысловому делу, пасли оленей, охотились, рыбачили. Со временем овладевали языком, начинали исполнять все обряды, соблюдали традиции, и по прошествии лет никто уже не мог отличить их от остяков или вогулов. Другие добирались до самого побережья Холодного океана, а там сворачивали на запад или восток. Третьи из лесов делали набеги на красных и, постращав тех, снова возвращались в тайгу. И хотя не было таких случаев, чтобы они ссорились с остяками или нападали на них, но тем не менее за каждым новым человеком нужен глаз да глаз. Это не повредит дому.

Окончательно же хозяйка успокоилась лишь после того, как Белый очнулся и, скосив впалые глаза, долго смотрел на висевшую над ним икону Божьей Матери, а потом слабой рукой молча попытался осенить себя крестным знамением. Женщина поняла, что это человек с Богом в душе. Стало быть, нечего опасаться: Верховный Отец присматривает за ним.

Потом Белый молча отыскал взглядом хозяйку дома и, показав глазами на икону, спросил тихо и хрипло:

— Откуда?

— Из Божьего Дома, — ответила Матерь Детей.

После этих слов Белый снова уснул и спал очень долго.

Лечили его отваром трав, раны смазывали медвежьим жиром, силы ему возвращали медвежьей горькой*. Когда

---

* *Горькая* — иносказательное название медвежьей желчи.

было холодно, Матерь Детей с улицы заносила это застывшее в лед снадобье, откалывала маленький кусочек и заставляла глотать и уж потом запивать водой. Проглотить льдинкой — не так горько. Позже, с приходом тепла, достали высохшую в порошок желчь, щепотку которой брали острым кончиком ножа и насыпали в блюдце с чаем. Лекарство было жгуче-горьким, но полезным.

Душу больного исцеляла Божья Матерь. Пробуждаясь, он каждый раз поднимал глаза и крестился на икону, а потом долго и молча смотрел на нее. Словно ежеутренне он проходил по трем мирам: из мира сновидений перебирался в мир Божьей Матери, а оттуда — в мир людей. И в мире Богородицы пребывал ровно столько, чтобы получить необходимые силы для продолжения жизни на земле в эти смутные времена. После он долгим взглядом обводил дом, как будто заново открывая мир людей. И снова закрывал глаза и молча слушал неведомый и странный мир остяков. По голосам он теперь узнавал всех домочадцев. Хозяйка дома. Хозяин дома. Двое старших детей, Федосья и Галактион. Двое младших детей, Анна и Роман. И одна малышка, Мария, сидит в люльке, сосет грудь. На улице две собаки, сука и кобель. На улице олени, хрустят снегом, стучат копытами. На улице две-три вороны радостно каркают. На улице весна, звенит капель. На улице солнце. Солнце, похожее на Божью Матерь. На Божью Матерь в золотом окладе.

Больше всего его занимала икона. Как она попала сюда? Зачем язычникам православная икона? У них же свои боги, размышлял он.

С Божьей Матери он перевел глаза на хозяйку дома. Она сидела в своем углу и, держа младенца на правом бедре, кормила грудью. Голова ее с ровным пробором черных долгих волос, сплетенных в две косы и прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением смуглого лица она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно

была высечена из камня. Когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню, благодаря за тепло, и склонила голову над ребенком, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью смотрела она на него. И в это мгновение женщина напоминала Божью Матерь с иконы в золотой оправе, была так же красива и добра. Но промелькнуло мгновение, и она чмокнула дитя в щечку, и, осторожно встряхнув, подняла и поставила его на ноги.

Белый Человек все молчал, глядя на таинственную икону. Почувствовав его интерес, хозяйка как-то вечером, как сказку, неторопливо рассказала историю этой иконы.

— А попала к нам икона в давние-давние времена, — начала Матерь Детей. — Сказывают, еще во времена царя Петра. Прислали в город Сургут нового князя-воеводу. Он привез с собой молодую красивую жену, княгиню, которую от себя далеко никогда не отпускал. Как-то, объезжая вверенные ему государевы владения, плыл он на большой лодке с казаками. Приустав, причалили к берегу, остановились отдохнуть да пообедать. Там их выследили и неожиданно напали на них самоеды, что жили в тундре и промышляли набегами на наши земли, грабили селения и увозили молодых женщин и девушек. Завязалась схватка. Побили друг друга. Но князь-воевода все-таки одержал верх, победил. Самоеды отступили и умчались на легких обласах*. Хватились: а княгини-то нет. Подумали, что в суматохе боя самоеды ее пленили и увезли. Князь снарядил новый отряд казаков — и за ними. В конце концов догнали разбойников, но женщины с ними не оказалось.

Закручинился князь-воевода.

А дело было в конце лета, в пору поспевания черемухи и смородины. Моя прабабушка Анна, в те годы молодень-

---

* *Облас* — лодка-долбленка из цельного дерева.

кая девушка, собирая ягоды со своей матерью в приречных зарослях, наткнулась на искусанную комарами, обессилевшую от голода княгиню. Привезли ее домой, травами да отварами напоили-накормили, в чувство привели, обогрели-приютили. Прабабушке она так понравилась, что она ни на шаг не отходила от княгини — все ухаживала за ней, как за маленьким ребенком. Оказалось, во время боя, когда на нее нацелился глава самоедов-разбойников, чтобы схватить и бросить в облас-калданку, она с такой прытью сиганула в чащу, что никто не мог ее догнать. Бежала до тех пор, пока не упала в изнеможении. А потом блуждала несколько дней и ночей по лесу. Спаслась от самоедов, но потеряла своих. Когда она поправилась, ее отвезли в Сургут-город. Князь-воевода будто заново родился — так был рад спасению жены. А княгиня пожелала, чтобы Анна погостила у нее в доме. Да так она там и осталась. Так наша прабабушка стала горожанкой. Она нарядилась в русские одежды, а княгиня научила ее читать книги и говорить на иноземных наречиях.

Так прошло несколько лет. Потом царь отозвал своего князя-воеводу в столицу. А прабабушка Анна не захотела жить в городе без княгини, вернулась в родительский дом, на реку Тромаган, то есть Божью реку. Там, недалеко от устья, находились их родовые угодья. Привезла она с собой обитый блестящим железом сундук. В сундуке том были одежда, книги с Божьими словами и икона Божьей Матери. Княгиня, прощаясь, поцеловала нашу Анну и сказала: «Да хранит Божья Матерь тебя и твой род многие лета!»

Дома Анна долго печалилась и молчала. Целыми днями перелистывала божественные книги и смотрела на икону. Видно, молилась, разговаривала, беседовала с Божьей Матерью. Родители ей ни в чем не перечили и не возражали, чтобы икона висела в чуме. К тому времени русские священники окрестили уже всех остяков, и в каждом доме была православная икона.

Как-то вечером, глядя на икону, Анна вздрогнула, замерла на мгновение, а потом посветлела лицом. На другой день она переоделась в остяцкое платье, сложила городскую одежду в сундук и принялась помогать матери по хозяйству. А спустя какое-то время она родила сына. Мальчика в роду прозвали Городским Человеком. Он рано научился ловить рыбу, охотиться на зверей и птиц, пасти оленей, отражать набеги разбойных самоедов. А когда он состарился, его стали называть Городским Стариком. Он народил семерых сыновей и четверых дочерей и прожил до глубокой старости.

Сказывают, от княгини-воеводши приходило письмо. Будто бы она написала, что князь-воевода во главе войска ушел на войну с чужестранцами, пришедшими завоевывать русскую землю, и пал на поле брани. А у нее-де, у княгини, растут дочка да сын, славные дети. И все они втроем вспоминают ее, спасительницу Анну, и молятся за ее здравие. В конце послания, сказывают, приписка была: «Да хранит тебя, Анна, Божья Матерь!»

Прабабушка Анна часто перечитывала письмо и потом прятала в сундук среди божественных книг. Она тоже прожила долгую жизнь. Видно, и вправду ее хранили молитвы княгини и Божья Матерь. Сказывают, когда на сто первом или сто втором году жизни она занемогла, то взяла в руки икону и спросила: «Как с тобою быть, Божья Матерь?» И долго и терпеливо ждала, что Та скажет. Потом, видно получив ответ, позвала младшую внучку и передала ей эту икону со словами: «Пусть она тебя хранит, Мария! — Потом, помолчав, добавила: — Когда придет пора тебе уходить, передай ее младшей дочери или младшей внучке!»

Так икона досталась нашей бабушке Марии, потом перешла моей маме Дарье, в род Тэвлиных, тоже жителей Тромагана, Божьей реки. Но мама перебралась на другую реку. Она вышла замуж за моего отца Савву, он из рода Покаче-

вых, что в нижнем течении Агана. Это был ее первый дом. Когда папа наш оставил Средний мир, она вышла замуж за человека из рода Сардаковых в верхнем течении реки. Сейчас у нее голова побелела, по ее словам, как перо халея. Она тоже прожила долгую жизнь и, надеюсь, проживет еще немало лет и зим...

Сила Божьей Матери не ослабевала несколько веков. — Матерь Детей помолчала. — Но с приходом красных что-то случилось то ли с иконой, то ли с нашей жизнью, — печально заговорила она после паузы. — Как будто течение жизни повернулось в другую сторону. Вскоре после замужества заболела и умерла моя средняя сестра. Потом младшая вышла замуж, родила мальчика и тоже умерла, оставив сироту. И мама передала икону мне, старшей дочери. «Вера, — сказала мне мама, — пусть Божия Матерь оберегает тебя, присматривает за тобой, за твоим домом». У меня, как и у сестер, жизнь получилась не очень складная. Моего первого мужа, Степаном звали, как у нас говорят, «русские увезли» сразу после революции, и сгинул он бесследно. Шаманом он был, вот люди и попросили его узнать судьбу новой власти. Он пошаманил и сказал: «Слышу, вижу, идет Огонь, который спалит красных!..» Вот за то, что пророчил красной власти недолгий век, и поплатился он своими земными днями. От него у меня двое старших детей осталось — да теперь они уже самостоятельные, почти взрослые. Всего-то от первого дома было трое детей. Один, Константином окрестили, во младенчестве умер...

Хозяйка дома закончила свой рассказ и, тяжело вздохнув, взглянула на древнюю икону. Может быть, в эту минуту, вспоминая своих близких, преждевременно оставивших земной мир, она про себя молилась Божьей Матери, чтобы Та была более благосклонна к ее дому и семейству...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Слушая историю о Божьей Матери, Белый то ли впал в забытье, то ли погрузился в сон. Очнувшись, размышляя о своем прошлом и будущем, он долго молчал, потом тихим голосом обратился к хозяйке дома:

— Вас ведь, как я понял, Верой Савельевной зовут?

Она непроизвольным движением прикрыла платком лоб, глянула в его сторону через головку младенца и негромко ответила:

— Да, верно, по-русски будет так.

— Что, еще второе имя есть?

— Да, еще Матерью Детей зовут. — И добавила: — Так зовет муж, Отец Детей.

Белый помолчал, потом задал новый вопрос:

— А имена-то у вас русские...

— Так ведь нас крестили русские попы. Помню, каждое лето приезжал поп...

— Это до прихода красных? — уточнил Белый.

— Да, в царское время. Поп крестил младенцев, что за зиму пришли на эту землю. А потом взрослые вставали перед иконой, крестились и говорили непонятные слова на русском языке. Мне слышалось так: «Осподи, помило-о-ой!» Уже потом, когда стала старше, узнала, что означают эти слова. А тогда мы, малые дети, побаивались батюшки-попа. Он был длинноволосый, с бородой, в черных одеждах. Мы прятались за постелями, уложенными вдоль нар в доме. И все же любопытство брало вверх — высовывались из своих укрытий, подсматривали, что же делает поп. А наиболее озорные ребятишки еще и подсмеивались, если

смешинка попадала в рот. Вот так навещал нас батюшка каждое лето...

Белый молча слушал.

В дом вошел Отец Детей. Вместе с ним с улицы нахлынула свежесть весеннего утра с запахом распускающихся почек и тающего снега.

Сели завтракать.

Белый сказал, обращаясь к хозяину:

— Поправлюсь и уйду.

Хозяин отхлебнул чай из блюдца и издал неопределенный звук:

— Хм-м...

Белый помолчал, потом добавил:

— Незваный гость — я все понимаю...

Хозяин чуть улыбнулся уголками губ и, упреждая невеселые мысли-рассуждения гостя, успокоил его:

— Про это дело не беспокойся — не мы тебя кормим-поим...

— А кто же?

Хозяин кивнул в сторону неба:

— Наш Верховный Отец.

— Каким образом?

Хозяин удивился наивному непониманию простейших истин, но виду не показал, а терпеливо начал растолковывать:

— Он пошлет в мои сети-невода лишнюю рыбку, на мои стрелы-пули — лишнюю птицу и лишнего зверя, в мое стадо — лишнего оленя. Для гостя, а ты у нас гость. Он прибавит мне немного удачи во всех делах. Он там высоко сидит — далеко видит...

Женщина добавила:

— И все видит, и все знает.

— Хороший Отец, — улыбнулся гость.

— Хороший, хороший, — согласился хозяин.

— Да, все может, — подтвердила женщина.

—Спасибо Ему! — поблагодарил гость.

Хозяева молча переглянулись. И гость по их движениям понял, что поступил совершенно правильно, выразив благодарность не им, а их Небесному Отцу.

Все удовлетворенно замолчали — и гость, и хозяева. Все они, очевидно, думали об одном и том же — о своем Боге — хранителе на земле, кто наделяет удачей, кто оберегает дом, кто плетет-нашептывает долгую и счастливую жизнь...

Потом гость, видя, что хозяева сами никогда не поинтересуются — не принято об этом спрашивать, — сам сказал о своих путях-дорогах:

— Иду на север.

Хозяин выдержал нужную в таких случаях паузу, деликатно, из приличия, осведомился:

— Далеко ли?

— Да уж не близко. С севера поверну на запад, дойду до Финляндии. Оттуда переберусь в Скандинавию. А там уж до Европы рукой подать...

— Дорогу знаешь?

— Дорогу-то найду. Здесь люди подскажут, а там уже места знакомые.

— Кто у тебя там, в этой... Как ее?..

— В Европе-то? Семья моя должна быть...

Хозяин долго молчал, размышляя над услышанным, потом сказал гостю:

— Сейчас далеко не уйдешь.

— Знаю.

— Потому как распутица.

— Распутица не вечная.

— Летом далеко тоже не уйдешь.

— Да догадываюсь.

— Много озер и рек, много воды.

— Лето тоже не вечное.

— Верно, лету тоже приходит конец, — согласился хозяин. Он помолчал, словно мысленно примерял на себя предстоящие тропы-дороги путника, и, выдержав долгую паузу, сказал: — Сначала здоровье надо поправить...

Гость согласился:

— Да, надо...

Но Белый выздоравливал медленно. Был он бледным и, казалось, под прозрачной кожей высвечивалась каждая косточка. По утрам, перекрестившись на икону, он медленно умывался, затем крохотной половинкой расчески поправлял усы цвета осыпающейся лиственницы и такого же цвета волосы и только после этого садился за стол.

На мир он грустно смотрел глубоко запавшими «узорчатыми», то есть голубыми глазами. Остяки называли русских узорчатоглазыми, поскольку большинство из них обладали очами небесного цвета. А среди остяков голубоглазых почти не попадалось. Когда Белый уходил в себя, из его «узорчатых» очей выплескивалась тоска. Всем в доме, кто видел это, становилось тоскливо. И хозяйка разговорами старалась отвлечь его от невеселых дум. Но лучше всего отвлекали его младшие дети, Анна и Роман. Особенно Роман. Мальчик показывал гостю свои игрушки, с любопытством рассматривал его необыкновенного цвета усы и волосы, пытался дотянуться до них, потрогать. У Белого оживали глаза. Костлявой рукой он проводил по черной кучерявой головке мальчика и говорил:

— А зови меня Петром Николаевичем или дядей Петей.

— Дядя Петя, дядя Петя... — нараспев тянул мальчик.

— Молодец, — похвалил Белый. — Ты хороший ученик. Сразу запомнил и выговорил.

— Петя-петя, — бормотал мальчик. — Петя-петя-петя...

— Что, имя понравилось? — спросил Белый.

— Не-е, — сказала Матерь Детей. — Это он здоровается.

— Почему здоровается?

— На нашем языке почти так же звучит слово «здравствуй», — пояснила женщина.

— Получается: дядя Здравствуй?

— Да.

— Чудно! — удивился гость. — Потом, помолчав, он повернулся к мальчику и, показав на свои усы, спросил: — А ну-ка, Ромка, скажи, что это такое?

Ромка на родном языке отвечал:

— Туш.

— Ага, понятно. А по-русски будет «ус». Понял?

Мальчик с удовольствием повторил новое слово:

— У-ус!..

— Правильно. А это что такое? — И он прикоснулся к своим волосам.

— Опт, — бойко отвечал мальчик.

— Ага, понятно. А по-русски будет «волос».

— Волос, — повторял ученик.

Белый прикоснулся к глазу, спросил:

— А это как будет?

— Сам.

— Глаз.

— Сам.

— Глаз.

Белый сделал паузу, вздохнул, похвалил ребенка:

— Молодец, Ромка. Из тебя вырастет хороший учитель!

Мальчик поправил его:

— Я не Ромка, а Роман.

— Хорошо, Роман так Роман.

Так Белый учился остяцкому языку, а малый Роман — русскому. Потом к братику присоседилась и сестричка Анна. Они уже вдвоем, хором отвечали на вопросы гостя и почти

хором спрашивали, как называется тот или иной предмет по-русски. Эта игра им явно пришлась по душе. А после, когда Белый стал чувствовать себя намного лучше, он коротким карандашиком вывел на листочке знак и сказал:

— Это буква «А».

Роман охотно повторил:

— Это бука «А».

Повторила и Анна:

— «А».

На другой день Белый написал «У», затем «М», а затем показал и другие буквы алфавита. И дети сами начали рисовать их. Бумаги, видимо, не хватало: писали на белых дощечках-срезках, что подбирали в уличной «мастерской» отца, где тот изготовлял разные деревянные инструменты и другую домашнюю утварь. Писали карандашиком, который называли «пишущей палочкой» или просто «короткоклювым».

Как-то вечером, глядя на старательно пишущих детей, хозяин поинтересовался у гостя:

— Вы, наверно, учитель?

— Нет, не учитель, — ответил Белый. Он помолчал. Как и хозяева, он уже привык неспешно выражать свои мысли. Выдержав нужную паузу, поправился, добавил: — Вообще-то солдат умею учить.

— И детей тоже умеете учить, — сказала женщина.

— Это я вспомнил, как учили меня. И как учили азбуке моих детей.

Все в доме замолчали, как бы ожидая следующих слов гостя. И Белый, почувствовав это, повторил:

— Да, военному делу могу обучить...

— Значит, война увела из дома.

— Точнее, к вам меня привела боль... — Белый прижал ладонь правой руки к груди, как бы унимая боль, повторил: — Сюда меня привела боль...

Он помолчал, как бы прислушиваясь к боли, иссушающей душу.

Потом он неторопливо заговорил о своих корнях. По отцовской линии он был скандинавского, финно-шведского происхождения. Когда-то в очень давние времена его предки попали в Россию. Белый рассказал, что его отец тоже был военным, ходил в Японскую, дед участвовал в Крымской кампании, а прадед сражался с Наполеоном. Таким образом, все его предки были военными. Все воевали за Россию, свое Отечество. Сам он тоже воевал, принимал участие в войне с немцами. Это было совсем недавно. Про эту войну все помнят.

Но боль в душе рождает не только война...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

...День клонился к закату.

Ехала Матерь и все поплакивала, тихонько, чтобы не напугать детей. Слишком свежа была рана в сердце Матери, все кровоточила и ныла, как только ее мысль возвращалась к гибели дочери. Думалось ей: самой бы погибнуть вместо Анны. Она спрашивала себя, что сталось бы с детьми, — и самой себе отвечала: пожалуй, и без нее бы выжили, умеют управлять оленьей упряжкой, нашли бы дорогу к дому, к людям.

Тишина. Только снег похрустывает под нартовыми полозьями.

Война будто бы откатилась куда-то далеко, за глубокие снега и низкий темнеющий горизонт. Но Матерь Детей чувствовала, что тишина эта обманчивая. В любое мгновение может прогреметь выстрел или упасть с неба огненный камень.

Еще один белый день заканчивался. Когда она поняла это, то на какое-то время отвлеклась от мыслей об Анне и стала присматривать место для ночлега. Пока не спустились сумерки, нужно найти сочный ягельник, остановиться и обжить стоянку. Она уже представляла, как они съедут на обочину дороги, остановят вожака. Первым делом вместе с Романом распрягут оленей и на веревках привяжут их к нетолстым соснам. Прежде всего надо хорошо покормить двух быков, чтобы они не обессилели, чтобы вывезли к людям. Сейчас вся надежда на них. Потом она нарубит дрова из придорожных сухостоев, Роман разведет костер, она вскипятит чайник и накормит детей. Затем нарубит лапник и настелет им лежанку.

Проехали болото с редкими сосенками, потом небольшое озеро, за озером въехали в сосновый бор. И тут женщина увидела копаницы* по обочинам дороги. Здесь паслись олени. Значит, где-то близко находится дом. Конечно же, надо поспешить. Лучше переночевать в тепле, там, где живут люди. У них есть огонь и обязательно найдется кипяток, чтобы согреть стынущее нутро.

Человеческое жилье почуяли и олени. Первым, покосившись на оленьи следы на обочине дороги, догадался вожак Угольный: скоро будет дом, — заспешил, натянул вожжу. Его братец Молочный тоже сообразил, что приближается остановка, поэтому заметно прибавил бег.

Слева и справа от колеи низкорослые сосны вперемежку с молодыми кедрами. Должно быть, здесь толстый слой ягеля, машинально отметила Матерь Детей.

Между тем упряжка поднялась на взгорье, и женщина увидела чум, крытый светлыми оленьими покрышками-нюки. За ним пристроились еще несколько меховых домиков. Но когда она подъехала и остановила оленей, то, к удивлению своему, не услышала собачьего лая и не заметила дымка над макоданом. Что это значит? Где же люди? Где хозяева? Неужели и здесь прошла война? И здесь пронеслось красное войско? Забеспокоилась Матерь Детей, заметались тревожные мысли. Но она постаралась подавить тревогу и, завязав поводок на копыл нарты, шепнула детям:

— Сидите. Я сейчас. Посмотрю.

Она скорым шагом подошла к первому, самому большому чуму, негромко кашлянула дважды, как обычно принято, когда входишь в чужой дом, приход-

---

* Места, где олени разгребают снег в поисках ягеля.

няла входную полость-дверь и, нагнув голову, заглянула внутрь. Первым, что она увидела посреди чума, была малица, висящая вниз капюшоном. Матерь Детей повела взгляд вверх. Над задранным подолом малицы были кисы, а еще выше над ними — веревка, привязанная к жердинам чума у самого макодана. Только когда глаза привыкли к полумраку чума, женщина поняла, что висит не малица, а человек, подвешенный за ноги. Живой или неживой? — мелькнула мысль.

Она еще раз дважды кашлянула погромче и прислушалась, подаст ли подвешенный человек признаки жизни. Прошло несколько мгновений, которые Матери Детей показались вечностью, и наконец она услышала слабый хрип, похожий на стон. Значит, человек жив, обрадовалась женщина. Она широко распахнула полость-дверь, подняла голову, повернулась в сторону упряжки и крикнула:

— Роман, иди сюда!

Мальчик быстро подбежал к ней и спросил:

— Что там, мама?

— Человек.

— Живой?

— Подвешенный, но живой.

— Что будем делать?

— Снимем его.

Видно, услышав голоса, подвешенный снова захрипел.

— Скорей-скорей, — заторопилась женщина.

Она хорошо понимала, что если просто отрезать веревку, то человек упадет и может повредить шею, или позвоночник, или руки-ноги. Хоть высота и небольшая, но под тяжестью тела можно вывернуть любой сустав. Поэтому нужно осторожно снять его с веревки. И Мать скомандовала сыну:

— Роман, когда я скажу, оттянешь его голову в сторону лежанки.

— Зачем это?

— Чтобы он головой не ударился, когда я отрежу веревку.

— Ладно.

— Потом повернем так, чтобы он приземлился на спину.

— Понял, — сказал Роман.

— И придерживай, конечно. Насколько сил хватит.

— Хорошо.

— Я буду придерживать его сверху, — сказала женщина, — а ты, Роман, мог бы отрезать веревку. Но тут высоко, не дотянешься.

Женщина оглянулась вокруг, нашла чурку для сидения, подставила ее к подвешенному человеку, встала на нее и вытащила нож из ножен на правом боку.

Человек снова застонал.

— Счас-счас, потерпи, — сказала женщина. — Счас облегчим твою участь. — Она повернулась к сыну и спросила: — Ты готов, Роман?

— Готов.

— Поворачивай его спиной к лежанке и оттаскивай в сторону.

— Повернул, тащу, — сказал мальчик.

— Так, отрезаю веревку, — проворила женщина.

Веревка была плетеной, для вязки оленей, поэтому она отрезала ее не сразу, а стала неспешно пилить ножом. И человек медленно опустился на лежанку.

— Ох, все, — облегченно вздохнула женщина.

Вздохнул и сын Роман.

Матерь Детей подошла к человеку и быстро разрезала веревки, которыми было обмотано его туловище. После этого она выпрямилась и сказала сыну:

— Роман, ты иди к малышам. Я разведу огонь и приду за вами.

— Да-да, — сказал мальчик.

И вышел из чума.

Женщина привычными движениями быстро настрогала щепок и разожгла огонь в очаге посреди чума. Потом повесила чайник над огнем и пошла за детьми к нарте.

Она завела детей в правую от входа половину чума, которая была свободна. На левой половине лежал хозяин.

Матерь Детей поставила люльку с Саввой на лежанку, поближе к огню. Малыш черными глазенками посмотрел на огонь, потом повел светловолосой головкой влево-вправо. Осматривался, изучал новую обстановку, словно пытался понять, куда его привезли. Мать потрогала его за обе щеки: не замерз ли — и чуть отодвинула люльку от огня. Щечки теплые, с ребенком все в порядке.

Малыш почмокал губами.

— А, Савва, есть хочешь, — сказала женщина. — Потерпи немного, скоро покормлю тебя.

Разговаривая с Саввой, она сняла теплые платки с головы дочери Марии, помогла ей вытащить руки из меховых рукавиц, спросила:

— Мария, ты не замерзла?

— Нет, мама, — ответила та.

— Руки-ноги не зябнут?

— Нет, мама.

— Все равно подвинься к огню, погрейся. — Затем она взглянула на сына Романа и тоже поинтересовалась: — А ты, Роман, не продрог?

— Нет, мне не холодно.

— Все равно подойди к огню. Богиня огня и обогреет, и приласкает.

Хозяин на левой половине чума застонал, а потом слабым голосом, почти шепотом, сказал:

— Во-ды...

Матерь Детей приподняла ему голову и поднесла к его запекшимся губам кружку с теплой водой из чайника. Человек глотнул живительной влаги, повел глаза в сторону огня и глубоко вздохнул. Женщина опустила его голову на подушку и вернулась на свою половину чума.

Она почти одновременно успевала делать и то, и другое, и третье. Подкладывала дрова в огонь, кипятила чайник, разогревала у огня мерзлый хлеб и мерзлое вареное мясо. Грудью покормила Савву. Потом налила чай Роману и Марии. Чай пили с хлебом и с оттаявшими ломтиками мяса. Детям она дала по маленькому кусочку сахара. Сама же к этому лакомству не притронулась. Уход и внимание нужны были и вынутому из петли хозяину дома. Между тем, оставив под присмотром Романа младших детей и огонь в очаге, женщина сходила на двор, распрягла быков и, разыскав пятачки целины, не истоптанные оленями, на пятисаженных веревках привязала быков на пастбище кормиться на всю ночь. Отпустить их на вольный выпас ни в коем случае нельзя: на чужом пастбище, в поисках своих товарищей, быки могут пуститься в сторону родного дома. А без упряжки никуда не уедешь. На ночь еще нужно запастись дровами и водой. Дрова лежали на улице, возле дома, но их еще нужно было наколоть. А воду топили из чистого снега, который заносили в дом в большом тазу.

Вскользь, меж делами, Матерь Детей заметила, что дом добротный, хозяйство крепкое. Только все в большом беспорядке, все вещи разбросаны там и тут. Это след войны.

Хозяин застонал, потом слабым голосом спросил:

— Я в каком мире есть?..

Женщина ответила ему:

— В Среднем мире. В человеческом мире.

— А-а-а.. — выдохнул человек и замолк.

— Есть будете, Старший Человек? — спросила женщина.

Человек не ответил.

Потом, когда Матерь Детей напоила его теплым бульоном, хозяин окончательно пришел в себя и, кажется, немного успокоился и задремал.

Ночь прошла тихо, будто и не было никакой войны. Ни красного войска, ни аэропланов, ни огненных камней.

Но Матерь Детей спала тревожно. Короткие мгновения между сном и явью заполняли кошмары прошедших дней. Порою она не могла понять, где находится и кто рядом с ней — выжившие или ушедшие в другой мир, живые или мертвые. Она часто просыпалась и некоторое время лежала неподвижно, осознавая, кто она такая и как здесь оказалась. Потом, вспомнив события предыдущих дней, поправляла детям меховые саки*, под которыми они спали, прислушивалась, как сопит во сне маленький Савва, как почмокивает средняя Мария, как что-то скороговоркой бормочет Роман. Затем вставала, подкладывала дрова в огонь.

Пришло утро. Встало солнце. Встала и Матерь Детей, подвинула к огню большой хозяйский чайник.

После завтрака, когда женщина стала собираться в дорогу, хозяин дома рассказал о том, что здесь произошло.

Сначала в селение нагрянула разведка на двух упряжках. Выясняли, не присоединились ли местные жители к повстанцам. Убедившись, что здесь нет вооруженных людей, одна упряжка умчалась обратно к вой-

---

* *Сак*, или *сах* — женская шуба.

ску, вторая осталась. Только потом, спустя некоторое время, пожаловало войско на многих упряжках.

В селение деда Кирилла из рода Молдановых красные въехали уже не столь резво, как делали это в других местах. Видно было, что олени в упряжках устали, часть из них заметно прихрамывала. Каюры вяло пошевеливали хореями. А обмотанные башлыками красноармейцы истуканами сидели на нартах, чтобы лишними движениями не упустить последнее тепло из-под шинелей и накидок из каких-то шкур, добытых в походе.

Солдаты в остроголовых шапках-буденовках серой волной, словно река в половодье, быстро захлестнули маленькое селение и, казалось, заполонили всю округу. Между серыми шинелями мелькали малицы армейских каюров. Столько людей одновременно никогда сюда не наезжало.

Главарь-командир войска пошевелил затекшими от долгого сидения ногами. Ему помогли слезть с нарты, отвязали тесемки и стянули с него широкие меховые чулки-топоры, надетые на валенки. Он встал, и, казалось, своей плотной большой фигурой закрыл от глаз жителей большой чум за спиной. Встряхнул серую шинель, поправил съехавшую на лоб буденовку, привычно похлопал по кобуре на правом боку, переступил с ноги на ногу, согнул в локтевых суставах и снова разогнул руки. Затем молча обвел взглядом жителей селения, которых выстроили перед ним полукругом. С одной стороны мужчины, с другой — женщины. За их спинами выстроились солдаты-красноармейцы. Они изрядно продрогли — застыли на своих местах молчаливыми истуканами и напоминали крепко промороженные мерзлые рыбины, воткнутые в снег.

Чуть позади командира встали его помощник Мингалев, или Мингал, с заметно опущенным левым пле-

чом, обликом смахивающий на подземного костлявого духа-злодея. Он тихим голосом давал какие-то указания разведчику-переводчику Иуде-салымцу и каюру, второму переводчику и проводнику с реки Казым. Мингалев сам отбирал проводников, каюров и переводчиков и головой отвечал за их работу. Это были в основном казымские жители, которые хорошо знали местные диалекты и дороги в тайге и в тундре. Командир всегда держал при себе двух переводчиков, чтобы они могли контролировать друг друга. Если один неточно переведет, другой непременно должен поправить.

Чухновский подал знак переводчикам, чтобы подошли поближе. И потом сиплым от мороза голосом крикнул:

— Восстание разгромлено славными частями Красной армии. Война закончена! — Он помолчал, пока толмач переводил его слова. Потом тихо спросил у Иуды-салымца: — Они поняли, что я сказал?

— Поняли. Я точно, слово в слово, перевел, — ответил салымец.

— Тогда переведи еще: с ними говорит командир отряда красноармейцев Чухновский.

Салымец перевел и эти слова.

— Переведи еще: с мирными жителями мы не воюем.

Переводчик объявил это населению.

— Вопросы есть?

Вопросов не оказалось.

Уже давно хотелось еды и тепла. Поэтому командир-главарь сказал еще несколько слов о славных делах советской власти и Красной армии и на этом закончил свою речь, повернулся и направился к главному хозяйскому чуму, подав знак, чтобы туда впустили и хозяев.

Главарь вошел в дом. Как всегда, хищным орлиным взором — быстрым и цепким — окинул весь чум и только

затем опустился на приготовленные меховые шкуры рядом с низким столиком с обильной едой — постарались разведчики, что первыми заняли селение, все успели подготовить для командира. Рядом с Чухновским устроились у открытого огня фельдшер Маша Оболкина, помощник Мингалев, два младших командира и разведчик-переводчик Иуда-салымец, а также один из казымских каюров-переводчиков.

Главарь-командир протянул к огню озябшие руки. Когда руки отогрелись, он медленно потер ладонями округлое мясистое, с большим носом, красное от мороза лицо, размял пальцы. И только после этого поднял взгляд на хозяина дома, крепкого седого деда с зажатой в правом кулаке самодельной большой трубкой. Хозяин сел на свое привычное место в левой половине чума, слева от входа. Чуть позади него расположились старший сын Сергей, сухопарый и быстрый в движениях, средний Афанасий и младший Дмитрий. За ними — внуки, Вася и Андрей...

Помощник что-то прошептал на ухо командиру.

Главарь негромко спросил:

— Ты Кирилл, хозяин дома?

Дед не спеша приподнял голову и так же неспешно подтвердил:

— Да, дедом Кириллом народ зовет.

— Народ, значит, так зовет?

— Народ.

— Народ так народ, — проговорил главарь.

Он помолчал, потом подал знак помощнику Мингалеву. Тот быстро расплескал по кружкам спирт из пузатой фляжки. Командир подвинул одну кружку деду и сказал:

— Пей.

Дед остановил пристальный взгляд на кружке. Потом посмотрел вверх, на дымовое отверстие чума, пе-

ревел глаза на огонь посреди дома. Помолчал, потом сказал:

— Нет.

Главарь, наблюдавший за ним, спросил:

— Почему не пьешь?

— Верховный Отец не велит.

— Почему?

— Если выпью, — дед широким взглядом обвел все вокруг себя, имея в виду семью, свой дом, своих оленей и все свои земли, реки и озера с их ягельниками и ягодниками, — если выпью — все это я потеряю. Навсегда, насовсем.

Чухновский коротко и отрывисто хохотнул.

— Как я захочу — так и будет! — грозно проговорил он. — Захочу — все тебе достанется. Не захочу — ничего у тебя не будет. Так что без оглядки на своего Верховного можешь выпить веселящей воды. Смелей, дед.

Дед помотал головой, отодвинулся от стола еще дальше.

Главарь недобро качнул головой:

— Что, не выпьешь?..

Дед покачал головой, к кружке не притронулся.

Командир по-армейски прямо отрезал:

— Не вы нам нужны, а ваша земля. Если понадобится, всех отсюда выгоним. Даже резерваций, как в Америке, для вас не оставим. Все тут будет наше. Своих охотников и рыбаков привезем, по воле или по неволе. У нас их в Союзе Эс-Эс-эР пока хватает. А пока даем жить — живите, оленей пасите, детей рожайте, водку пейте...

Дед молча слушал.

Главарь закончил свою речь.

Оба долго молчали.

Наконец Чухновский усмехнулся, видно, все же немного размяк от тепла очага, сказал:

— Черт с тобой, дед. — Потом, приподняв брови, остановил взгляд на переводчике, Иуде-салымце, сказал: — Ну, раз дед не захотел, возьми кружку! Тебе всегда везет!

Рука салымца уже тянулась к столу.

Пришлые звякнули кружками и выпили. За прошедший день: выжили, не попали под пули, не потонули на переправе, не окоченели от холода. Потом уже накинулись на закуски на столе.

Между тем пронырливый Мингал успел обшарить все селение: хотя оно и было мирным, но бдительность нельзя терять. Помощник негромким голосом, чтобы слышал только командир, доложил, сколько конфисковано огнестрельного и холодного оружия, сколько принято на учет мужчин воинского возраста.

После сытной еды и от тепла главаря заметно разморило. Как сидел, так и завалился назад, на услужливо подложенные под голову оленьи шкуры, вытянул ноги. Его мясистое лицо слегка подобрело, а коротко стриженные волосы будто распрямились и ощетинились, как колючий куст шиповника. Он прикрыл осоловевшие глаза, словно задремал, но вдруг приоткрыл правый глаз, навел его на деда и спросил:

— Знаю, дед, ты — известный богач. Сколько оленей имеешь? Сотни?

— Может, сотни.

— Или тысячи? — спрашивал главарь.

— Может, и тысячи.

— Ты не знаешь, сколько у тебя оленей?

— Сколько Верховный Отец дал, столько и имею.

Главарь помолчал, потом сделал вывод:

— Значит, кулак, по-нашему.

Он закрыл глаз и снова будто задремал на своем теплом ложе. Но через некоторое время приоткрыл оба

глаза, вбуравил тяжелый взгляд в хозяина и тихим, вкрадчивым голосом спросил:

— Дед, скажи, только честно: если бы ты оказался среди восставших, стал бы воевать против Советской власти?

— Но ведь ты сам сказал, что война закончилась, — сказал дед Кирилл.

— Я спрашиваю: если бы ты оказался среди восставших в начале войны. В самом начале. Только честно.

Дед помолчал, подумал, погладил свой затылок правой рукой. Тяжело вздохнув, сказал:

— Воевал бы. Все наши предки воевали с теми, кто приходил на нашу землю с худыми умыслами, с войной, — ответил дед и опять вздохнул, но с облегчением.

Это была сущая правда. Земля его была большой и богатой. До прихода ермаковских казаков набеги делали татары с юга, самоеды с севера, зыряне с запада и тунгусы с востока. И князья, главы приграничных остяцких и вогульских княжеств, зорко следили за тем, чтобы землю не захватили чужестранцы. Поэтому каждый ребенок мужского пола с детства воспитывался как воин и защитник своей земли, своих святилищ, своих богов-покровителей, своей семьи, своего народа. Если бы не эта воинская традиция, чужаки давно захватили бы землю и поработили народ.

После паузы главарь сделал вывод:

— Значит, враг Советской власти. — Помолчал, потом уточнил: — Значит, мог быть врагом трудового народа. Ладно, хоть откровенно признался.

Дед Кирилл ничего не сказал.

Замолк и главарь. Он снова задремал. Потом повернулся с боку на бок на своей лежанке, поерзал, затем вытащил из кобуры револьвер и положил рядом с собой:

то ли оружие мешало ему — давило на бок, то ли он сделал это для устрашения жителей селения.

В доме стало тихо.

Наконец тишину нарушил дед. Он сказал главарю:

— Твое маленькое ружье не стреляет.

— Как не стреляет? — опешил тот.

Дед пожал плечами.

Тут главарь поднял револьвер, помедлил немного, направил дуло вверх, в сторону дымового отверстия чума, и нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

— Во-о гад,— выругался он. — Сильный мороз был. Наверное, смазка замерзла. — И кинул револьвер помощнику.

Тот ловко подхватил его на лету.

Командир повернулся к деду:

— Откуда знаешь, что не стреляет?

Дед пожал плечами.

Главарь медленно проговорил:

— Значит, шаман. Точнее, кулак-шаман.

Дед молчал.

Чухновский тоже помолчал, а потом попросил:

— Раз шаман, так предскажи мою судьбу. Не на этой ли войне погибну? Словом, когда я умру?

— Нет, тебя пуля найдет не на этой войне, и не враг ее выпустит.

— А кто же?

— Свою пулю ты получишь от красных.

— От своих? — удивился командир.

— От своих, — подтвердил дед.

Главарь недоверчиво усмехнулся. Помолчал. Потом сказал задумчиво:

— Такого быть не может...

Командир-главарь нахмурился*, обдал весь чум холодом неожиданно оледеневших глаз. Помолчал, потом сказал помощнику, чтобы ночлег ему готовили на свежем воздухе, у нодьи — жаркого большого костра из двух сухих бревен, у которого обычно ночуют сибирские охотники. Военфельдшеру, так теперь называли в отряде Машу Оболкину, он разрешил ночевать в доме, возле хозяйских дочерей. Отрядные каюры и солдаты устраивались на ночевку каждый по-своему: кто в чумах-домиках, кто у костров на улице.

Ложе командиру устроили знатное, между двумя нодьями, на полянке посреди селения. Настелили на лежанку мягкие оленьи шкуры, а сверху на колышки натянули брезент. С двух сторон пылали костры из сухих бревен. Никакой мороз не страшен.

Командир тотчас уснул, как только лег. Но к полуночи вдруг заворочался и выругался громко:

— Пятки жжет, гад...

Караульный растерялся: что делать? Стянуть с него пимы — через некоторое время замерзнут ноги. Потушить нодью — похолодает, командир опять начнет мерзнуть. Где выход, как быть? И, не найдя ответа, караульный разбудил Мингалева, который спал тут же, у костра. Тот немедленно скинул с себя шубу, спросонья повертел тонкой шеей. Поняв, в чем дело, окинул взглядом все селение. Увидел нарту-ларь с длинной тесовой крышкой. Махнул в ту сторону, скомандовал:

---

* Его как врага народа по решению тройки Управления НКВД СССР по Уральской области расстреляют в Екатеринбурге спустя три года после подавления Казымского восстания, в 1937 году. В августе того же года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР будет расстрелян бывший чекист, бывший председатель Уральского областного суда С. Г. Чудновский.

— Сорвать крышку с нарты и отгородить постель командира от костра.

Приказание тотчас было исполнено. Пятки командира, видно, слегка остыли — он успокоился.

Наступило утро. Взошло солнце. После восхода мороз немного ослабел.

Чухновский встал, окинув взглядом селение, обошел жарко пылавший костер-нодью. Затем разделся до пояса и начал делать зарядку. Он считал, что солдат, особенно командир, должен быть крепок духом и телом. А тело может укрепить любой, занимаясь физической подготовкой. Сам он был не просто крепкого, а могучего телосложения и при всякой возможности показывал свою мощную мускулатуру всем окружающим.

Закончив свои упражнения, он крикнул:

— Пудовки!

Подбежал Мингалев и, втянув голову в плечи, сказал:

— Они утопли.

— Как утопли?

— Вчера, когда переезжали реку, был живун.

— Что, они сами прыгнули в живун?

— Никак нет.

— И как они утопли?

Мингалев, еще больше втянув голову в плечи, доложил:

— Ваш каюр Сопочин их утопил, товарищ командир.

Командир вспомнил, что вчера, когда переехали реку, он остановил упряжку, чтобы оправиться. Караван с солдатами на берег не поднялся, и он послал каюра назад: узнай, где застряли упряжки. Командирский каюр побрел в обратную сторону. Аргиш стоял на реке. У подъема на берег одна из грузовых нарт без каюра

съехала с накатанной колеи и провалилась в полынью. Впряженные в нее быки рванулись и порвали ременную постромку. Армейские каюры вытянули нарту из воды и теперь распутывали веревки и снимали поклажу, стряхивая с нее воду, чтобы затем соскоблить наледь с полозьев. Степан Сопочин сразу понял, почему нарта попала в живун у берега. Видно, утром по недосмотру каюров солдаты поставили рядом на нарте две пудовые командирские гири, которыми тот «играл» по утрам. Перегруз был на один полоз, и нарту все время заводило в одну сторону, тянуло влево. Вот она и бухнулась в живун. И когда начали укладывать груз на нарту, Степан Сопочин молча подошел, молча взял гири-пудовки, молча, одну за другой, бросил их в полынью. И так же молча направился на берег, к своей упряжке. Вернувшись, он сказал командиру: нарта провалилась в живун — вытащили. И молча тронул упряжку.

Командиру нравилась неспешная основательность каюра. Он правил упряжкой с непроницаемым ликом человека, знающего что-то такое, что недоступно простому земному жителю. В нем чувствовалась магическая сила, он жил словно по заранее предписанному, будто читал невидимую книгу. Он всегда молчал, думая о чем-то своем.

И сейчас, услышав об утопленных гирях-пудовках, командир ничего не сказал. Он отвел взгляд от Мингалева, вытянул руки по сторонам, ладонями вверх, произнес коротко:

— Чурки.

Ему на ладони положили две короткие чурки, приготовленные на дрова, и он стал приседать с этими чурками вместо пудовок. Так он закончил свою зарядку.

После завтрака, когда с пастбища пригнали оленье стадо, командир-главарь сказал деду:

— Я имею право реквизировать для отряда твоих ездовых оленей.

Но дед Кирилл знал свои права. Еще с царских времен ничего без бумаги с печатью не делалось. И он спросил:

— А где у тебя бумага на это?

Главарь удивленно приподнял брови, похлопал по кобуре на боку и сказал:

— Вот моя «бумага». Война ведь. Скажи сыновьям, пусть помогут моим каюрам.

Довод был более чем убедительный. Дед только вздохнул.

Армейские каюры заменили из хозяйского стада всех обессилевших и захромавших оленей в своих упряжках. После этого командир приказал выловить всех ездовых оленей. Оленей у отряда было много, но обученных для упряжек всегда не хватало. Каюры с помощью трех сыновей деда начали отбирать ездовых животных.

Пока каюры возились с ездовыми оленями, главарь Чухновский собрал вокруг себя младших командиров и пулеметчиков и о чем-то негромко с ними говорил. Деду это не понравилось: что-то замышляют.

Когда выловили всех ездовых, оставшуюся часть стада по указанию командира-главаря сыновья деда на своих упряжках перегнали на середину небольшого озера, расположенного рядом с селением. Туда по хорошо накатанной нартовой дороге, кивнув деду и помощнику, направился и сам Чухновский. Командир остановился на берегу озера. Возле него встали вездесущий Мингалев и дед Кирилл. На своих упряжках подъехали и остановились сыновья хозяина, Сергей, Афанасий и Дмитрий. Сюда же спустились за командиром нарты с пулеметами. Одна нарта осталась возле Мингалева,

а две другие с пулеметами были поставлены в отдалении, справа, на севере, и слева, на юге, на изгибах озерного берега, у леса. С запада к озеру примыкало болото с высоким кочкарником, куда у оленей не было тропы.

Командир-главарь окинул взглядом стадо, мирно стоявшее посреди озера, и спросил у деда:

— Это твоя конница?

Дед покосился на командирский пулемет, который называл скорострельным ружьем, но ничем не выдал своего беспокойства. Его смуглое строгое лицо было непроницаемым. И он, еще не зная, куда гнет красный командир, осторожно согласился:

— Можно назвать и конницей...

Тут красный командир сказал:

— Я всю Гражданскую войну воевал. Нет конницы — нет войска, нечем воевать. Так вот, по закону военного времени не имеешь права держать конницу. Вернее, оленницу. Я вынужден ликвидировать твое стадо, чтобы ты не мог пойти против Советской власти. Так что прощайся со своими оленями.

Дед Кирилл не успел ответить. Командир-главарь кивнул помощнику Мингалеву, и тот скомандовал пулеметчику:

— О-ог-гонь!

Морозный воздух колюче рванул командирский пулемет. Чуть позже к нему присоединился колкий стрекот двух других, что стояли довольно далеко слева и справа.

Олени галопом понеслись на север к спасительному лесу, в сторону пастбища, откуда их пригнали утром. Но перед их головами взвихрила снег пулеметная очередь. Тогда они развернулись и бросились в обратную сторону, к южной окраине соснового бора. Но и там остановила и развернула их стрельба. Стадо заметалось

по кругу. Путь к лесу был отрезан. Белый снег окрасился красным. Струйками брызнула кровь. Начали падать олени. Над стадом поднялся белый столб — из-под копыт завихрился снег.

Прошло мгновение.

Падали олени.

Второе.

Падали олени.

Третье.

Все падали олени.

И вскоре все озеро потонуло в мареве тумана.

Дед Кирилл выбежал на край озера, поднял высоко руки над головой и закричал во весь голос в небо:

— Верховный, Ты слышишь ли меня?! Ты видишь ли меня?!

Спустя мгновение командирский пулемет неожиданно замолк, словно захлебнулся и перестал плеваться смертельным огнем. Видно, патрон перекосило в ленте. И, как по команде, два других пулемета тоже замолкли. Видно, пулеметчики подумали, что поступила команда приостановить огонь. Они стояли далеко и поэтому ориентировались на действия командирского пулеметчика.

Вдруг Сергей, сын Кирилла, вскочил на свою упряжку, крикнул оленегонным собакам и вихрем помчался к стаду на озере. И сразу же скрылся в снежном мареве. Послушные лайки бросились за ним. Мгновением позже за старшим братом на своих упряжках понеслись средний Афанасий, а следом — младший Дмитрий. От стремительно летевших упряжек и крутящегося стада оленей поднялся снежный вихрь. Из снежной пурги доносился лишь лай собак.

— Что такое? — закричал Мингалев, подбежав к пулемету. — У-у, гады!

Пулеметчик стоял и дул на окоченевшие пальцы, пытаясь согреть их. Второй номер возился с застрявшей пулеметной лентой, но никак не мог справиться. Мингалев оттолкнул пулеметчика, встал на его место и крикнул второму номеру:

— Давай скорей!..

Между тем три упряжки и четыре оленегонные лайки смели все стадо с открытого места в сосновый лес на северной оконечности озера.

Когда снежная пыль рассеялась, все увидели на озере трупы оленей и еще живых подстреленных животных на окровавленном снегу. Тяжелораненые дергались в конвульсиях, легкораненые пытались встать, поворачивали головы в ту сторону, куда умчалось стадо.

Командир-главарь обвел тяжелым взором все озеро. Потом, видимо невольно, поднял голову, посмотрел в морозное зимнее небо, словно попытался увидеть там всемогущего Верховного, к которому обратился дед. Затем опустил голову, сдвинул брови, задумался. После, постояв неподвижно минуту-другую, выпрямился, заложил руки за спину, медленно обошел вокруг деда, остановился и, чуть наклонившись вперед, глухо выдал свое решение:

— Я забираю с собой всю твою семью. — Выпрямился и, кивнув в сторону укативших сыновей деда, спросил Мингалева: — Безоружные?

— Так точно! — быстро сказал помощник.

За ними гоняться не стали. Зима подходила к концу, и до весенней распутицы надо было закончить кампанию по подавлению восстания.

Командир молча направился к селению. Все пошли за ним.

Каюры-переводчики объявили, чтобы все жители селения по указанию командира, включая детей, оде-

вались и готовились в дорогу. Якобы их увезут в поселок для установления личности. Там местные власти всех перепишут, и после этого все смогут вернуться в свое селение. На самом деле они становились заложниками: это гарантия того, что умчавшиеся со стадом сыновья деда не примкнут к восставшим против советской власти.

Командир остановился возле большого чума. Пристально посмотрел на подошедшего деда Кирилла, и, выдержав паузу, сказал:

— Придется наказать тебя, дед.

— На то воля Верховного Отца, — отвечал дед.

Деда завели в дом и за ноги подвесили веревкой, намотанной на жердины чума у дымового отверстия*.

Красное войско укатило под плач и вой детей и женщин, которых забрали с собой.

Так заканчивалась война...

---

* Вскоре дед Кирилл с семьей переберется с угодий, оскверненных Казымской войной, на реку Тромаган в Сургутском районе. Там он проживет до глубокой старости, но о войне будет вспоминать редко и неохотно. После его кончины хозяином его большого дома станет старший сын Сергей Мултанов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Боль кольнула душу Белого в то мгновение, когда он узнал, что российский государь Николай Александрович отрекся от престола. Он еще ничего не мог понять и осмыслить, а только интуитивно почувствовал, что Россия погибла, что у него теперь нет родины, нет отеческого дома, нет семьи, нет родных и близких. И его самого как будто тоже не стало. Вдруг улетела куда-то душа вместе с болью, улетучились куда-то его мысли. Ведь Николай Александрович был не просто государем императором. Для истинного русского он был больше, чем просто царь.

Государь — это символ России, символ нации, символ веры. Это Божий наместник на земле. И тот, кто замахнулся на государя, замахнулся на русский народ и на Бога, на российскую государственность. Поэтому Белый так близко принял к сердцу известие об отречении императора.

Потом вернулась боль и зародилась надежда. Может быть, Россия еще не погибла, пока жив император?.. А он жив, только сослан вместе с семьей в Сибирь, в Тобольск. Стало быть, чтобы спасти Россию, надо спасать императора. И он поехал к нему, чтобы помочь спастись, предполагал вывезти его вместе с семьей в безопасное место, где он смог бы переждать это смутное время. Это стало главной целью жизни Белого. От исхода дела зависела не только его, русского офицера, судьба, но прежде всего судьба России, всего русского народа. А свой народ он хорошо знал. Русский не может жить без царя в голове и без Бога в душе: в нем просыпаются самые низменные страсти, он становится разбойником, бандитом, вором, начинает все крушить на своем пути и в конце концов уничтожает самого себя. А разве мы для того родились, чтобы уничтожать

себя? Разве для этого много веков мы обустраивали и оберегали свое Отечество? Нет, не для этого.

И он ехал с надеждой, что принесет спасение своему Отечеству и своему народу. Ехал он долго, очень медленно. Дорога была длинной и опасной. В пути угораздило его угодить к лапы к красным, в ЧК. Чего он там только не насмотрелся... Из рук чекистов его освободила армия Колчака. Отделался он довольно легко — несколькими поломанными ребрами и сединой в волосах.

Но он опоздал. Перед самым его приездом в Екатеринбург красные, приспешники сатаны, расстреляли государя и уничтожили его семью. И тогда Белый понял: это конец. Пропала Россия.

Теперь надежды на спасение рухнули, и жизнь его утратила всякий смысл. Он стал искать смерти. Но умереть надо было достойно. Он не боялся смерти, но был не настолько слабым человеком, чтобы просто взять и застрелиться. Ведь он потомственный военный, и ему подобает погибнуть в бою и кануть в небытие вслед за погибшей Россией.

Так он пришел к Александру Васильевичу Колчаку, Верховному главнокомандующему Сибири, с которым был давно знаком. Вступил в его армию, ходил в атаки, лез в самое пекло, но пули пролетали мимо. Физических страданий он почти не чувствовал, поскольку болела душа и душевная боль за гибель страны затмевала все остальное. Но при этом Белый старался до конца сохранить подобающее русскому офицеру достоинство: в спину никому не стрелял, безоружных не трогал, а в бою был на равных с противником — он мог убить, и его самого могли убить. Тут уж кому повезет. Красные стреляли в него, он стрелял в красных. Русские лишали жизни русских. Это была гражданская война, кровавая война. Видит Бог, он не хотел участвовать в ней, ибо знал, что победы не будет, что Россия погибла безвозвратно. Однако в ожидании конца попал в водоворот войны, а конца все нет и нет. А между тем русские озве-

рели, утратили человеческий облик. Красные совсем обезумели, белые тоже ожесточились.

Но все же он дождался своего — пуля ударила его в грудь во время атаки. Сгоряча еще пробежал несколько шагов, а потом уткнулся лицом в мокрую грязную землю, вдохнул в последний раз запах прелых листьев и с мыслью в гаснущем мозгу, что погибает на поле боя, потерял сознание.

Выходила его семья сельского священника. Как выяснилось, пуля прошла навылет, не задев сердца. Значит, судьбе угодно, чтобы он еще побродил по белому свету. Лечили его в основном молитвами, поскольку лекарств в деревне не было.

Пока он вставал на ноги, утекло немало воды и случилось немало событий. Александра Васильевича уже не было в живых: красные расстреляли его, а остатки его частей оттеснили на Дальний Восток, в Приморье. Завершалась Гражданская война. И оказалось, что опять он, Белый, никому не нужен.

Царя, которому он присягал служить верою и правдою, нет.

России, которую он обязан был защищать, тоже нет.

Российское государство рухнуло.

Дома своего у него не стало. Озверевшие мужики разграбили имение, а библиотеку и картины сожгли. Слава богу, хоть семья успела уехать в Европу.

Залечивая раны в доме священника, он много размышлял о том, кто и ради чего затеял эту братоубийственную войну. Кому это нужно? Кто и что получил от российского разора? Время было, а размышлять никто не мешал.

Ради чего? Этот вопрос мучил его больше всего. Ради чего проливалось море крови, отнимались миллионы жизней, разрушались дворцы и храмы, уничтожались картины и книги? Ради чего так рьяно и жестоко русские убивали русских?.. И по всему выходило, что все это было сотворено ради того, чтобы небольшая группа каких-то проходим-

цев получила власть, засела в Кремле и правила обезглавленным и обезличенным русским народом, точнее, тем сбродом, что остался от народа. Ибо лучшие люди, что имели высокую душу, уничтожены во время войны. Те, кто замахнулся на главу российской державы, не заботились о благе отечества, они хотели заполучить власть для удовлетворения собственных амбиций.

Белый знал историю. Ни одна революция не приносила блага государству и народу. История показывает, что революционной верхушке суждено увязнуть в вечной борьбе за власть. Она сама, разделяясь на группки, начинает пожирать себя изнутри. Вопрос только в том, как быстро это происходит — месяцы, годы или десятилетия. Захочется править кухарке и сапожнику, уголовнику и вору, душевнобольному и прочему сброду. Жизнь народа и дела государства никого не будут интересовать. Россия рухнула в эту бездну. Но это невозможно было бы при государе. Поэтому его и растоптали.

Кому это было нужно? Конечно же, не друзьям России. Когда Белый воевал против Германии, он даже не допускал мысли, что она победит. Победить русского, защищающего свое Отечество, невозможно. Впрочем, непобедим любой народ, обороняющий свою землю. Немцы не могли одолеть русских лоб в лоб, но оказались намного коварнее, чем Белый мог предположить: они подошли с тыла. Когда немцы поняли, что пушками и штыками русских не взять, они вложили свои деньги в большевиков, которые успешно разрушили российскую державу изнутри.

Ничего не скажешь, хорошо придумано. То, что не смогли сделать немецкие солдаты, сделали красные большевики. Они заставили русских воевать с русскими. Если в 1914 году он, русский офицер, шел на немца, то теперь наставил винтовку на другого русского. Никто и никогда в истории человечества, пожалуй, так ловко не воспользовался российской доверчивостью и добротой, вернее, до-

верчивостью и человечностью русского государя Николая Александровича.

Много достанется нашим врагам от российского разора. Во-первых, нет больше великой Российской державы. Стало быть, с Россией отныне можно не считаться. Во-вторых, появилась возможность запустить руку в российский карман — а страна богата и людьми, и землями, и недрами. Если одна верховенствующая в Кремле группа не позволит этого, можно усадить во главе России другую. Если с другой не договоришься, можно ставить на третью. Для этого все уже подготовлено. В-третьих, не нужно оглядываться на совестливый русский народ — уничтожена его совесть; теперь не стыдно творить зло на земном шаре.

Рана Белого зажила, но боль не проходила. Он все еще жил вопреки своему желанию, точнее сказать, существовал. Без царя, без Родины, без дома и семьи. Вспомнил о семье. Она, как ему казалось, уже могла обходиться без него: дети подросли, крыша над головой, хоть и на чужбине, у них была. А он все думал о России, о ее бесславном конце... Война закончилась, а он все еще живой, все еще дышит, ходит по земле, обильно политой русской кровью, кровью белых и красных. И эта окровавленная земля жгла ему пятки. Еще в доме священника, прислушиваясь к молитвам хозяина, пришел он к мысли, что надо бы помолиться за своих товарищей, погибших на поле брани. Но немного позже он понял, что в первую голову нужно денно и нощно молиться Богу за безвинно убиенного русского государя и его детей. Может быть, на том свете их души обретут покой и немного полегчает им в загробной жизни.

«Ибо и моя вина есть в том, что они преждевременно погибли мученической смертью, — вздохнул Белый. — Моя вина в том, что я вовремя не приехал, не сумел их спасти, не сумел поднять людей, кто бы помог им выжить и возвратиться в Европу. Так легло на нас страшное клеймо народа-цареубийцы...».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Белый встал на ноги, он первым делом попросил у хозяина топор и пилу и с утра до вечера, как одержимый, начал работать. Сваливал молодые прямоствольные сосны, раскряжевывал их и старательно, переворачивая с одного бока на другой, подходя то с комля, то с вершинки, ошкуривал каждое бревнышко. Теперь они напоминали статуи, но безжизненные. А потом, как бы вдыхая в каждое вечную жизнь, бережно брал на руки и укладывал в один ряд на нетолстую лежку-слегу. Своим дыханием и руками он не спеша оживлял их. Легкий теплый ветерок и яркое весеннее солнце быстро вытягивали из них влагу, облегчая и покрывая, как золотистым загаром, тонким слоем янтарной смолы. Теперь они напоминали сказочных лесных фей, стыдливо загорающих в белоягельном бору под сенью золотисто-зеленых сосен.

Поздно вечером он появлялся в доме, ужинал и сразу засыпал беспробудным сном. Утром он быстро завтракал и тотчас же молча уходил в бор к своим белотелым лесным феям. А когда наступило время белых ночей, он и после ужина отправлялся в лес. И, бывало, к концу ночи, ближе к утру, засыпал там, прислонившись к стогу зеленых сучьев. К завтраку он, однако, просыпался, и, поев, снова возвращался на свою лесную полянку. Будто там заворожили его, околдовали, вконец вскружили ему голову.

Стал он сосредоточенным, замкнутым, молчаливым. Если не сказать — угрюмым. И во всех его жестах и движениях появилась загадочность, непостижимая таинственность. Даже дети прекратили приставать к нему с вопросами.

Как-то Матерь Детей все-таки спросила мужа:

— Что он там задумал?

— Хорошее он задумал, — ответил Отец Детей.— Божий Дом возводит.

— Русский Божий Дом?

— Русский.

— Молиться будет?

— Да.

Хозяева немного помолчали. Потом муж сказал:

— И мы вместе с ним помолимся русскому Богу.

— Да, это не помешает нам, — согласилась женщина.

— После прихода красных я ни разу в Божьем Доме не был, — проговорил муж.

— Да красные, говорят, все Божьи Дома порушили.

— Да все-то не могли порушить, — как бы размышляя вслух, сказал муж. — Может, в теремне* и сожгли, а вот в Сургуте-городе так быстро не расправятся с Божьим Домом. Там он прочный, крепкий, из хорошего камня, прочного кирпича. Сам бывал там, сам видел...

— Даже если и сохранился — все равно красные туда не пустят.

— Это так, не пустят.

Под словами «Божий Дом» остяки понимали и крупный храм, и небольшую церковь, и часовню. Белый возводил часовню. Внутри — четыре шага в длину и четыре в ширину. В высоту — четыре аршина, или двенадцать «лесных фей». Башенка-колокольня с четырьмя квадратными окошечками на четыре стороны света в два аршина в высоту, или восемь «фей». И все это над четырехскатной крышей, покрытой берестой и колотым тесом, завершалось православным крестом.

---

* *Теремнь* — так остяки называли небольшое селение, где имелась церковь и жили русские переселенцы.

Часовню он возвел один, только класть верхние венцы и крыть крышу молча взялся помогать хозяин, Отец Детей.

Когда строительство было закончено и над одноглавой часовней поднялся крест, Белый попросил Отца Детей выстрогать семь прямоугольных дощечек размером чуть меньше столика на одного человека. Потом ему понадобилась краска, и Матерь Детей помогала ему варить краски из коры лиственницы. Именно таким светло-коричневым отваром женщины красили одежду, обувь, упряжные ремни и украшения из лосиных шкур. Получив все необходимое, Белый с опаской, с внутренним трепетом взялся за новую работу. Иконы он никогда не писал, но когда-то увлекался живописью и сейчас понадеялся, что рука после некоторой разминки заработает сама.

Почти не глядя, он водил указательным пальцем по доске, создавая воображаемый рисунок. Потом долго сидел с закрытыми глазами, как бы высматривая что-то невидимое другим. Затем, на мгновение остановив взор на покойно-непроницательном и коричневатом от весеннего загара лице хозяина дома, протянул руку за кистью. И к своему удивлению, довольно легко и быстро написал портрет императора Николая Александровича. После без особых усилий воссоздал образы великих княжон и императрицы. В его памяти остались лишь основные черты их лиц и характеров, все остальное время безжалостно стерло. И теперь он двумя-тремя десятками линий и штрихов оживлял лики детей, матери и главы ушедшей царской семьи. Каждый день по одному портрету. Каждому он посвящал полный день, с раннего утра до позднего вечера. Поутру, проснувшись, он начинал думать о том, кого хотел написать. Сначала писал в воображении, лишь к концу дня брался за кисть. Бывало, острием ножа углублял некоторые линии и штрихи, смягчая или, наоборот, делая более суровыми черты лица изображаемой высочайшей особы. Каждый раз, завершив

работу, он чувствовал необыкновенную легкость и был почти счастлив. И с этим ощущением счастья ходил до следующего утра.

Но на седьмой день возникла заминка. Осталось нарисовать портрет цесаревича Алексея. По замыслу Белого он должен был олицетворять будущее России. Но образ наследника никак не «приходил» к художнику. Может быть, оттого, что сам творец смутно представлял себе будущее Российского государства. Он долго сидел с крепко зажмуренными глазами и наконец почти в отчаянии попросил мысленно: «Алексей Николаевич, приди-ите!.. Цесаревич Алексей, откликни-итесь!.. Алешенька, милень-кий!..»

Так Белый промучился два дня — седьмой и восьмой.

На девятый день он проснулся рано утром от того, будто кто-то толкнул его в плечо. Он встал, умылся и быстро, за один присест написал портрет цесаревича Алексея. И порадовался тому, что ясно увидел и изобразил будущее России...

Потом он лег на белый ягель и долго лежал на спине. Жмурясь от яркого солнца, он смотрел в высокое голубое небо и ощущал себя одновременно и частью солнечных лучей, и частью неба, и частью белесых облачков в вышине, и частью зеленой хвои соснового бора — словом, всего того, что его окружало.

Хозяева проснулись, встали, разожгли огонь, повесили чайник над костром. После завтрака, попросив и захватив с собой икону Божией Матери, Белый удалился в одноглавую часовню. Оттуда потянулись струйки легкого всеочищающего дыма.

Хотя хозяйка и сама догадывалась, в чем дело, но на всякий случай спросила мужа:

— Что он там делает?

— Сказал, что нужно освятить новый дом, — ответил Отец Детей.

— То есть вселяет туда святых? — уточнила хозяйка.

— Да, примерно об этом он говорил.

— Так я и думала, — сказала женщина.

— Совсем как у ханты: Божьи дела с дымом делает...

— Да, совсем как у нас.

Освятив часовню, Белый позвал хозяев:

— Если хотите, посетите Божий Дом...

Войдя в часовню, хозяева, как учил когда-то русский поп, перекрестились на иконы. Все они были сотворены руками Белого. Он неторопливо пояснял:

— Это святой Николай, великомученик, наш государь... Достойно принял мученическую смерть за Россию. Царство ему небесное!..

Белый перекрестился на икону. И все молча постояли перед святым, отдавая ему дань уважения.

— А это святая Александра, великомученица, наша государыня... Тоже приняла мученическую смерть... — Белый снова перекрестился.

Потом была следующая икона. Белый сказал:

— Это святая Ольга, великомученица, великая княжна, старшая, также принявшая мученическую смерть... — Белый перекрестился, помолчал, затем, не отрывая взгляда от лика святой, добавил: — Грация, очарование...

Хозяева тоже крестились и молча слушали.

А Белый все говорил:

— Это святая Татьяна, великомученица, великая княжна...

Крестное знамение.

— Это святая Мария, великомученица, великая княжна... Была добросердечна...

Крестное знамение.

— Это святая Анастасия, великомученица, великая княжна, младшая... Впрочем, была, по-моему, шалуньей...

Сотворил крест.

— Святой Алексей, великомученик, цесаревич, наследник престола, будущее государства Российского...

Положил крест.

— Эта одноглавая часовня возведена во имя вышеупомянутых великомучеников семьи нашего государя, — пояснил Белый. — Возможно, мои потомки когда-нибудь поставят им семиглавый храм.

Все помолились, молча постояли и вышли из часовни.

Матерь Детей была поражена и встревожена тем, что в иконах, писанных то ли острием ножа, то ли отваром травы, то ли кровью, проступали образы ее милых детей — и дочерей, и сыновей. В облике же государя просматривались черты и характер Отца Детей, а в государыне — линии ее собственного лица. Почему так получилось? Неужели и ее семью, ее близких ждет мученическая смерть?! Она постаралась отогнать эту тревожную мысль. Для себя она все объяснила тем, что Белый сотворил иконы по памяти, спустя много времени с тех пор, когда в последний раз видел царскую семью, поэтому невольно в его творениях нашли отражение черты тех людей, среди которых он жил и которых лицезрел каждый день... С этими мыслями она вернулась в дом.

Все еще находились под впечатлением от посещения часовни.

— Пусть на том свете их души обретут покой, — сказал Белый.

Потом он долго-долго спал, как после тяжелой болезни. А проснулся — как будто заново родился. И, когда вышел на улицу, ноги первым делом понесли его в Божий Дом. Теперь он ходил туда по утрам и вечерам. Молился. А днем стал помогать Отцу Детей ловить рыбу, делать заготовки для нарт, мастерить разный промысловый инструмент, пасти оленей — готовил дрова для оленника и разводил дымокур. По вечерам он рассказывал о разных странах, где

побывал, говорил об обычаях и традициях народов, которые видел в заморских краях, вспоминал забавные истории из своей жизни. Иногда, задумавшись, надолго замолкал. Бывало, очень редко, как бы забывшись, заговаривал о том, что его мучило, что терзало его душу...

Как-то тихим вечером он вспомнил про свой разрушенный дом.

— Я долго и много размышлял о гибели моей страны, — сказал он, — и пришел к выводу, что в этом вины моей намного больше, чем я полагал. Мое имение разорили: сожгли мои книги и картины, разграбили мой дом и мои конюшни, мои амбары и сады... Все это сделали русские люди, которые не умели читать и писать, не могли понять назначение картин и скульптур, парков и фонтанов. Иначе они не стали бы жечь книги Пушкина и Толстого, разрезать на портянки холсты Верещагина и Кипренского, отбивать конечности скульптурам Фальконе и Опекушина, чтобы сделать из них грузила, рубить капусту на иконах Рублева. Многие из них при этом были, наверное, голодны, раздеты и разуты, не имели крыши над головой. Я мог бы обучить их грамоте, позаботиться об их пище, одежде и кровле. Однако я заботился только о своих детях, о своих родных и близких, чтобы они учились, чтобы всегда были сыты и одеты-обуты и ни в чем не нуждались. Вот в итоге и захотелось этим несчастным вытащить кусок хлеба изо рта того, кто жил в хорошем доме или дворце.

И поэтому произошли эти трагические события...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Озеро было круглым, как полная Луна.

Матерь Детей въехала на белый снег озера и остановила упряжку, намотала поводок на нос нарты. Остановка была необходима, чтобы олени отдышались, перевели дух, а дети, Роман и Мария, размяли затекшие от сидения ноги.

Как только нарта остановилась, старшенький Роман сразу же соскочил со своего места. Матерь Детей помогла слезть младшей дочери Марии, которая сидела внутри меховой покрышки нарты. Затем, приподняв краешек шали, которой была укрыта люлька, Мать взглянула на спящего младенца Савву —хорошо ли малышу, не холодно ли. После этого она обошла упряжку, привычно, почти неосознанно проверяя, все ли в порядке: быки, упряжные ремни, поклажа, нарта. Не ослабло ли что, не расстегнулось ли, не развязалось ли. Главное, ладно ли сидит упряжь на оленях, не натирает ли им ноги, брюшины, холки. Провела рукавицей по мордам вожака Угольного и пристяжного Молочного, как бы очищая их ноздри от заиндевелой измороси. Так обычно делают в большой холод. Но сегодня день был довольно мягким.

Потом она медленно повернулась по солнцу, через правое плечо, оглядывая озеро. Наверное, так и называется — озеро Луны, подумала она, никакое другое название не подходит. С северной стороны, откуда она въехала на белый озерный лед, водоем окаймляли низкорослые болотные сосенки, с полуденной стороны — тоже сосны, но повыше и ровнее. Там стоял сосновый бор. Туда и вела дорога через озеро.

Когда олени отдышались, она усадила детей на нарту и тронула упряжку. Она ехала, и мысли ее, словно бесконечные кольца аркана, укладывались в голове, собирая в один тяжкий клубок мгновения, часы, дни, недели.

Она ехала по следам войны. А война шла по земле и записывала на снегу каждый свой шаг.

Когда нарта подъезжала к окраине озера, к сосновому бору, слева, вдалеке от нартовой колеи, Матерь Детей увидела фигуру человека, неподвижно лежащего на заснеженном льду. Глянув на берег, который был истоптан людьми и оленями, она поняла, что здесь красное войско останавливалось на привал, может быть, и на ночлег. У кромки бора остались черные округлые пятна с головешками от кострищ.

Умные братья-быки заторопились, ускорили бег, полагая, что в боровом ягельнике их покормят. Но Матерь Детей придержала их. Она колебалась: остановиться или проехать мимо? Живой человек не может лежать так неподвижно на снегу. Тогда нет смысла останавливаться, все равно уже ничем не поможешь. А вдруг жизнь еще теплится в нем? Вернули же они дыхание деду Кириллу, подвешенному в чуме. С этой мыслью она остановила оленей.

Завязав повод, она сказала сыну Роману:

— Пойду посмотрю... — Она кивнула на неподвижную фигуру.

— Я с тобой? — спросил Роман.

— Нет, присмотри за братиком и сестричкой, — сказала Матерь Детей. — Я быстро — туда и обратно.

И Матерь Детей скорыми шагами пошла к человеку, лежащему на снегу. Но чем ближе подходила, тем больше замедляла шаг, ступала осторожно, будто приближалась к спящему, которого не хотела потревожить. И на какое-то мгновение застыла в оцепенении.

Человек уже спал вечным сном. Он лежал на животе, голова его была погружена в лунку на льду до самого затылка. Лунка вокруг его головы давно затянулась. Видно, его допрашивали и пытали холодом и водой. Он был в рубашке и брюках, без верхней одежды. Руки, словно два раскинутых крыла, вжаты в утоптанный снег. Вокруг лунки вмерзшие в снег, обледеневшие брызги-капли воды с кровавыми сгустками. Матерь Детей слышала — в последние месяцы ходило много слухов, — как красные пытали восставших холодом. Человека привязывали раздетым на улице, сколько-то времени держали его там, потом вели на допрос. Если он ничего не говорил, его снова вели на улицу, снова привязывали и держали на морозе. В конце концов пленный или заговаривал, или замерзал. Говорили, что особой жестокостью отличался среди красных один, которого называли «судьей с бритой головой» — он сам, без всякого законного суда, решал, кого казнить, а кого миловать*.

«Судья с бритой головой» выдумывал изощренные, изуверские методы допроса, чтобы развязывать языки пленным. Здесь, судя по следам, лунку сначала вырубили, чтобы доставать воду для котлов и чайников. Но после привала или ночевки, перед отъездом, красные решили получить какие-то сведения от пленного. Его привели к лунке, сбили с ног, на него навалились два или три солдата, голову его, взяв за волосы на затылке, опускали в ледяную воду лунки, держали там какое-то время, потом поднимали и задавали вопрос. Если человек молчал, пытали его долго. Вопрос — ледяная лунка — молчание. Вопрос — ледяная лунка — ответ... В по-

---

* Впоследствии, когда откроют доступ к секретным архивам, выяснится, что с отрядом красноармейцев на подавление восстания выезжал из Екатеринбурга сам председатель Уральского областного суда...

следний раз сунули в лунку голову несчастного и держали до тех пор, пока он не затих. Труп так и оставили на льду озера.

Впрочем, на этой войне красные никогда не утруждали себя похоронами трупов своих врагов. Особенно в такой глуши, как верховья правых притоков Оби.

У Матери Детей невольно возник вопрос: кто этот человек, вмороженный в лунку? В памяти быстро, как вспышка пламени, промелькнул рассказ о молодом воине Григории Сенгепове. Он ездил на двух резвых белых быках. Создавалось впечатление, что он летал, — настолько легко его упряжка носилась по дорогам и по мелкоснежью озер и болот. Сам он был одет в белые одежды и, как призрак, как вездесущий сын Ветра, сливался с белоснежьем северной земли, с белоснежьем сугробов и белых закуржавевших деревьев. Когда до этих мест впервые дошла весть о приближении красных, Григорий один встретил войско, чтобы задержать его, пока повстанцы подготовятся к обороне. Он обстрелял из винтовки солдатский аргиш, расстроил его упряжки и белой птицей упорхнул на своих двух белых быках. Так он бесстрашно нападал на отряды красных всякий раз, когда нужно было приостановить их продвижение к поселениям и оборонительным сооружениям. Обстреливал красных, прочесывавших верховья рек для окончательного подавления восстания, и стремительно ускользал от них под свист пуль. В конце концов он сам и многие восставшие сородичи уверовали в то, что он просто неуязвим: не берут его ни пули, ни огненные камни. Но однажды, отстрелявшись, он помчался прочь, и на крутом изгибе дороги нарты занесло и он вылетел в сугроб. Винтовка оказалась при нем, но без патронов. Так красные захватили его в плен. Что с ним сталось, никто не знал. Ходили о нем разные слухи. Одни говорили, что его забили лиственничными дубинами, другие рассказывали, что

он удачно бежал из плена. Возможно, это его оледеневшее тело лежало на льду озера, на глазах женщины прикрываемое, словно белым покрывалом, легкой поземкой. Григорий, или не Григорий, или кто-то другой? Кто знает? Сколько на этой войне запутанного, неизвестного, недоступного разуму мирного человека...

Матерь Детей стояла в оцепенении. Про пытки холодом она слышала, а про ледяную воду в лунке никаких слухов не было. Она столкнулась с таким впервые. Она стояла неподвижно, не в силах ни шагнуть вперед, ни повернуться и уйти назад, к нарте.

Вывел ее из оцепенения голос сына Романа:

— Мама, ты скоро?.. Савва проснулся.

Она повернулась. По ее телу прошла дрожь, словно ее саму окунули в ледяную воду. Она хрипло прошептала:

— Иду, Роман.

И поспешила к нарте.

На ходу, не оборачиваясь, мысленно обратилась к погибшему: «На нас плохое в уме не держи за то, что не предали тебя земле». Тело ушедшего в Нижний мир нельзя оставлять в Среднем мире, в мире живых людей. Но сейчас у женщины не было возможности исполнить обряд погребения. «Прости, человек, преждевременно окончивший свои земные дни не по моей вине...»

Она подошла к упряжке, молча развязала поводок, тронула вожака Угольного. Надо ехать, ехать.

Сын Роман спросил тихо:

— Что ты там видела, мама?

— Т-т-там... человек без дыхания, — заикаясь, сказала она. — Мы ему уже ничем не сможем помочь.

Она хореем поторопила быков, чтобы побыстрее выехать с озера, так напоминающего полную Луну. Быть может, когда-нибудь ему дадут новое название — озеро Погибшего Человека..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Хозяева очень внимательно, ни разу не перебив, выслушали слова Белого Человека. Многое из того, о чем поведал гость, они уже хорошо знали. В разгар войны между белыми и красными на Аган частенько заезжали небольшие отряды вооруженных людей. То проводников искали, то нарты на оленьих упряжках, то продовольствие. Конечно, более всего они докучали селениям близ побережья Агана, близ большой Оби и города Сургута. Говорили, что объявился Красный царь и пошел войной на Белого царя. В этой войне остяки больше сочувствовали Белому царю — он был ближе и понятнее. Он много веков уже был царем и для остяков. Как выражались ханты, «на Белого царя сидя живем». При его власти нарождались на свет, жили и любили, молились своим богам, охотились и пасли оленей, ловили рыбу, старились и уходили в Нижний мир. Его рукой подписывались указы о поддержке остяков и их промыслов. От его имени управляли краем остяцкие князья и русские воеводы, которых позднее заменили губернаторы. Его купцы привозили товары, что называли белоцарскими. И вот теперь его одолел и уничтожил Красный царь, слуги которого обещают много всяческих благ на словах. Но словом сыт не будешь.

Словом не укроешься от дождя и снега.

Словом не затопишь чувал в доме.

Слово не запряжешь в нарты...

Пока неизвестно, каким боком Красный царь повернется к остяцкому народу.

После долгого молчания Отец Детей поднял глаза, обвел взглядом семью и дом и неторопливо спросил Белого:

— А что теперь будет с нами?..

Белый, немного подумав, сказал:

— Пока русским будет плохо, вам нечего ждать хорошего. Разве красные пощадят вас, если своих не пожалели?

Матерь Детей, покачивая дремлющего в люльке малыша, внимательно прислушивалась к разговору мужчин. Ее волновала судьба народа, но в первую очередь судьба детей. Детей она защитит. Ни единой волосинке с головы детей на землю упасть она не даст. Ни единой детской слезинке на землю капнуть она не позволит. За детей она в живой огонь войдет, в живую воду ступит. Поэтому ей очень важно знать, как им завтра жить. На какого царя сидеть, какому богу молиться. Когда мужчины умолкли, она стала расспрашивать гостя, задала первый вопрос:

— Стало быть, красные и царя остяков уничтожили?

— Конечно. Вы же все были его подданными.

— И семью его уничтожили?

— Да.

— И матерь его детей?

— Да.

— Сколько у них детей-то было?

— Пятеро. Четыре девочки и один мальчик.

— Это их лики мы видели в Божьем Доме?

— Так, да.

— И всех их?!. — У Матери Детей язык не повернулся вытолкнуть страшное слово, и она как будто споткнулась.

— Всех.

— Ох-х-х, То-рум!.. А детей-то за что?!.

Белый помолчал, потом сказал:

— За то, что из царской семьи.

— Разве за это можно лишать солнца и луны?!

— Красным все можно...

— Ох, То-рум!.. В какой век мы попали!..

Женщина глубоко вздохнула и подняла влажно заблестевшие глаза на Божью Матерь, будто ища у нее одновременно и объяснения, и поддержки, и защиты. Она невольным движением, как бы прикрывая собою, руками притянула к себе малыша в люльке, а взглядом — остальных детей в доме. Потом подняла очи на мужа, защитника детей, защитника семьи и дома.

И Отец Детей, проведя ладонью по лбу и волосам, стал размышлять о русских, сказал собеседнику:

— Вы, русские, друг друга не жалеете... Поэтому вам плохо. А не жалеете вы друг друга потому, что вас много. Сказывают, в ваших городах людей больше, чем деревьев-трав. Правда ли это?

— Верно, в городах людей хватает.

— Поэтому жизнь русского там ничего не стоит. Так ли это?

Белый Человек удивленно поднял брови, остановил свои голубые глаза на невозмутимо-серьезном лице хозяина, немного подумал, а потом согласился:

— Да, получается так.

— Так-так... — неопределенно протянул хозяин. — А ведь это нехорошо.

— Конечно, хорошего тут мало. Жизнь любого человека бесценна, — сказал Белый.

— Да, мы это понимаем, — кивнул хозяин.

— Независимо от того, русский или остяк, — продолжал Белый.

— Да, правильно, — согласился хозяин.

— Значит, вы не делаете различия между русскими и остяками — чья жизнь более ценна?

— Для нас-то, остяков, разницы нету, — уверил хозяин.

— А для кого разница?

— Для русских, конечно.

— Понимаю.

— Поэтому, если можем, мы поддерживаем дыхание всякого человека, кто к нам приходит, не спрашивая, кто он и чем занимается. В наших холодных краях, если человек попадает в беду, он не может выжить без помощи другого человека.

— А как вы поняли, что русские менее всего ценят жизнь своих земляков?

— Из лесной жизни, — охотно пояснил Отец Детей. — К примеру, чем меньше оленей в стаде, тем жальче их, тем они ценнее и для хозяина, и для всех других людей. Это, по-моему, всегда так: чего мало — то более всего и ценится.

Помолчали собеседники, призадумались.

Потом хозяин пояснил, что у остяков каждый период времени имеет свой цвет. Отсчет начинается с какого-либо значительного, эпохального события. Вспоминая прошлое, старики обычно говорили, что наступил или закончился такой-то век. Или век Удачи и Благополучия. Или век Горя и Страданий. В жизни народа всякое случалось. Были и светлые полосы, были и темные. И эти периоды необязательно составляли ровно сто лет и зим. Они могли тянуться чуть больше или чуть меньше. Их продолжительность зависела от воли Верховного Отца. Он мог сократить век Страданий и удлинить век Благополучия. Или наоборот. Все было в Его власти. И, словно желая притупить боль Белого человека, Отец Детей сказал уверенно:

— Век красных тоже имеет предел.

— Дожить бы до этого предела!.. — вздохнул Белый.

— Не мы, так другие доживут. Белый царь пройдет по небесному кругу и вернется на землю, — уверил Отец Детей. — Вот послушайте...

И Отец Детей опять неспешно стал рассказывать, куда по остяцким верованиям уходит человек. Все земные люди, умирающие своей смертью, попадают в Нижний

мир. Этот мир располагается прямо под Средним миром, миром людей, то есть под землей. Этот мир для простых смертных. А воины, погибающие в бою, и все люди-человеки, преждевременно ушедшие из жизни, отправляются в Верхний мир, в мир богов. Там, в укромном уголке шестого ли Небесного Слоя, седьмого ли Небесного Слоя, есть священное место, куда уносятся их бессмертные души. Место это называется особым, очень редко употребляемым, почти запретным и непереводимым словом Тарн. Старцы иногда добавляли к этому таинственному понятию другие слова: Пугол (Пауль) или Торум; первое означает «Селение», второе — «Небо», или, если хотите, «Верховный Бог»... Души-то там бессмертные. Они, пройдя по шести ли Небесным Слоям, по семи ли Небесным Слоям, снова возвращаются на землю. Там начинается жизнь после смерти.

И Белый царь, побродив по Небесным Слоям необходимое число лет и зим, вернется на землю. Душа-то его нетленна. Душа-то его бессмертна. И все его дочери вернутся на землю. И его сын вернется на землю. И его супруга вернется на землю. И все, кто был с ним до конца и у кого преждевременно отнята жизнь, вернутся на землю.

И снова Белый царь взойдет на свой трон и начнет править Россией, русским народом и всей российской землей. А если не захочет сам, то уступит свое место на царском троне сыну-наследнику, или дочке-наследнице, или внуку-наследнику, или внучке-наследнице. И возродится царь, ибо человеку он так же необходим, как и Бог, как и Солнце, как и Луна. И жизнь пойдет по следующему кругу. Ведь земля-то будет на своем месте — значит, останется и страна, и народ.

— Так продолжится их жизнь на земле, — закончил свой рассказ Отец Детей.

Долго молчал Белый Человек. Потом спросил:

— Вы уверены?..

— Если бы не было такого — то и жизнь на земле была бы невозможна, — заверил хозяин.

Еще дольше молчал Белый. Еще дольше размышлял. Потом тяжело вздохнул, тяжело отвесил слова:

— Россия погибла... И мне не дожить до того дня, когда возродятся Россия и русский народ. А возродятся Россия и русский народ лишь в том случае, лишь тогда, когда вернется русский царь — лицо народа, душа народа, лицо России, душа России. А это будет, как вы сами утверждаете, очень не скоро, после моей кончины, без меня...

— А ваши дети?

— Никому не ведомо, дождутся ли мои дети.

— Ну, внуки будут.

— А кем будут внуки — тоже не никому не ведомо. Они далеко от родины. Не забудут ли родной язык? Вспомнят ли свои корни? Захотят ли вернуться назад? А о правнуках страшно и подумать... Русский вдали от родины жить не может. Он либо погибает — спивается и стреляется, либо уходит в другой народ.

— Остались же русские в России?

— К тому времени, как царь вернется, из них большевики весь русский дух вытравят, а где не смогут вытравить — так прикладами выбьют. Это они умеют делать, поверьте мне... В народе разбудили самые низменные страсти, чтобы одна половина народа уничтожила другую. А в живых останутся те, у кого душа омертвела. Это уже не люди, а существа страшнее зверя. И может такое случиться, что если царь вернется, его уничтожат второй раз. Вот и получается: погибает царь — погибает народ, а погибает народ — погибает страна.

Замолчал Белый Человек.

Молчал и хозяин дома. Тут трудно было возразить. Жаль было Отцу Детей дальнестороннего гостя, больно за его

искромсанную самими же русскими светлую и добрую душу. И, к сожалению, никто не может помочь ему.

Разве что русский Бог?

Разве что возведенный им Божий дом?

Разве что Божья Матерь?

А Божья Матерь, казалось внимательно прислушиваясь к горьким словам людей о судьбе русского царя, русского народа и Белого Человека, попытавшегося в одиночку предотвратить самое страшное и гнусное преступление двадцатого века, молча уронила слезу.

И в притихшем доме каждый подумал о своем: кто о слезинке сердобольной Божьей Матери, кто о прозрачной капельке тающего под весенним солнцем божьего снега на крыше.

Но в конечном итоге все, и то и другое, — от Бога...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Матерь Детей, внимательно слушавшая беседу мужчин, воспользовалась паузой в разговоре и сказала:

— А ведь мы могли бы спасти Белого царя.

— Да, спасти могли бы, — подтвердил и хозяин дома.

— Каким образом? — спросил гость.

— Он был на окраине наших земель, так? — спросил хозяин дома.

— Да, недалеко, в Тобольске.

— Так вот, его надо было привезти в наши места, — начал размышлять вслух хозяин. — В глубь наших земель ему нужно было идти. Тут бы он и переждал это время... Как вы его называете?

— Смуту.

— Во-во, переждал бы смутное время. В наших лесах-болотах его бы ни один красный не достал.

— Это, пожалуй, правда.

— Пожил бы до зимы, дождался бы первого снега. А там, если бы захотел — уехал бы на оленях. То ли в сторону восхода, то ли в сторону заката. Воля царская...

— Я вот не успел... — Белый Человек развел руками. — Впрочем, про этот вариант я тоже размышлял. На самый крайний случай, если бы другого выхода не нашли.

— Это про отъезд на оленях?

— Да. Был случай бегства на оленях.

— Где это было?

— Про город Березов слыхали?

— Да, Березов-город мы знаем.

— Бывали там?

— Нет, но знаем, как народ туда ездит. Надо добраться до верховья Казыма, потом двигаться вдоль реки до самого устья, а там переехать через Обь — и будет Березов.

— Я знаю этот путь, — сказал русский. — Представляю, как добраться до Березова.

— Наверное, по карте-бумаге?

— Да, верно. Там-то и сам светлейший князь Меншиков земные дни закончил. Что-нибудь про него слыхали?

— В нашем доме вроде бы не было речи о нем.

— А про царя Петра Первого знаете?

— О, про царя Петра много кое-чего рассказывают старые люди. Хорошим словом его вспоминают. Будто бы он тоже побывал в наших краях.

— Сам-то он вроде бы не доезжал до этих мест, а вот князь Меншиков, правая рука Петра Первого, попал в ваши земли — был сослан в Березов. Там побывали многие известные россияне.

— Это, говорят знающие люди, не очень далеко. Ведь верховья наших рек довольно близко сходятся.

— Так вот, один из главарей большевиков, господин Бронштейн*, бежал из ссылки на оленьей упряжке. Из Березова. Помогали, конечно, остяки и вогулы.

— Не поймали?

— Нет, конечно. Кто ж в снегах его след разыщет!

— Вот мы про то и говорим: и Белый царь мог бы уехать на оленях куда захотел бы. Точнее, туда, где красные не смогли бы достать. Есть же такие места? Есть же такие страны?

— Есть.

— Вот и жив остался бы.

— Да.

— И дети бы его выжили.

---

* Речь идет о Л. Д. Троцком, который в 1906 году по пути к месту ссылки на оленьей упряжке бежал из Березова, перебрался через Урал и затем уехал за границу.

— Да. Но не получилось так, — сказал Белый Человек. — Это моя вина. Я виноват в их погибели. Не будет мне прощения. Ни на этом, ни на том свете. Не смог, не успел...

Он опустил свою седую голову, обхватил ее двумя руками и так, притихнув, сидел неподвижно. Может быть, припоминал свою долгую дорогу в Сибирь, в земли остяков. Когда он очнулся и приподнял голову, хозяин, стараясь приободрить гостя, сказал:

— У нас человеку просто так погибнуть не дадут. Нас мало, намного меньше, чем деревьев-трав. Поэтому мы ценим каждую человеческую жизнь. Человеческое дыхание не имеет цены. И оборвать его никто не решится в мирное время. Особенно дыхание безвинного человека. Особенно дыхание царя. И тем более детей. Совсем безвинных пред Верховным Отцом детей.

— Понимаю, — сказал Белый Человек. — Вас мало, поэтому вы, может быть и неосознанно, бережете друг друга. В вас больше доброты и жалости, чем у русских.

— Наверное, так.

Опять все помолчали. Потом снова, взглянув на мужа, заговорила Матерь Детей:

— А ведь мы могли бы защитить Белого царя, окажись он на нашей земле.

— Да, мы умели воевать, — подтвердил муж.

Они помолчали. И затем, дополняя один другого, начали вспоминать прошлое своего народа. Это был неторопливый диалог двух людей, понимающих друг друга с полуслова, а возможно, и без слов. Муж скажет слово-предложение, жена добавляет другое. Первым было слово хозяина:

— Наши предки были храбрыми воинами.

— Да, это всем известно.

— Князья наши были мудрыми военачальниками.

— А богатыри — сильными.

— Малым числом завладели большими землями.

— И сохранили эти земли до сегодняшнего дня.

— Земли эти конца и края не имеют.

— Мало кто достигал их окраин.

— На полдень пойдешь — до степи дойдешь.

— В полуночную сторону повернешь — океан с вечными льдами и снегами увидишь.

— На восход пойдешь — широкая, как море, река остановит.

— На закат повернешь — каменные горы увидишь.

— Тут леса и горы, тундра и болота, реки и озера.

— И всюду на этих землях расселился наш остяцкий народ.

— Пришли сюда в древние-задревние времена.

— Может быть, семь-восемь тысячелетий назад...

Белый Человек слушал молча. Когда хозяева сделали паузу, он сказал:

— Тысячу-то лет вы уж точно живете здесь...

— Откуда вы так точно знаете? — немного удивился хозяин.

— Из летописи. Из бумаг.

И он пояснил, что, собираясь сюда, в Сибирь, просмотрел кое-какие книги об этом крае и его коренных народах. Почти тысячу лет назад сюда пришли русские — новгородские торговые люди. Они встретили здесь угров и землю эту назвали Угрой, или Югрой, а ее жителей угорцами. А теперь угорцы стали называться остяками и вогулами.

— Чудно, — проговорил хозяин. — Значит, все записано на бумагу?

— Да, в летописи.

— Там и время указано?

— Да, конечно. А вы откуда знаете свое прошлое?

— Из преданий, а их пересказывают наши старцы.

— Мы их древними сказаниями называем, — добавила хозяйка.

— А откуда пришли?

— Из того края, где стоит вечное лето.

— Там вода в океане такая же горячая, как в чайнике, только что снятом с огня, — уточнила женщина.

— А почему такую теплую землю поменяли на холодную?

— Не знаю. Это было очень давно.

— Предания ничего об этом будто бы не говорят...

— А хотелось бы узнать?

— Конечно, каждому народу интересно, откуда он взялся, что было в древнем прошлом.

Все в доме замолчали и задумались каждый о своем. Если не о прошлом, то о будущем. Всякое смутное время наталкивает на размышления о вчерашнем и завтрашнем дне. Помолчали. Затем Матерь Детей снова вернула всех к судьбе царской семьи. Если бы Белый царь добрался до селения остяков, можно было бы призвать ему на помощь и магические силы этой земли, магические силы народа. Она сказала:

— А ведь мы могли бы одеть его в белые одеяния.

— В какие одеяния? — спросил гость.

— В белые, в божественные, оберегающие.

И женщина не спеша стала рассказывать, кого одевают в белые одежды. В белых одеяниях ходят только боги. Белый цвет у остяков — это цвет жизни. А белого не так мало и не так много вокруг. Белый снег. Это божественный снег. Сам Верховный Отец присылает его с Неба. Снег для того, чтобы лучше скользили полозья нарт, чтобы легче было оленям тянуть поклажу. Снег для того, чтобы прикрыть уставшую землю и дать ей передохнуть до весны. Снег для того, чтобы охотник мог выследить зверя и насытить добычей свою семью. Белый снег, запорошив след, при необходимости спасает человека от коварного врага.

Белая зима сменяется зеленым летом. Но на смену белому снегу приходит белая ночь. Наступает время царства белого солнца. Солнце приносит белый день, чтобы люди могли увидеть друг друга и полюбоваться деревьями, травами, водами, землей и небом.

Когда угасает белая ночь и приходит прохлада бесснежного предзимья, в доме поселяется огонь чувала, освещающий белым светом людей, чтобы они не растворились в черной осенней мгле.

Потом вступает в свои права белоснежная зима. А ее сменяет ласковая весна с серебристо-белым настом, матово-белой коркой льда и талыми водами. И земля начинает принимать пополнение. Оленихи приносят оленят, изредка — белых.

Рождение белого оленя всегда было радостным событием. Таких оленей, если в стаде достаточно было ездовых, в нарту не запрягали. Они жили, украшая жизнь, дом и пастбище. Бывало, белые олени проживали долгую жизнь. А потом, исполнив священный обряд, люди вручали души белых оленей Верховному Отцу, а белошерстные шкуры животных водружали на верхушке высокой сосны на святом месте. Иногда из них шили белые одежды, и они оберегали от невзгод человека, который ходил в таком одеянии. Обычно это были князья, богатыри, шаманы, старцы и просто мудрые люди.

И Белому царю, его жене, дочерям и сыну, будь они здесь, сотворили бы белые одеяния, чтобы уберечь их от напастей смутного времени. В них бы они печали-горя не знали. Так казалось Матери Детей.

Она все размышляла о детях Белого царя. И в мыслях уже сотворила им белые шубки. Теплые, легкие, красивые, богато изукрашенные орнаментами. Старшей княжне Ольге она подобрала широкий узор «ветка большой березы». Как первенец в семье, как старшая, княжна Ольга имела право

на самый сложный и мудрый орнамент на своих одеждах. И Матерь Детей заботливой рукой мастерицы мысленно вписывала в оригинальнейший узор всю жизнь великой княжны, жизнь прошлую и будущую. «Ветка большой березы» держалась на одной основной линии, напоминавшей длинную и древнюю реку, от которой ответвлялось бесконечное множество малых речек, ручьев, стариц и заливчиков с самыми замысловатыми изгибами-извивами, куда иглой мастера заносились все мгновения земных и небесных дней милой девушки. Но при этом каждый штрих и каждый стежок были строго соразмерны, подпитывали основное русло и утверждали одну мысль о вечном бытии великой княжны в этом мире. Таким образом, «ветка большой березы» для девушки стала бы надеждой, оберегающей от всех невзгод на жизненном пути.

Княжна Татьяна получила чуть меньший узор под названием просто «ветка березы». Ведь ее земные дни немного короче, чем у старшей сестры. Стало быть, и ее жизнеописание потребует меньше места.

Княжне Марии достался орнамент «рог оленя». В белоснежную зиму без оленя никуда. А олень может умчать и в неведомую даль, и в неведомую высь.

Младшей княжне Анастасии больше всего подошел бы узор «заячьи ушки». Это и оберег, и игрушка. Все дети любят зайца: с ним можно поиграть и порезвиться.

Матери княжон пригодился бы солидный узор «спинка соболя на две стороны», ограждающий от многих земных неприятностей. Матерь должна быть не только доброй и ласковой, но и сильной. А силы прибавит ей «спинка соболя на две стороны», прикрывающая ее саму и ее детей справа и слева, отводящая все беды. С этим узором все несчастья обошли бы ее.

Матерь Детей жалела, что все это происходит только в ее воображении. А могло бы быть в реальности, если бы

гость сумел привезти с собой Белого царя с семьей. Тогда призвали бы на помощь всех остяков-сородичей, всех богов и самого Верховного Отца. Разве устояли бы красные пред такой земной и небесной силой?

Между тем Белый Человек вернулся к разговору о малой численности остяков:

— Вас мало, поэтому вас надо оберегать, чтобы совсем не исчезли с лица земли.

И, вздохнув, добавил, что это понимают не все русские. Особенно красные. Эту истину могут постичь только умные и образованные люди. Но их всегда не хватало на Руси. Русь всегда страдала от дураков...

Но хозяин возразил:

— Надо беречь дыхание каждого человека. Наша земля огромна и хороша тем, что мы здесь бережем жизнь любого человека. И русский, попадая сюда, становится малым народом. Поэтому и жизнь его становится бесценной и мы его оберегаем так же, как и остяка.

Белый Человек молча слушал. Очевидно, ему нечего было возразить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Два ворона летели по-над дорогой впереди упряжки, держались низко к земле. Матерь Детей ждала, что они свернут влево или вправо или поднимутся высоко в небо. Но нет, они не сворачивали с дороги и не устремлялись в высоту. Они продолжали свой полет в том же направлении, куда она ехала с детьми.

Матери Детей это очень не понравилось, и она придержала упряжку, замедлила движение. Но и вороны, заметив это, сделали разворот в сторону, снова нагнали нарту и медленнее стали махать крыльями, словно поджидая путников-людей. Тогда женщина стала подгонять оленей, быки пошли быстрее. Но и вороны быстрее зашевелили крыльями, не стали отставать.

«Вороны — вещие птицы, — подумала женщина, — что-то хотят сказать, куда-то ведут. Только к хорошему ли, к плохому ли?»

Упряжка вывезла ее с детьми на озеро, где недалеко от берега, посреди дороги, темнело что-то серое. Подъехав ближе, Матерь Детей увидела окровавленный снег и распятого посреди дороги человека. Она повыше подняла края нартового полога, в котором сидели дети, невольно зажмурилась и поводком дала команду вожаку обойти преграду справа, по неглубокой целине снега, и только когда нарта снова выехала на твердую колею, открыла глаза и остановила упряжку. С помрачневшим лицом она сказала детям:

— Сидите, не слезайте с нарты.

— Что там? Кто там? Почему мы остановились?— спрашивали дети.

— Сидите! — строго сказала мать, завязывая поводок. — Я скоро.

Она медленно слезла с нарты, сначала оглядела уставших быков-спасителей, только потом повернулась и пошла назад, к тому, что объехала по целине.

Посреди дороги лежал вмороженный в колею человек. По обычаю, женщина не задерживала взгляд на неприкрытом, изуродованном лице покойника, а только боковым зрением скользнула по нему. Чуть в сторонке валялись обломки разбитой нарты и три убитых оленя с пулевыми ранами. Женщина прочитала на снегу все, что здесь произошло. Оцепенев, она некоторое время стояла неподвижно. Потом, очнувшись, поспешно вытащила затоптанную в сугроб шкуру-амдер* и накрыла ею окровавленный труп, а сверху и с боков придавила обломками изрубленной нарты, чтобы не унесло ветром. Все какое-никакое пристанище ушедшему из жизни, все какое-никакое подобие могилы. Пусть успокоится его душа, пусть не мечется по белому свету, напрасно беспокоя оставшихся в живых.

Матерь Детей зажгла спичку, подержала в руке, затем бросила на землю и сказала покойнику: «Оставайся тут, не ходи за нами».

Она вернулась на нарту и тронула упряжку.

— Кто там? — повторили дети свой вопрос.

— Погибший, — ответила Матерь.

— Один?

— Там еще погибшие олени, погибшая нарта...

Хотя о нарте надо было бы сказать «изрубленная», но она думала о ней как о живом существе. Все, что истребляла война, красные, казалось ей живым.

Дети печально замолкли.

---

* Оленья шкура-подстилка на сиденье нарты.

Пред глазами Матери встала картина трагедии, что разыгралась на этом озере. Двое красных солдат держали парня за ноги, двое за руки, а двое стояли с боков и лиственничными дубинами молотили его по очереди, начиная с ног и постепенно перенося удары все выше и выше, неминуемо подбираясь к голове. Один — видно, старший — топтался возле головы пленного, допрашивал, что-то пытался выведать. Пленный или не хотел отвечать, или не знал того, о чем спрашивали, или, в конце концов, уже просто не мог пошевелить языком.

А солдаты то останавливались, то снова начинали бить: на снегу остались ямки, куда они втыкали дубины, когда старший давал им передышку. А тот, видимо, в это время задавал пленному вопросы и ожидал ответа. Потом палачи снова брались за свою кровавую работу. Последними ударами разбили пленному лицо, чтобы невозможно было его опознать. Затем красные, не забыв прихватить свои дубины, забрав кисы, малицу и кумыш* своей жертвы, укатили дальше воевать, усмирять восставших остяков. Солдаты крепко мерзли в своей казенной форме, поэтому с обреченных на гибель они заранее снимали меховую одежду и обувь.

Теперь Матерь Детей воочию увидела, как «работают» лиственничные дубины, о которых много говорили в народе. Красные солдаты, передавала молва, избивали ими не только пленных, не только восставших, но и тех, кто приходился им не по нутру. Такими дубинами человека забивали, как скот. Ибо никто не помнит ни одного случая, чтобы битый этой дубиной выжил.

Женщина никак не могла избавиться от тягостной картины. Где-то в глубине души шевельнулось слабое предчувствие: а не помощь ли это шла к ним, не под-

* То же, что и гусь, — глухая мужская одежда мехом наружу, надеваемая на малицу.

мога ли? В эту зиму собиралась приехать к ним старшая дочь Федосья, которую Мать ласково называла Досей. Она недавно вышла замуж за нижнеаганского парня Егора из рода Тырлиных. Правда, Матерь через людей передала им весть-послание на словах, чтобы они не ездили. Зима выдалась тревожная, ведь в верховье Казыма началась война. А у войны, как говорили в старину, нет границ. Она может и до этих мест докатиться. Как теперь, впрочем, и получилось. Но молодые могли и рискнуть, собраться в путь. Матерь настолько была ошеломлена увиденным, что не догадалась взглянуть на уши убитых оленей, над которыми уже потрудились вороны: глаза были выклеваны, бока продырявлены. По меткам она бы сразу определила, из чьего они пастбища. А на покойника с неприкрытым лицом вообще нельзя смотреть. Боковым зрением она заметила, что окровавленные волосы ушедшего черные и густые — значит, принадлежали молодому человеку. Но разве мало молодых людей с такими волосами в селениях по рекам остяцкой земли?! Будь это зять Егор, ехал бы не один, внушала себе Матерь. Они были бы вдвоем, с Досей. А та не дала бы мужу вот так погибнуть на голом снегу, сама бы приняла смерть рядом с ним.

Немного успокоив себя такими рассуждениями, Матерь Детей стала погонять свою упряжку, чтобы побыстрее отъехать подальше от места трагедии.

На выезде с озера, у самого берега, Матерь соскочила с нарты и побежала рядом с левым полозом, чтобы оленям легче было втащить тяжелую нарту в гору. Немного отъехав, она остановила упряжку, чтобы быки отдышались после довольно долгого подъема.

Все слезли с нарты, чтобы размять затекшие ноги-руки.

Роман пошел назад, вниз, за горку, оставив женщин у нарты одних.

Матерь поправила и получше укрыла люльку спящего Саввы, потом оглядела Марию, поправила ей платок, спросила:

— Мария, тебе не холодно?

— Нет, — ответила девочка.

— Есть не хочешь?

— Нет.

— Пить не хочешь?

— Нет.

— Вот минуем болото, въедем в бор и там сварим чай, — сказала Матерь.

— Почему в бору? — спросила Мария.

— Там ягель хороший. Пока мы чай пьем, олени наши немного отдохнут и поедят.

— Они уже кушать хотят?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Да вожак Угольный уже зубами поскрипывает, влево-вправо поглядывает, удобную копаницу ищет.

— А-а, умный.

— Умный-умный. И смирный.

Между тем олени отдышались.

Из-под горки показалась голова Романа. Возвращаясь, уже недалеко от нарты, возле колдобины на правой обочине дороги, он выковырнул полузанесенный снегом обрубок ствола дерева почти в сажень длиной. Мальчик остановился, взглянул на Мать, спросил:

— Это что такое?

Матерь подошла ближе и, помедлив секунду, сказала:

— Палка. Просто палка. Брось ее.

И, схватив сына за руку, повела к нарте. Она вдруг заторопилась. Усаживая детей на нарту, говорила:

— Поехали, поехали. Олени есть хотят. Их нужно хорошо покормить.

Но прежде чем тронуть упряжку, она ищущим взглядом обвела стоянку, еще раз заглянула под полог нарты, и лишь затем, как бы что-то припомнив, дернула повод, и вожак Угольный послушно двинулся вперед. Ищет Анну, догадался Роман, внимательно наблюдавший за Матерью.

Она погоняла оленей, а перед глазами все стояла погибшая доченька Анна. У Матери невольно потекли слезы, и она незаметно для детей смахнула их рукой и долго ехала молча, размышляя об ушедшей, моля о Бога о том, чтобы той хорошо было в Небесном Царстве. С уходом Анны у нее все усиливалось ощущение пустоты. Пустоты в сердце. Пустоты в душе. Пустоты вокруг себя. Пустоты на земле.

Потом она вспомнила про лиственничную дубину, которую сын вытащил ногой из-под снега. Видно, красные потеряли ее случайно, на колдобине, когда нарту сильно тряхнуло. «Домой, домой! Побыстрей надо доехать до людей, довезти до дома дыхание детей», — думала Матерь. И все торопила, торопила уставших быков упряжки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как-то тихим вечером, после второго легкого ужина, Белый Человек стал расспрашивать хозяев об остяках и вогулах, откуда они пришли на эту землю, что об этом говорит народ.

— История эта длинная, — сказал хозяин.

Привычным движением правой ладони он пригладил кучерявый затылок и, с помощью Матери Детей припомнив все предания и рассказы стариков, поведал о заселении этой земли.

В те древние-задревние времена остяков и вогулов называли уграми, рассказывал хозяин дома, Отец Детей. Долго ли, коротко ли жили угры на берегу Тепловодного океана, где было вечное лето. Но однажды что-то стряслось. Может, земля провалилась в бездну — ушла под воды океана. Может быть, мор какой напал на народ. Может, какие завоеватели захватили теплое побережье. Об этом народные предания умалчивают. Народ двинулся на север. Шли медленно, неторопливо, защищаясь от воинственных племен. Шли, может быть, несколько столетий. А может, и тысячелетий. Шли в тяготах и лишениях. Чем дальше на север, тем меньше привычной пищи для теплобережного угра и тем больше нужда в теплой одежде и в теплом жилище. Чем дальше, тем труднее прокормить и укрыть он непогоды большой народ. И однажды, чтобы выжить, угры разделись на три группы. Одни пошли в сторону заката, держа полуденное солнце на левой половине лица, дошли до реки Дунай, обосновались там и стали называться мадьярами. О них отдельная история... Вторая группа тоже ушла в сторону заката, держа полуденное солнце на левой половине затылка. Они ушли очень далеко, до самого

края земли, до Закатностороннего океана, обосновались на приполярном побережье Атлантики и стали называться саамами. В этом многотрудном пути они растеряли, оставляя на встречных реках-землях, много своих соплеменников, из которых со временем сложились родственные народы, близкие уграм по языку. А наиболее выносливая и хладостойкая часть угров все продолжала двигаться дальше на север, неся полуденное солнце прямо на затылке. Эти стали называться обскими уграми. Сначала они жили в безлесных степях, а потом заняли всю пойму реки Обь.

Угры — это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории. Это обстоятельство подтверждается тем, что малым числом и за короткое время они заняли и закрепили за собой огромную территорию Западной Сибири: на востоке — до Енисея; на западе — до Уральских хребтов; на севере — до устья Оби, до вечно не тающих снегов и льдов, до самого Льдистого океана; на юге — до степной зоны. А врагов хватало. Со стороны Восходящего солнца на угорские земли совершали набеги тунгусы, со стороны Заходящего солнца — зыряне, с Полуденной — татары, а с Полунощной — самоеды, или «шерстяные люди». Так их прозвали потому, что они одевались в шкуры зверей, что было в диковинку уграм, пришедшим из теплых краев.

Угры умели воевать и могли постоять за себя. Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли и остановились на границе лесов и степей.

Угры построили города-крепости и плавильные печи для выплавки железа. Они еще не успели утратить ремесла и традиции, приобретенные в период жизни на побережье теплого океана. Мудрые князья-предводители думали прежде всего о безопасности народа. Здесь обучали юношей военному делу, выплавляли железо, ковали мечи и пики,

изготовляли боевые шлемы и рубахи-кольчуги. Немного позднее угры соорудили святилища-капища, обустроили угодья-вотчины и занялись охотой и ловлей рыбы. Южные угры сохранили коней и коров и распашную одежду, а северные пересели на оленьи упряжки и позаимствовали у самоедов глухую «шерстяную одежду» и «шерстяные дома» — кочевые чумы.

Земли оказались просто бескрайними. Что с запада на восток, что с юга на север. Те, кто оказался на окраинных вотчинах, общались друг с другом все меньше и меньше. Так постепенно из приуральских угров сложился новый народ вогулы со своим языком, очень близким к остяцкому.

Между тем угры периодически отражали набеги татар и самоедов. Особенно докучали последние, издавна промышлявшие разбоем. В открытый бой они не вступали, а нападали на малые селения и на одиночные семьи промысловиков и, перебив стариков и детей, поживившись добром в домах и амбарах, полонив женщин и захватив скот, резво укрывались на тундровом побережье океана. Лучшей добычей у них считались женщины и стада оленей. Женщин они брали в жены — своих, что ли, не хватало? — а оленей в первую очередь использовали в пищу. Через год-другой, когда проедали награбленное, делали новый набег. Бывало, самоедов преследовали, отнимали у них добычу и освобождали полоненных женщин. Бывало же, позаячьи путая следы, прикрываясь метелью-пургой, они уходили безнаказанно. Угры не считали их серьезными противниками: и войска не выставишь — не с кем воевать, и колесить по тундре, по одному истребляя их племя, тоже не дело: гордые богатыри не хотели и не могли становиться подлыми убийцами. Правда, после появления русских «шерстяные тундровики» намного присмирели, но их набеги исподтишка продолжались вплоть до прихода крас-

ных. С одной стороны, они побаивались Белого царя и царских князей-воевод; с другой стороны, когда оказались разрушенными крепости-города угров и те расселились по большим и средним судоходным рекам, удобнее стало нападать и грабить отдельные семьи и малые селения.

Татары, наоборот, ходили войной большим войском, и с ними угры бились до победного конца. В этих битвах угорские богатыри одерживали верх, и остатки войск противника всегда отступали и возвращались в свои степные владения.

Времена были суровые. Выживали только те народы, что моли защитить себя и свои земли. Но когда границы установились, угры повели себя довольно миролюбиво. Свое не отдавали и чужое не отбирали. Никто не помнит случая, чтобы они ходили в поход с целью захвата или грабежа чужих земель. Может быть, потому, что своего было в достатке: и земель, и рек-озер, и оленьих пастбищ, и лугов-покосов, и зверя-рыбы. Зачем чужое, когда есть свое?

Так прошло много веков. Так жили угры до прихода русских.

Русские побили татар, но не остановились на этом, а пошли дальше на север, на обских угров. Однако не смогли одолеть их, не смогли взять их города-крепости.

Долго бились, но все тщетно...

До прихода русских никто не одерживал верх над угорскими богатырями. Были они стройными, ловкими, рослыми. Грудь спящего богатыря вздымалась до уровня трех нижних венцов деревянного терема города-крепости. При необходимости богатырь мог надолго схорониться под снегом в тайге или под водой и льдом в реке. Попав в засаду, легко перемахивал через конные повозки татарского войска и беспрепятственно перелетал через огненное кольцо костров. Стряхивал, разбивая насмерть, одновременно дю-

жину воинов с левой и с правой руки. В безвыходной ситуации богатырь прибегал к магической шаманской силе — мог обернуться иголкой и затеряться в траве-мураве под ногами иноземного войска. Богатырь заговаривал болезни, останавливал кровь, снимал боль, прикосновением пальцев руки заживлял колотые и резаные раны, мог превратиться в невидимку... Возможно, поэтому еще в древние-задревние времена о них начали складывать легенды и сказания. До сих пор передаются из уст в уста предания о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье. На протяжении многих веков угорские богатыри были непобедимыми. Возможно, по этой причине воинственные соседние племена никогда не пытались полностью завладеть их землями, ограничиваясь короткими набегами.

Все знали, что угорские воины бесстрашны, как медведи, проворны и ловки, как горностаи, быстры, как лоси, живучи, как семиголовые великаны, благородны, как угорские боги. Для богатыря считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою. Только слабый духом и телом может пойти на обман и таким путем завоевать победу. Но таковых среди угорских воинов не водилось.

Может быть, честность и доверчивость в конце концов погубила угорских богатырей.

Долго бились русские, но не могли победить угорский народ. И тогда они пошли на хитрость: после очередной безуспешной попытки одолеть остяков и вогулов привезли и оставили возле стен города-крепости какие-то бочки, а сами ушли. В бочках оказалась веселящая вода. Напились этой дурной воды угорские богатыри. Сначала всем стало необыкновенно легко и весело, а потом все потеряли разум, нахлынули слабость и апатия, притупилось чувство опасности и всех сморил сон. Тут русское войско и ворвалось в город-крепость — перебили князей-военачальников и воинов, а женщин и детей взяли в плен.

Так пала первая крепость, первый город.

Потом таким же образом русские захватили и разрушили и другие города-крепости обских угров — остяков и вогулов. Всего же порушили, по одним подсчетам, сорок городов-крепостей, по другим — пятьдесят. А возможно, и все сто...

Князья, оставшиеся живыми после падения городов-крепостей, присягнули на верность Белому царю. С тех пор вот уже триста с лишним лет остяки «сидя на Белого царя живут». Русский царь оказался мудрым: в дела остяков он почти не вмешивался и не пытался бездумно ломать привычный уклад жизни народа. По его воле остяками продолжали руководить сами же остяки. Остяцкие князья, получив еще и княжеские титулы от русского престола, продолжали управлять делами остяцкого народа уже от имени государя императора.

Одним из последних титулованных остяцких княжеских родов был род Тайшиных. 2 февраля 1887 года тобольский губернатор сообщал министру внутренних дел:

3 февраля истекшего года в с. Обдорском Березовского округа вверенной мне губернии скончался обдорский остяцкий князь Иван Матвеевич Тайшин, имевший высочайшую грамоту, данную в 14 день января 1768 г. отцу покойного князя Матвею Тайшину за собственною подписью ее величества государыни императрицы Екатерины II об утверждении его, Матвея Тайшина, в княжеском достоинстве с предоставлением ему права заведования остяцким народом и собиранием ясака со сдачею такового в казну.

После смерти Тайшина осталось значительное для остяка имущество и, между прочим, следующие предметы, пожалованные ему высочайшими особами: большая золотая медаль для ношения на шее, пожалованная государем императором

Николаем Павловичем с надписью «За полезное»; большой серебряный кубок, пожалованный покойному государем императором, а также малинового бархата шитый золотом кафтан и парчовый камзол. Кроме того, бронзовая медаль в память войны 1853–1856 гг.

*Прямыми наследниками покойного князя являются родные его сыновья, старший Иван и младший Марк Тайшины, которым в последнее время перечисленные выше предметы и выданы, кроме объясненной высочайшей грамоты...**

Так управляли угорской землей три столетия.

Остяки и вогулы верою и правдою служили государю императору, пополняя его казну «мягкой рухлядью»**.

Однако, как ни мудр был Белый царь, как ни заботился он об остяках, его правление принесло и горькие плоды. Русские заняли лучшие рыбные угодья на Оби и привезли кроме водки и табака многие неведомые здесь ранее болезни. Измельчал народ, а воины-богатыри почти совсем перевелись. Теперь не часто встретишь молодца с грудью высотой в три толстых венца. Как полагают сами же пришлые, все это от русской водки. С одной стороны, оно и понятно: им хотелось спокойно жить и спать. Совсем ни к чему держать под боком сильных инородческих богатырей. С другой стороны, народ не может позабыть о своей былой силе и мощи...

Теперь остяки с каждым годом все убывают и убывают числом, а земля их, Югра, остается неизменной в границах. Их опустошающиеся угодья занимают пришельцы из других мест, из городов-селений, где людей больше, чем деревьев-

---

* Тобольский фонд государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. И-152. Оп. 33. Д. 596. Л. 4–4 об. Подлинник. Рукопись.

** Т. е. пушниной. — *Примеч. ред.*

трав. Ничто не вечно под солнцем и луной. Очевидно, кончается земная эра обских угров...

Они прошли через тысячелетия, одержав верх во многих битвах-сражениях, закалившись в жаре у Тепловодного океана и в холоде у Льдистого моря, презрев тяготы и лишения, одолев безжалостные моры и болезни, познав любовь земную человеческую и небесную Божью... И если будет суждено волею Верховного Отца, отсчитав отведенный им отрезок времени в Среднем мире, покинуть навсегда свою землю, последние остяки уйдут с достоинством, присущим угорским богатырям, и с надеждою в душе, что найдут пристанище в шестом ли Небесном Слое, в седьмом ли Небесном Слое, где покоятся души чудо-богатырей, князей-предводителей, воинов, мудрых старцев и шаманов, преждевременно погибших женщин и детей, всех тех, кто положил живот за остяцкий народ...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Пойду я в Европу, — сказал Белый. — Буду молиться за упокой души государя и его детей, за всех безвинно убиенных. Буду отмаливать свои и чужие грехи. Решил идти по снегам, вдоль Северного Ледовитого океана, потому что видеть не могу красных. Как увижу, так всплывают в памяти их жертвы, не в бою убитые, а в застенках замученные, забитые, заживо замороженные, заживо сожженные, заживо растерзанные на части... В свои сети заманивают они лаской, лестью, коварством, подлостью, не щадя ни своих, ни чужих детей, ни родных, ни близких. В этой подлой жестокости никто не в силах их остановить. Только Бог может их образумить. Если, конечно, захочет. Вот я и хочу просить Его об этом до конца моих дней. Может, услышит. Может, образумит их. Может, захочет помочь. Ибо красные без царя в голове и без Бога в душе не знают, что творят. Словом, буду молиться и за белых, и за красных. Ведь все они русские люди.

Иду по снегам, потому что не хочу отдавать свою жизнь красным. И сам я не хочу и не могу более отнимать чужие жизни... Иду по этой земле, зная, что непременно доберусь до своей цели, что не сгину бесследно в белых снегах, ибо Бог сохранит меня, раз не дал погибнуть в Гражданскую, не дал растерзать безумной толпе, не дал сгинуть бесследно в застенках чекистов.

Вот с такою верою иду на запад. И чем ближе я к цели, тем больше убеждаюсь в своей правоте, ибо в самый трудный час кто-то всегда приходит мне на помощь. Вот и теперь Бог послал вас... — Белый взглянул на Отца Детей и повторил: — Это Бог послал вас...

— Да, без Него ничего не делается на земле... — согласился хозяин.

— Знаю.

— Когда выпадет снег, я дам тебе упряжку самых смирных и выносливых оленей, и ты уедешь на них, — сказал хозяин.

— Хорошо, дожить бы до снега.

Потом, ловя рыбу, сидя в «мастерской» среди стружек, стоя возле дымокура и осматривая стадо, они в деталях обсуждали, как Белый поедет в Европу. Дорога по побережью Ледовитого океана долгая и трудная. А путь через Березов, по которому когда-то бежал из ссылки Бронштейн-Троцкий, — более короткий, но опасный: надо доехать до верховья Казыма, оттуда вдоль реки до Березова, а затем вдоль Сосьвы добраться до Урала и выйти к Богословскому заводу. Там начинается узкоколейная железная дорога. По ней — до Кушвы. А дальше через Пермь, Вятку, Вологду, Петроград прямая дорога выходит на Гельсингфорс — это уже Финляндия, там свобода.

У каждого пути были свои преимущества и недостатки.

— Ладно, доживем до осени, — сказал Отец Детей.

— Доживем, там видно будет, — согласился Белый.

Когда выпал снег и встали реки и озера, мужчины собрались в дорогу на двух упряжках. Договорились, что Отец Детей проводит гостя до дома своих дальних родственников, до Божьего озера, что в верховье Казыма, а там окончательно решат, по какому пути дальше поедет Белый: повернет ли прямо на север или направится на запад вдоль реки, к Березову. В любом случае, как это принято у остяков, жители тамошнего селения проводят его до следующего. А красных особо остерегаться нечего: Белый в меховой одежде, владеет языком — мало кто догадается, что он не остяк, а русский.

— Тем более, в нашем роду был русский, — сказал Отец Детей. — Лет сто назад Белый царь выслал сюда каких-то бунтарей, которые против него пошли. Так вот, один из них женился на девушке из нашего рода и остался в родовом селении. Звали его Младший Русский Зять. Почему такое прозвище получил? Обычно так зовут тех, кто женился на младшей дочери в роду. Есть старший зять, есть средний, и есть младший. Так вот, всякие забавные истории про Младшего Русского Зятя рассказывают, как он учился ловить рыбу, пасти оленей, выслеживать зверя и птицу. Вначале все у него не ладилось и он часто попадал впросак. Но настырный был, работящий, всему научился, и в роду полюбили его. А потом у него свой род пошел. Сыновьям его и внукам очень пришлась по душе рыбная ловля. Они занялись рыбным делом, и двое из них переселились к устью Оби, где водится много белой рыбы — осетр, стерлядь, нельма, муксун и другие виды. Сказывают, до сих пор их потомки там живут, возле Обдорска-города рыбу промышляют. А фамилия у них не остяцкая — Салтыковы. У царицы Екатерины кто-то из их предков служил. Вот от тех Салтыковых и досталась фамилия нашему Малому Русскому Зятю и его потомкам... Спросят, скажешь: в роду был русский... — заключил рассказ хозяин.

Белый кивнул.

— У многих остяков, живущих по берегам Иртыша и Оби, фамилии почему-то русские, — рассказывал Отец Детей. — Может, смешались давно с пришедшими из России?

Хозяйка накрыла на стол, и все сели выпить чаю перед дорогой. Хозяин, попивая чай, кивнул в ту сторону, куда они поедут, и сказал, как бы убеждая Белого, что собрался в путь не только ради него:

— У меня там и свои дела есть...

— Какие?

— Давно не был, пора поклониться богам тех земель и вод.

— Дело говоришь...

Перед отъездом Белый отдал Отцу Детей винтовку и револьвер со всеми патронами, сказал:

— В лесу живете. В смутное время живете. Может, пригодится дом, землю защитить...

— А ты как же?

— Обойдусь.

— Без оружия, без защиты?

— Теперь я с Богом, — улыбнулся Белый и кивнул на часовню.

Отец Детей тоже глянул на Божий Дом.

— Захочет — спасет, захочет — погубит, — сказал Белый.

— Так-то оно так.

— И оружие не поможет.

— Так-то оно так, — повторил Отец Детей.

Белый обвел погрустневшим взглядом все селение, потом расцеловал детей, а Матери поцеловал руку, сказал на прощание:

— Мир тесен. Может, еще свидимся. Может, наши дети свидятся.

— Свидимся... — многозначительно сказал хозяин, глянув на небо.

— Жизнь не имеет предела... — вздохнула Матерь Детей.

— Не забывайте Божий Дом, — попросил Белый. Помолчал, потом добавил: — Буду молиться за всех вас!..

— Удачи и здоровья! — пожелала хозяйка.

— С Богом!..

Матерь Детей перекрестила его.

Упряжки тронулись. Хозяин впереди, а за ним гость, ставший близким и родным за прошедшее лето. Отъехав,

Белый оглянулся. Возле крыльца, полукругом, неподвижно стояли дети с Матерью. Они молча и грустно смотрели ему вслед. Только неугомонный Ромка, не совсем понимая, что дядя Петя, дядя Здравствуй, покидает их дом навсегда, бодро махал правой рукой.

Белый ехал в Европу, к своей семье, чтобы помолиться за безвинно убиенных русских, за свой неразумный народ, за погибшую Россию.

Что ожидало его в пути, никто не знал.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Дорога привела Матерь с детьми к селению. Первыми почуяли приближающееся жилище олени, Угольный и Молочный. Как обычно бывает, предчувствуя отдых, быки-братья сами прибавили шаг, заспешили. Увидев чумы, обрадовались и путники.

Наконец-то люди!

Наконец-то тепло, пища и уют!

Наконец-то олени!

Матерь Детей остановила упряжку, быстро завязала поводок-вожжу и рванула дверь ближайшего чума. И остолбенела.

В чуме полно людей. Но все они в странных позах. Все неподвижны.

Голова в платке с бахромой. Головка в оранжевом платке. Черная, с проседью, толстая коса на белом песцовом воротнике ягушки. Костлявый, бугристый в суставах, кулак с крепко зажатой табакеркой из желтой кости мамонта. Затылок с сорванной вместе с кожей светлой косичкой.

Головка в лисьем капюшоне с ушками. Руки, скомкавшие окровавленный платок. Головка в выдровой шапке. Цветастый платок с бахромой. Огромный перекошенный рот, захлебнувшийся немым криком.

Голова без капюшона. Сведенные судорогой челюсти. Лоб с круглым черным отверстием чуть выше переносицы. Головка в голубом. Высокая женская шапка из белого пыжика.

Тугая женская грудь с коричневым соском, вывалившаяся из-за полы расстегнутой ягушки. Под гру-

дью расшитый бисером маленький капюшончик малицы с медными подвесками и бубенчиком. Перед грудью беленький платочек.

Губки с белым налетом от молока. Взлохмаченная ягушка. Пустая глазница. Единственный глаз встопорщился сухой пленкой всепрожигающей ненависти к убийцам.

Перебитая рука. Перебитая нога. Полчерепа. Поллица.

Стол посреди чума забрызган сгустками побуревшей крови и облеплен ошметками слегка пожелтевшего головного мозга. Стенки чума в крови. Лежанки в крови. Посуда в крови. Одежда в крови. Весь дом в крови.

Все неподвижны.

Все уснули вечным сном.

Только младенец в люльке, наклонившись вперед, прижав подбородок к груди, красными, как у тетерева, глазенками с удивлением вглядывался в неподвижные лица своих сородичей. Сейчас, когда задели жердину чума, люлька качнулась и медленно закружилась сначала в правую сторону, потом в левую. И, раскрыв ротик, он, казалось, еще с большим нетерпением стал высматривать внизу свою молодую и красивую маму. Он надеялся на чудо. Он звал маму. Он просил воды, пищи и тепла. Его мучила жажда, ибо со слезами выплакал он всю воду.

Младенец поседел.

Стал белым, как снег.

Потом он охрип от плача и смолк. И притих. Только подвесной ремень его люльки, вращаясь, жалобно постанывал.

Младенца ни одна пуля не задела. Не потому, что красные пощадили его. Просто красные расстреливали сидящих. В упор. Залпами. Через тонкую покрышку

чума. Поэтому сидевшие слева приняли смерть спиной и затылком, а кто был на правой лежанке — грудью и лбом. И лишь младенец с высоты своей люльки, как небесный херувим, смотрел, кто и как принял неминуемую кончину. О нем все забыли. Его мамы не было рядом, и некому было взять его на руки, чтобы прикрыть собою. Поэтому ему суждено было пережить всех своих сородичей.

Матерь Детей быстро захлопнула дверь чума. За ее спиной вырос старшенький Роман, спросил:

— Кто там?

И Матерь вдруг стала заикаться:

— Т-т-т-т-т... — Не могла вытолкнуть первое слово. — Та-та-та... — Наконец после паузы ей удалось выговорить: — Там... кровавый пир красных!.. — Она хлебнула воздуха. Потом повернула сына лицом к упряжке и, слегка подтолкнув в спину, шепотом сказала ему: — Иди к младшим... Лучше тебе этого не видеть...

И мальчик молча поплелся к нарте.

А Матерь Детей в нерешительности смотрела на второй чум. Там не было видно рваных дыр, ошметьев покрышки, выдранных пулями с расстояния в десяток шагов. Вроде бы стенки целы. Вдруг там осталась хоть одна живая душа!.. Женщина подошла, осторожно приподняла меховую полость-дверь и заглянула внутрь.

Показалась левая лежанка, устланная шкурами. На шкурах покоилась совершенно обнаженная молодка, словно изваянная из снега и льда. Мертвенно-холодным блеском отсвечивали ее широкие бедра...

Матерь Детей, не чувствуя рук и ног, не ощущая своего тела, с подступившей к горлу тошнотой, пошатываясь, медленно побрела к нарте и там свалилась на сиде-

нье. Пришла она в себя от легкого прикосновения старшенького Роман:

— А там что?

— Там... живых тоже нет... — ответила она. — Дай отдышаться, сейчас поедем...

Красные не дураки, подумала она. И главари их — тоже не всегда дураки. В своих бумагах-отчетах они напишут, что «ликвидировали очередной очаг сопротивления». Ликвидировали. Никто из них не стрелял по безоружным женщинам, детям, старикам. Они расстреляли чум, в котором засели восставшие остяки. И даже если они уничтожат подряд всех взрослых и детей, власть не осудит их. Они хорошо усвоили, что ничего запретного для них не существует. Никто и никогда не полезет в эти дебри для того, чтобы посмотреть, какой след там оставило «доблестное» войско красных.

Матерь Детей заторопилась в дорогу. Побыстрее отсюда.

Она подняла уставшего вожака Угольного, повернула его голову в сторону дороги. Отъехав немного, остановилась. Оглянулась, окинула недолгим взглядом мертвое селение, тихо сказала погибшим сородичам:

— Схоронить вас нет сил... Сами это видите... Поэтому плохое в уме на нас не держите...

Затем она чиркнула спичку, бросила на дорогу и через этот всеочищающий огонь, потянув за собой вожака, зашагала прочь.

Как ей показалось, бодрым шагом повела она старого Угольного в сторону родного дома. Широко открывая рот и раздувая ноздри, Матерь Детей жадно хватала морозный воздух: она надеялась, что весенний целебный дух лесов, озер и рек этой земли очистит ее сердце и душу. Сначала и вправду немного полегчало, но потом картина увиденного во всех мельчайших деталях

опять всплыла в ее памяти. И она поняла, что от этого видения нельзя так просто избавиться. Тут либо с ума сойдешь, либо по доброй воле смерть начнешь искать. Маяться, мучая себя и своих близких, не хотелось. Теперь, особенно со дня гибели дочери Анны, ее постоянно тянуло в мир ушедших. Но умереть надо не просто так. Лучше умереть в борьбе с красными, в схватке с ними. Рвать их руками, ногтями, зубами. Чем угодно, лишь бы уничтожить. Кровавый разбой оставлять безнаказанным нельзя. Вот только оставшихся детей нужно довезти до родичей, до живых людей. Ведь они еще совсем не успели пожить, им нельзя так рано уходить из жизни... А своего дыхания ни капельки не жалко. Но сначала надо спасти детей, отвезти их в безопасное место, а потом на войну, на красных. Хоть с ружьем, хоть с топором, хоть с голыми руками.

Она понимала, что ее загнали в угол, в тупик. Другого выхода нет. В мертвом чуме могли оказаться и ее дети, ее птенчики. И красные с такой же легкостью расстреляли бы их, как и этих несчастных, только за то, что остяки дышали и хотели жить на своей земле по своим обычаям и традициям, со своими радостями и болями, со своими богами. И, стало быть, если хочешь, чтобы жизнь на этой земле продолжалась и предки спокойно покоились в своем Нижнем мире, нужно остановить злодеяния красных. Даже ценою собственного дыхания. Правда, это очень высокая цена. Ведь человеку только один раз дано пройти по земле, один раз согреться теплом Солнца, один раз озариться светом Луны. Но кто ради своих детей пожалеет хоть один вздох?!

Теперь, побывав в мертвом селении, Матерь Детей поняла, почему аэроплан сбрасывал на головы ее детей огненные камни. Летчик не ошибался. Он отлично ви-

дел, что на дороге стояли не воины-мужчины, а женщина с детьми. Просто красные решили никого живым с Водораздела не выпускать. Особенно в южном и юго-западном направлениях. Там, на Оби, стояли старинные крепости-города Березов, Сургут, Кондинское, Самарово. И красным совсем не хотелось, чтобы весть об их кровавых и бессмысленных зверствах дошла до людей. И поэтому Водораздел они превратили в мертвую зону, в мертвую землю, где надлежало уничтожить всех восставших остяков, кто успел скрыться здесь после главного сражения на Божьем озере. Северное и восточное направления не столь рьяно оберегали. На севере выйдешь на побережье Ледовитого океана — никто тебе не поможет, хоть льдам-торосам жалуйся, хоть богам своим молись, хоть красных анафеме предавай. А на восток пойдешь — к Енисею придешь, в незаселенные районы Красноярского края попадешь. Там ты тоже не опасен... Поэтому, выходит, коль не оборвали твое дыхание, не отняли твою жизнь на мертвой земле, так сиди тихо, дожидайся своей кончины.

Нет-нет, Матерь Детей с такою участью не смирится. Она до последнего станет спасать уцелевших детей, а потом пойдет войной на красную нелюдь.

С такими мыслями она покидала мертвое селение.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Когда в воздухе снова загудел аэроплан, между Матерью и старшеньким Романом завязалась короткая схватка из-за ружья.

— Дай мне, я буду стрелять! — сказала Мать.

— Нет, я! — закричал сын Роман.

— У меня лучше получится!

— Я тоже постараюсь!

— Его нужно крепко наказать! За Анну!

— Я постараюсь! Я очень буду стараться!

— Его нельзя упускать!.. За нашу Анну!..

— Знаю, знаю, мама!

Каждый из них тянул ружье на себя. Каждому хотелось вложить в выстрел по аэроплану всю свою ярость и боль, отомстить за погибших от рук красных дочь и сестру, мужа и отца, сына и брата. Молча взывало о справедливой мести и целое мертвое селение. Поэтому промахнуться никак нельзя.

Между тем железная птица заметила упряжку и людей и начала описывать полукруг, чтобы ринуться в атаку. А мать с сыном все еще не могли договориться — кому стрелять.

Матерь сказала сыну:

— У меня рука тверже. Я охотилась.

Сын на это ответил:

— Я — мужчина! Я — воин!

— Ладно, возьми, — уступила Матерь. — Только не спеши.

Они отошли подальше от нарты в надежде, что аэроплан начнет бомбить людей с ружьем, а не упряжку

с малышами, и начали выбирать удобную позицию. Но это оказалось непростым делом. Поблизости не было ни толстого дерева, ни бугорка для упора руки или спины. Как и в первую бомбежку, их застали на чистом месте, посреди небольшого озерка. А добежать до берега, где стояло несколько ветвистых сосен, просто не успеть.

Роман лихорадочно перетряхивал подсумок с патронами.

Матерь деловито спросила:

— Сколько у тебя пуль?

— Было пять-шесть.

— Потерял, что ли?

— Да нет. Один патрон нашел.

— Заряжай, я остальные найду! — скомандовала Матерь.

Она вытряхнула на твердый наст дороги все содержимое подсумка и без труда отобрала еще пять пулевых зарядов. Матерь отбросила ставший теперь ненужным подсумок, четыре патрона зажала в левой ладони, а один отдала сыну со словами:

— Если успеешь, сделай два выстрела. Он не быстрее птицы летает... Хоть и железный, мерзавец...

— Да-да, постараюсь! — с лихорадочным блеском в глазах отмахнулся сын.

— Только не спеши.

— Знаю, мама.

Роман быстро зарядил ружье, затем сбросил на дорогу свою малицу, стал на ней поудобнее устраиваться. С колена будет стрелять, сообразила Матерь Детей. И про себя похвалила сына: молодец, на этом чистом заснеженном льду ничего другого не придумаешь. Хороший охотник из него вырастет. И удачливый, и сообразительный, и скорый на руку и на ногу. А коль нужда

заставит, так преждевременно и неплохим воином станет. Хотя война — это не детское дело. Но тут деваться некуда. Воинов почти всех уже перебили в семье, а защищаться от железного чудовища надо.

Между тем аэроплан развернулся и по-над нартовой дорогой полетел с северо-востока на юго-запад. Его темная тушка показалась за озером над верхушками сосен. Держал он курс прямо на одинокую упряжку.

Роман, кажется, успел подготовиться к встрече железной птицы. Он уже согнул левое колено и положил на него согнутый локоть левой же руки. Но ружье держал на правой вытянутой ноге, как бы пряча до поры до времени от аэроплана, чтобы он не заметил и не свернул в сторону до выстрела. И только когда аэроплан, преодолев полоску озерного берега, на небольшой высоте вышел на прямую линию со стрелком, мальчик поднял ружье, чуть согнул для устойчивости правую ногу, а левой рукой, с плотно прижатым к колену локтем, взялся за цевье. Осталось поймать на мушку чудовище, изрыгающее огненные камни, и спустить курок.

Матерь Детей на несколько шагов отошла за спину сына и, невольно сжавшись, стараясь стать как можно меньше, присела на корточки. Больше к сыну она не подходила и ничего не говорила. Знала, что иногда скажешь под руку — и этим повредишь делу. Все-таки мальчик держит в руках ружье не первый раз. Правда, до сей поры он охотился только на зверей и птиц, а вот тут впервые придется целиться в человека... Прости, Господи...

Матерь Детей не мигая, как завороженная смотрела на ствол ружья, откуда должно было выскочить возмездие за гибель доченьки Анны, за мужа, за сына, за девушку-ненку, за жителей мертвого селения. От аэроплана уже отделилась одна черная точка, вторая, тре-

тья. Это огненные камни. Ну давай же, давай, стреляй! Пора, не то поздно будет!

Ревя, как хищный зверь, аэроплан несся на Матерь и ее детей. И когда он навис почти над головой Романа, Матерь увидела обрывок пламени из ружейного ствола. Наконец-то! В следующий миг воздушная волна ударила ее в спину и ничком бросила на шершавый наст зимника. Ах, упреждение, упреждение он не взял, пронеслось в голове женщины. Надо было сказать ему об этом. Ах, не догадалась, не успела. Гул мотора стал удаляться, начала оседать снежная пыль. Что же со старшеньким?! Матерь бросилась к сыну. Роман лежал на спине, прижимая к себе ружье. Видно, взрывная волна хлестнула его спереди и повалила навзничь.

— Ты жив?! Ты цел?! — выдохнула Матерь. — Не задело?! Не ударило?!

В глазах сына метались яростные огоньки. Но он даже не попытался встать на ноги. В правом углу рта выступила сукровица. Он чуть шевельнул ружье на груди и с внутренним хрипом, тяжко, но внятно выговорил одними губами:

— Возьми... — и метнул горевший живым огнем взгляд в сторону гудевшего в небе аэроплана.

И Матерь без слов поддалась страстному порыву сына: уничтожить огненно-каменное чудовище. Она схватила ружье за ствол и, озираясь на небосвод, вскочила на нартовую колею. Выпрямилась, повернула голову в сторону гудящего аэроплана, замахала руками и, словно тот мог услышать, закричала свистящим шепотом:

— Давай, давай сюда! Вернись!

И пуще прежнего замахала руками. Сейчас она больше всего боялась, что аэроплан безнаказанно улетит. А этого нельзя допустить. Есть еще заряды. В левой руке она крепко сжимала четыре патрона с пулями.

— Вернись! — кричала она. — Видишь, мы еще живы!

Аэроплан гудел над кромкой леса. Его не было видно с озера.

— Вернись, чтобы убить нас! — кричала в небо женщина. — Посмотри, мы еще не все погибли! Ты не всех убил!

И, словно услышав крики женщины, аэроплан начал разворачиваться. Он показался на полуденной стороне неба. Он шел старым курсом, по старому замыслу: на северо-востоке залечь на прямую над оленьим зимником и спикировать к упряжке с людьми.

Увидев серебристый бок разворачивающейся крылатой машины, Матерь облегченно вздохнула. Наконец-то представилась возможность расквитаться за погубленную жизнь доченьки Анны и всех близких. Только бы не испугалась, не свернула в сторону эта смертокрылая машина. Она, Матерь Детей, слава Торуму, знает, как обращаться с ружьем. Жизнь научила. С ружьем она уже прошла два круга жизни.

На первый круг ступила в ранней юности, когда умер отец Савва и она, как старшая в семье, по первоснежью пустилась на охоту на белок и глухарей, чтобы прокормить семью. Второй круг одолела после того, как ее первого мужа русские увезли за шаманство, а на нее в совхозе переложили выполнение пушного и рыбного плана. За мужа, за выбывшего из списков «врага народа». Жаловаться было некому. Два года ей пришлось тянуть эту лямку, пока не сменили председателя совхоза и она не вышла замуж во второй раз, за Отца Детей. Но за это время Матерь Детей научилась стрелять не хуже охотника-мужчины. А теперь вот вступает она с ружьем в третий, последний круг своей жизни. Но сейчас вынуждена поднять ружье не на зверя-птицу,

а — прости, Господи, — на красную нелюдь. По аэроплану, конечно, ей не приходилось стрелять. Но почти за год войны с красными она наслушалась много рассказов, в том числе и о стрельбе по крылатым машинам. Она хорошо представляла себе, где находится сердце чудовища — мотор, где топливный бак, где сидит летчик-рулевой. Если аэроплан пролетит прямо над ней, то пилота-ирода, конечно, пулей не достать. Его можно зацепить на развороте или на взлете, если он вдруг задумает сесть на озере или реке. Но промахнуться в такую махину — грех. Тут потом только себя вини, сам плох. Это тебе не чирок-свистунок, который за мгновение десять раз метнется влево-вправо или вверх-вниз... А эта крылатая дура хоть и железная, но громоздкая и поэтому уязвимая. Только пугаться ее не следует. Но Матерь Детей давно уже утратила всякий страх.

Пока аэроплан разворачивался и ложился на нужный курс, Матерь Детей готовилась к стрельбе. Она готовилась защищать своих детей, свою упряжку, свой дом, свою землю и тех людей, кто жил на ней. Она зарядила ружье и приложила приклад к плечу. Приклад оказался длинноват — не очень удобно прицеливаться. Тогда она быстро развязала, кое-где обрывая, тесемки ягушки на груди и освободила от одежды, будто собиралась кормить грудью ребенка, правую руку вместе с плечом, пихнув пустой рукав за спину. Теперь приклад ружья пришелся впору. Ведь толщина меховой шубы больше высоты ладони.

Все, ружье готово к стрельбе. Второй патрон она зажала вместе с цевьем левой рукой.

Женщина присела посреди дороги на правую согнутую в колене подобранную под себя ногу, а левую, также согнутую в колене, чуть выставила вперед для опоры

руки, держащей ствол. Она все рассчитала. Если после первого выстрела огненный камень не упадет ей на голову, она развернет корпус толчком правого колена, в развороте перезарядит ружье и выстрелит второй раз вослед железному людоеду. Вторая пуля будет не лишней. Между выстрелами, если огненный камень упадет поблизости, нужно будет, перезаряжая ружье, плотно прижаться к земле, чтобы взрывной волной не отбросило в рыхлый снег на обочине дороги.

Матерь Детей полубоком, выставив вперед левое плечо, с ружьем в руках сидела посреди дороги в ожидании огнемечущей крылатой машины. Женщина приготовилась к защите.

А аэроплан красных приготовился к атаке. Он вышел на пикирующую прямую. Женщина машинально отметила, что он держится чуть левее дороги. Это хорошо, подумала она. Слева удобнее взять его на прицел. Но аэроплан летел немного выше, чем в первый заход. Однако при подлете будет на расстоянии верного выстрела.

Смертоносный аэроплан все ближе и ближе. Женщина взяла его на мушку, но с неженским хладнокровием выжидала. Нужно было бить наверняка, ибо на другую возможность отомстить она не надеялась. Матерь Детей замерла в ожидании. Наконец она выдохнула:

— Ах, за Анну! — и нажала на курок.

Приклад приятно ударил в плечо. Крепкий заряд, значит.

Но, как она ни старалась, а упустила момент, и сделать второй выстрел не успела. Аэроплан выбросил смертоносные камни и полетел дальше.

Матерь Детей в отчаянии повалилась на дорогу. Только теперь она поняла, что стрелять надо было на подлете, когда аэроплан подставляет свой двигатель,

а не когда нависает над головой. Она лежала на утоптанном снегу зимника и горько жалела о том, что не смогла отомстить за Анну, за всех погибших. Вряд ли теперь крылатая машина вернется. Она лежала неподвижно, будто подкошенная, хотя на сей раз огненные камни упали где-то в стороне.

И вдруг она услышала гул, подняла голову и увидела, что аэроплан возвращается. То ли его раззадорило это неравное единоборство, то ли он хотел взглянуть на результаты своей работы и убедиться, что в живых никого не осталось. То ли Бог внял мольбам женщины и решил дать ей еще один шанс, дабы она могла расквитаться с крылатой машиной за гибель дочери.

Матерь Детей, лежа, быстро зарядила ружье. Что-то ей подсказало, что раньше времени нельзя подниматься и показывать, что она еще жива. И только когда аэроплан стал подлетать к ней, она вскинулась на колени, подняла ружье и почти беззвучно выдохнула:

— За Анну! — и плавно нажала на курок.

Аэроплан тряхнуло.

Припав к земле, Матерь Детей быстро перезарядила ружье и, одновременно разворачивась через левое плечо, уже не целясь, навскидку выстрелила вслед уходящей машине.

Аэроплан качнуло влево-вправо, повело вниз. Но перед кромкой озерного леса он опять пошел вверх, поднялся над деревьями, и наконец из него повалил дым. С этим сизым дымным хвостом он и скрылся за лесом.

— Попала! Попала! — закричала женщина. — Анна, я попала! Попала!

И она захохотала глухим шипящим истерическим хохотом. Потом как-то незаметно ее хохот перешел в заунывный вой-плач. Она бросила на дорогу ружье,

вытерла глаза уголком платка и медленно, покачиваясь из стороны в сторону, пошла к неподвижно распластанному на своей малице старшенькому Роману.

— Я попала в мерзавца! Слышишь, Роман? — сообщила она сыну. — Дым повалил. До Березова никак не дотянет. И до фактории не дотянет. Посреди какого-нибудь болотца протухнет!..

Они оба знали, что для гибели крылатых машин требуется, в общем-то, не очень много. В снег и пургу они не летают. В пасмурную погоду могут потерять ориентир и, израсходовав топливо, шмякаются о землю. В этом случае даже рулевые-огнеметчики не могут остаться в живых. Если они не погибают при падении, то замерзают в снегах и льдах за сотни верст от человеческого жилья. Похоже, у красного войска каждая крылатая машина на особом учете. Стало быть, сегодня Матерь с сыном нанесли карателям ощутимый урон. Правда, красные наверняка спишут эту потерю на счет неуловимого Сеньки Малого , одного из последних остяцких воинов, которого никак не могут взять ни живым, ни мертвым. Впрочем, это не имеет значения. Главное — вот на этом озере одолели красных, побили их, и они с кровавым хвостом рванулись к своему логову.

— Мы их побили, слышишь, Роман?! — повторила Матерь Детей, останавливаясь возле сына.

Сын не ответил.

Матерь, охваченная азартом охоты на ненавистный аэроплан, не сразу обратила внимание, что сын смертельно бледен и все неподвижно лежит на малице, крепко сжав грудь и бока скрещенными руками, словно сильно продрог и хотел таким образом согреться. Веки его были опущены и тоже неподвижны. Мать наклонилась над ним, как несколькими днями раньше над умирающей Анной, и, нежно взяв его обеими ладонями за щеки, тихо позвала:

— Ро-ман!.. Роман, ты слышишь меня?!

Сын медленно поднял веки. В его глазах уже не метались яростные живые огоньки. В них стояла смертная тоска, до дикой боли сжавшая материнское сердце.

— Тебе холодно? Давай малицу наденем!.. — в отчаянии прошептала Мать.

Она хотела поднять сына, чтобы вытащить из-под него малицу. Но его лицо исказилось такой болью, что мать тотчас же опустила его на снег. Сквозь пальцы его правой руки, сжимавшей бок, проступила кровь. «Нужно перевязать и укрыть его теплым!» — мелькнуло в голове Матери, и она уже собралась было бежать к нарте за тряпками для перевязки и теплой одеждой, но сын взглядом остановил ее. Он разлепил спекшиеся губы и, с трудом выталкивая слова, тихо спросил:

— Мама, а наш Верховный Отец возьмет меня к себе на Небесное кладбище?

И Мать, почувствовав, что ему нельзя перечить, торопливо, ибо спешила к нарте за теплыми вещами, без всякой задней мысли уверила его:

— Конечно возьмет. Он забирает туда воинов и всех лучших людей, кто не своей смертью уходит из жизни. Ты ведь знаешь об этом...

— А-а, хорошо... — выдохнул сын.

— Потерпи немного, — сказала Мать. — Я мигом — до нарты и обратно. Перевяжу — и тебе сразу же полегчает. Ну, потерпишь немного без меня?!

Лицо сына словно бы немного посветлело, а глазами он будто сказал «да».

Матерь тут же сорвалась с места. Глянула — а нарта уже возле противоположного берега озера. Вожак Угольный, прихрамывая на переднюю правую ногу, пытался увезти нарту с младшими детьми в прибрежный лес. Видно, осколком огненного камня перебило

вожжу, и раненый Угольный поспешил укрыться под соснами бора от назойливой железной птицы, больно бьющей горячим клювом. Но у берега огненный камень сразил правого пристяжного быка, Молочного. И теперь вожак уже не мог тянуть и нарту, и своего подбитого младшего брата и встал. «Вот умник, вот умник», — машинально отметила Матерь.

Она догнала упряжку, связала обрывки вожжи, быстро собрала тряпки для перевязки, схватила лебяжью ягушку-одеяло и, бегло оглядев младшеньких Савву и спустившуюся с нарты Марию — не задеты ли осколками, не нуждаются ли в помощи, — бросилась обратно к старшенькому Роману. Но она опоздала. Дыхание сына уже оборвалось. Из приоткрытых уголков рта стекала кровь, оставляя на щеках две черные полосы. Его болотно-зеленые глазабыли устремлены прямо вверх, на весеннее голубое небо, словно там он высматривал свое будущее Небесное пристанище, о котором спрашивал Мать перед самой кончиной. Туда и ушла душа старшенького Романа, пока Матерь бегала к нарте.

Матерь опустилась на землю у изголовья сына, закрыла ему веки, навечно отняв от его любознательной и озорно-болотной зелени глаз весь мир с последним ярким весенним днем, замотала его лицо и голову своим платком, завязала уголки под его подбородком. Потом натянула на него малицу, застегнула на нем ремень с ножнами на правом боку, сложила ему на груди руки, одетые в рукавицы.

Делая все это, Матерь глухо рыдала-приговаривала:

— Мой последний кормилец, мой последний защитник, мой последний воин, на кого ж ты нас оставил? На кого ж ты нас покинул? Куда ж я теперь с твоим неоперившимся братиком? Куда ж я теперь с твоей неоперившейся сестренкой? Как мы без тебя дорогу к дому най-

дем? Как мы без тебя эту дорогу одолеем? Кто ж нам рыбу озерную наловит? Кто ж нам рыбу речную добудет? Кто ж нам зверя-птицу принесет? Мой миленький ребеночек!.. Моя миленькая кровинушка!..

С этими рыданиями-причитаниями, все продолжая разговаривать с сыном, Матерь закидала комьями снега окровавленный наст дороги. Человеческую кровь не должны видеть ни Солнце, ни Луна, ни Небо и не должны клевать-крошить вместе со снегом ни глупые птицы, ни неразумные звери.

Потом она осторожно положила тело сына на шкуру, и шкуру волоком, тяжело потянула к берегу озера, в сосны, где она соорудит ему последнее земное пристанище. Она прошла мимо одинокой упряжки с хромым вожаком и убитым пристяжным, которых подбил-таки проклятый аэроплан. После, как в тумане, плохо соображая, но все делая так, как нужно, она машинально освободила от упряжи убитого Молочного. При этом отметила, что пристяжной принял на свой бок все осколки от огненного камня, прикрыл собою детей на нарте, спас их. Конечно, так вышло в силу обстоятельств, но Мать все равно благодарно провела рукой по остывающей морде старого оленя. Затем нарту на одном хромающем быке она притянула под сосны, где начала устраивать привал. Перевязала рану на ноге вожака Угольного, сняла с него лямку и поводком привязала его к сосенке на целине — пусть копает и достает себе ягель. Развела костер, повесила над ним чайник. Утоптала снег для лежанки, постелила туда сосновый лапник и шкуру. На шкуру поставила люльку с Саввой, а рядом посадила няньку — младшенькую Марию. Нужно накормить детей. А потом надо будет собрать в последний путь погибшего старшенького.

...Вечером, когда Матерь готовила для детей постель, Мария вдруг сказала:

— А меня железная птица тоже клюнула.

— Как?! Куда?! — изумилась Мать.

— Вот сюда, — и девочка показала на бедро.

— А почему сразу не сказала?!

— Не больно было.

Матерь осмотрела рану на бедре дочери, присыпала ее пеплом, забинтовала и немного успокоилась: рана оказалась неглубокой, и кровь на ней давно уже запеклась. Но под утро Матерь проснулась от стонов Марии.

— Что с тобой? — спросила Мать.

— Мне жарко, мама.

Матерь приложила руку к ее лбу. У девочки был жар.

— Только не вздумай болеть, доченька! — взмолилась Мать.

Она встала и, тяжело ступая, собирая сухие сосновые сучья для костра, сквозь наворачивающиеся слезы все вопрошала:

— Почему огненный камень красных мое тело не заберет?! Почему огненный камень красных мою душу не заберет?!

Но над ней было только безмолвное небо. А вокруг нее — только безмолвные снега.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Волчица-мать плакала беззвучно и без слез.

...В тот день аэроплану-лазутчику не повезло: не сбросил ни одного огненного камня, никого не убил, не напугал до смерти. Это уже был непорядок. И поэтому летун очень обрадовался, когда увидел внизу на поляне волчью семью. Война все перепутала и в человеческой, и в волчьей жизни. Теперь волчья семья выходила на охоту не только ночью, но, когда заставляла нужда, и днем.

Волчица-мать лежала на животе, подставив теплым лучам весеннего солнца голову, положенную на вытянутые передние лапы. Перед ее прикрытыми холодными глазами проплывали картинки этой зимы. Война хорошо кормила ее семью. То попадутся туши убитых в перестрелках оленей, то остатки еды на местах привалов и ночевок, то брошенные селения, где всегда есть чем поживиться. Красные не трогали волчью семью — не до волков было. А с хозяином этих земель почти всегда жили в ладу. Правда, волчица-мать иногда брала оленей из хозяйского стада, но ровно столько, сколько разрешал ей Верховный. Ибо пред тем, как взять оленя, на окраине пастбища она задирала голову к небу и просила добычу у Верховного. И если Тот разрешал — брала. Если нет — уходила ни с чем. Хозяин знал про это и не сердился. Не станешь же ссориться с Верховным из-за одного-двух оленей. Да и Он всегда знал, сколько полагается волчице-матери. И она знала меру — лишнего не просила. Но если начинала брать без разрешения Верховного, то хозяин сначала ничего не предпри-

нимал, терпел сколько-то времени, но потом наказывал ее род. Такими были отношения между хозяином и его четвероногой соседкой. Красное войско, кажется, придерживалось тех же традиций.

Но сейчас инстинкт подсказывал волчице-матери, что надо уходить на север, подальше от сытных снегов войны. В семье не могли понять, почему нужно покидать эти земли. Тем более что теперь никакой меры не надо придерживаться: все дозволено. Однако умная звериная матерь смутно ощущала, что существует очень тонкая, почти призрачная связь между двуногими и четвероногими. Если не стало хозяина, если он превратился в пустоту, в ничто, то наступает ее черед. И только уйдя на другие земли, к другому хозяину, можно спастись, потому что в хаосе и беспорядке нормальной жизни быть не может. Надо бы подняться, развернуться всем корпусом и медленно двинуться по протоптанной тропе, которая уводит прямо на север. И ее семья нехотя, с оглядкой на место пиршества поплетется за ней.

Волчица услышала гул железной птицы, но не придала этому значения. Не впервые она шумит над снегами-льдами. Эта птица охотится на двуногих. И волчица-мать все продолжала думать о том, как они пойдут на север. Не обратили внимания на аэроплан и волк-отец с детенышами, которые «прибирали» впадинку посреди болота, где завалили молодого бычка, подраненного шальной пулей и поэтому ставшего легкой добычей. Отец учил молодых, каким должно оставаться место пиршества. Верховный с неба все видит: плохо сделаешь — не будет удачи. Правда, теперь война все перепутала и в волчьей жизни: время охоты и время отдыха, ночь и день, утро и вечер.

Гул с северной стороны все нарастал и постепенно стал наполнять нутро волчицы-матери. Нужно было подняться, взглянуть на железную птицу, попытаться понять, что та задумала. Но картинки-видения так захватили волчицу, что она не почувствовала опасности.

А железный гул все набивался в ее нутро и как будто завораживал, сковывал волю, не давал шевельнуться. И наконец когда все ее нутро переполнилось, гул мгновенно сорвал ее с места и она четырежды скакнула в сторону южной тропы. Это ее и спасло. На пятом прыжке сзади грохнуло — и земля будто раскололась. Но она все продолжала огромными прыжками нестись на юг. И только когда тень железной птицы перегнала ее, она остановилась, перевела дух и оглянулась.

Волк-отец с сыном неслись по старому следу-тропе на север, в противоположную сторону. А над местом пиршества висело облако снежной пыли. Когда эта пелена, оседая, поредела, волчица увидела, что там зияет бездна.

Значит, двое ее детенышей канули в пустоту. Ее детеныши превратились в ничто.

Ее детеныши ушли в никуда, как и хозяин этих земель.

И Волчица-мать заплакала. Она села на снег, задрала голову к небу и завыла. Она выла протяжно и тоскливо, на одной долгой ноте. Так она оплакивала своих детенышей. Так она жаловалась Верховному на свою потерю, на свою судьбу.

А между тем железная птица, сделав разворот, пошла на новый заход. Два уцелевших волка неслись навстречу аэроплану, стараясь до его приближения укрыться в небольшом леске.

А волчица-мать все сидела неподвижно и плакала.

Но когда грохнули взрывы и гул особенно сильно стал давить на ее нутро, она медленно поднялась, повернулась в южную сторону и словно нехотя, по принуждению затрусила к ближнему лесу. Инстинкт самосохранения заставил ее сделать это. Когда она была уже на окраине бора, в мелком сосновом подросте, сзади ухнуло, и ее снежным вихрем занесло в глубь леса. Там ее накрыло снежным шквалом и пронесло то ли по Верхнему миру, то ли по Нижнему.

Сколько ее носило по этим мирам, она не представляла. Когда она открыла глаза, то увидела дорогу. Она пошевелила передними лапами. Они были целы. Но вся задняя часть туловища онемела, помертвела. И невозможно было дотянуться туда, чтобы зализать раны. Ее тело было присыпано снегом. Она чувствовала тяжесть снежных комьев. Нужно стряхнуть их с себя, избавиться от них. И чтобы не оказаться в леденеющей от весенних заморозков снежной берлоге, она с трудом выползла на нартовую колею.

Дорога сохранила запах человека.

Волчица лежала неподвижно на обледеневшей тверди и, прикрыв глаза, представляла страшную картину.

Волк-отец с сыном проваливаются в бездну.

Превращаются в пустоту.

Превращаются в ничто.

Но оплакивать их нет сил.

И голоса нет. Вместо плача она выдавила из себя только жалобный хрип.

Значит, на севере делать нечего. Значит, нужно идти туда, куда повернута голова. В полуденную сторону.

Дорога пахнет человеком. А ей нужен человек. Может быть, хозяйка. Может быть, их сын. Нужен человек с любым оружием: с ружьем, с копьем, с ножом или

с топором. Чутье безошибочно подсказывало ей: надо идти к человеку.

И волчица-мать поползла по дороге, пахнущей человеком.

Она ползла, когда зажигалась утренняя заря.

Она ползла, когда светило солнце.

Она ползла, когда угасала вечерняя заря.

Она ползла, когда на небо поднималась луна.

И наконец догнала человека, хозяйку, с сыном и собакой. Но женщина странно себя повела. Она не прикоснулась ни к ножу, ни к топору. Вместо этого она заговорила с непрошеной гостьей и затем поделилась едой, положив ее на дорогу. Увидев это, волчица-мать заплакала. Она ничего не могла понять. В этом мире все перевернулось... Кто перевернул? Когда?..

Волчица-мать плакала беззвучно и без слез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Настало утро, когда Матерь Детей не смогла подняться на ноги. Она лежала на спине у костра и смотрела на высокое весеннее небо, на восходящее золотистое солнце, на рыже-зеленые верхушки боровых сосен и не хотела смириться с мыслью, что пришел конец. Она закрыла глаза, крепко зажмурилась, и перед ее мысленным взором пронеслась череда событий последних дней, череда смертей. Муж, сын, девушка-ненка, старшенькая Анна, старшенький Роман, младшенькая Мария, мертвое селение, человек в лунке, распятый на дороге. Сколько безвинно погубленных жизней! Отца Детей со старшим сыном Галактионом она оправдывала. Ее правда состояла в том, что не остяки пошли убивать красных на их землях, в их собственных домах, в их городах и селах, а красные убивали остяков в их собственном доме, на их родной земле. А святое дело каждого мужчины и воина — защищать свою землю и свой дом. И пусть только Бог судит остяков, поднявших руку на пришлых красных...

Младшенькая Мария проболела совсем недолго и ушла из жизни ночью, тихо и спокойно, без плача и стонов. Мать проснулась, может быть, лишь мгновением позже. Будто кто-то, толкнув, спешно разбудил ее. Она открыла глаза, прислушалась к зловещей тишине и поняла, что они с Саввой-несмышленышем остались вдвоем.

Вслед за людьми красная крылатая машина отправила на тот свет беззаботного и веселого рыжего пса Хвост Крючком и быков-братьев Угольного и Молоч-

ного. Хозяином быков был старшенький Роман. Как это принято у всех хантов, олени распределялись между всеми членами семьи. На оленью удачу каждого. У одного растут, у другого нет. Еще во младенчестве Отец подарил Роману темношерстную красивую важенку* Высокий Рог. Она в первую же весну родила теленка, черненького, резвенького. По цвету шерсти и назвали его Угольным. В следующую весну Высокий Рог принесла второго малыша, со светло-коричневой шерсткой. Как только матери-оленихи начинали кормить его сверстников, он пристраивался рядом к свободному соску. Значит, любил молоко. Вот и стал Молочным. Через год их мать, Высокий Рог, после вольного выпаса не вернулась осенью домой. А братьев-быков обучили нарте, и они стали по оленьему возрасту степенными стариками: старшему было около восьми-девяти лет, младшему — семь-восемь. И вот вожак Угольный погиб от голода и раны, полученной при второй бомбежке. После ранения он не мог самостоятельно прокормить себя, не мог добраться до сладкого ягеля. Раненая передняя нога не работала, не разгребала снег, и нельзя было на нее опираться, чтобы левым копытом доставать корм. Матерь, зная, что без оленя станет совсем тяжко, из последних сил боролась за дыхание вожака, сама разгребала для него снег, но без лопаты это трудно было делать. Потом она стала подкармливать Угольного лишайником с деревьев. Но он был не таким сытным, как ягель. И в одно утро женщина обнаружила, что вожак как лежал в снежной яме на животе, изогнув шею, уткнув морду в левое предплечье, в свою теплую шубу, так и уснул вечным сном. С этого дня Матерь Детей, точнее теперь уже Матерь Дитяти, бросила нарту и впряглась в волокушу.

---

* Олениху. — *Примеч. ред.*

Вспоминая события прошедших дней, она тотчас же начала наполняться яростным злом. До хруста сжав челюсти, она открыла глаза и сказала Небу:

— Нет, не умру! Не умру!.. Назло красным!

Медленно повернулась на бок, потом на живот и, опираясь на локти, подползла к потухшему кострищу. Сдвинула в кучку вчерашние недогоревшие головешки и угольки, собрала в горсть сорванные ветром с деревьев кусочки лишайника и мелкие-мелкие веточки, осторожно, как большую ценность, сунула их в головешки и, вытащив спички из платяного нагрудного кармана под ягушкой, запалила с таким трудом собранную растопку. Влажный лишайник зашипел и лениво занялся огнем.

Костер нехотя разгорался. Струйки сизого дыма потянулись прямо в небо, обещая устойчивую ясную погоду.

Матерь Детей собрала в закопченную кружку кусочки потемневшего под весенним солнцем снега и вскипятила воду, а потом бросила туда три-четыре дольки чаги — чай уже давно закончился. Выпив кипятка, она немного приободрилась. Чага издавна, если ничего другого не было, заменяла чай. На вкус, правда, напиток горьковатый, но приятного цвета — оранжево-коричневого, здорового, лесного. После чагового чая она достала из-за пазухи куропачье крылышко с кусочком грудки с беличью головку, добычу Пойтэка, и сварила его все в той же закопченной кружке, которая теперь служила и чайником, и котлом. Она откусывала кусочек от грудки и, старательно разжевав, небольшими порциями вкладывала эту мясную жвачку в ротик маленькому Савве. Он глотал жвачку, почти не жуя. Матерь давала ему время от времени глотнуть из блюд-

ца бульон из крылышка. Савва сейчас очень смахивал на птенца в гнезде: проглотив пищу, он тотчас же разевал ротик, ждал следующую порцию. Когда грудка была съедена, Матерь дала ему несколько глотков чагового чая. После трапезы Савва вроде бы даже повеселел: заблестели его глубоко впавшие болотно-зеленые глазенки, и он довольно бодро сказал:

— Ням-ням-ням!..

— Ты что — еще хочешь есть? — удивилась Матерь.

— Ням, — повторил маленький Савва.

— На этот раз все, Савва, нет ням, терпи, — сказала Матерь. — У нас впереди еще длинный день...

Савва оглядел кострище, посветлев личиком, улыбнулся Пойтэку, как старому другу, откинулся на высокую спинку люльки и, наклонив головку к правому плечику, вдруг беззаботно запел:

— А-а-а-у-у-у-а-а-а...

Матерь лишилась дара речи. Она долго, широко раскрытыми глазами смотрела на младшенького сына, потом со слезами расцеловала своего несмышленыша, говоря радостно:

— Савва, миленький! Ты еще можешь петь?! Значит, мы с тобой не пропадем! Значит, еще поживем! А про ням-ням ты просто пошутил, да?

— А-а-а... — ответил Савва.

— Ай да Савва! Ай да шутник! Ведь твое сердце уже не клюет голод?

— У-у-у...

— Хорошо это. Сегодняшний день как-нибудь проживем. Правда, Савва?

— А-а-а...

— Мы выйдем к людям. Обязательно выйдем, Савва!..

— У-у-у...

Так, беседуя с сыном, Матерь распеленала его и заменила мокрые стружки в нижней люльке* на сухую оленью шерсть. Теперь она выстригала шерсть со шкуры-волокуши. Сделав это, Матерь облегченно вздохнула. С Саввой все в порядке. Вроде бы насытился, в люльке сухо, настроение у него бодрое. Теперь надо побыстрее собраться в дорогу.

Запеленав Савву, Матерь взялась за свои дела: не спеша обсосала косточки крылышка, вытянула из них самое ценное — тоненький костный мозг и все это запила остатками бульона. В желудке остро покалывало и время от времени урчало. Подержав двумя ладонями живот, она уняла боль.

Старик Пойтэк, лежа на краю шкуры-волокуши у ног хозяйки, изредка открывал один глаз и внимательно поглядывал на нее. Ждал своей доли. Женщина протянула ему две косточки. Он осторожно взял их одними губами, подержал немного и положил перед собою на снег, обнюхал и только после этого отправил в пасть и хрустнул ими.

— А ты, Пойтэк, кажется, сыт? — спросила хозяйка.

Услышав свое имя, пес слабо вильнул хвостом.

— Знаю, ночью ты на охоту ходил, — продолжала женщина. — Что-нибудь добыл?

Пойтэк широко разинул пасть и ответил:

— Ав-вав...

— Знаю, ты охотник удачливый, — говорила хозяйка. — Мышами и прочими мелкими зверюшками-птичками ты, конечно, напитался, ну, не досыта, но все же сердце немного обмягчил. Ты у нас с голоду не пропадешь.

---

* *Нижняя люлька* — берестяной вкладыш с загнутыми кверху тремя краями, куда кладется стружка или оленья шерсть, чтобы не промокало дно люльки.

Пойтэк встал и, изобразив на морде собачью улыбку, подошел к хозяйке и попытался лизнуть ее в лицо.

— Ах ты проказник, остальные косточки выпрашиваешь, — со смешком проговорила хозяйка. — Нет, тебе достаточно. А эта пища для Ползущей, для Высоконогой. У нее тоже сердце есть. Она тоже голодная. Совсем без куска ее нельзя оставлять, Пойтэк.

С этими словами женщина завязала оставшиеся косточки в уголок платка, искоса глянув на дорогу, где, прикрыв глаза, лежала раненая волчица, за ночь ползком догнавшая людей с собакой на этой стоянке. Она приползла рано поутру, когда только начало светать. У Пойтэка на холке вздыбилась шерсть, и он грозным лаем разбудил хозяйку. Женщина приподнялась на лежанке, внимательно посмотрела на незваную гостью. Она остановилась на границе, отделяющей животный мир от человеческого. Главное, не перешла эту невидимую линию, не нарушила ее. Стало быть, Высоконогая понимает, что можно, а чего нельзя. Хозяйка погладила старого Пойтэка по шее и, успокаивая его, унимая его злобно-азартную дрожь, сказала:

— Пойтэк, не трогай ее. У нее дела намного хуже, чем у нас!..

С этими словами Матерь опустилась на лежанку и задремала. Пойтэк перестал лаять. Но, сев на задние лапы, до самого восхода солнца недоверчиво поглядывал в сторону волчицы. Он не мог понять, почему хозяйка с таким сочувствием отнеслась к пришелице.

Сейчас, после разговора с Пойтэком, Матерь занялась своими ногами. Все прошедшие дни пронеслись как в кошмарном сне. Она билась только за одно — за жизнь детей. Как бы их защитить, как бы их спасти! О себе она напрочь позабыла: что ест, что пьет, во что одета, спит ли по ночам, бодрствует ли, оберегая сон

детей. И вот теперь обнаружила, что шершаво-острый, как нож, весенний наст давно протер подошвы ее кис, а утренние и вечерние заморозки обморозили пятки. Пятки отекли и посинели, и теперь ступить на них было невозможно. Но умирать она не собиралась. Вернее, она была готова принять смерть, но не сейчас, а немного позже, когда сделает еще несколько неотложных земных дел. Поэтому она принялась лечить свои пятки. Из дорожной мужской игольницы она вытащила самую толстую иголку и толстую нитку. Нитку со всех сторон, водя по бокам закопченной кружки-чайника, покрыла сажей. Иглу тоже смазала сажей. Потом, стиснув зубы, без единого оха и вздоха прошила большими стежками левую обмороженную пятку. После, сменив нитку на новую, со свежей сажей, то же самое проделала и с правой пяткой. По нитяным отверстиям стала сочиться кроваво-гнойная жидкость. Сейчас, должно быть, немного полегчает.

Так лечили обморожения когда-то в древности.

Обе нитки, которыми прошила пятки, женщина, свернув, отдала огню. Затем из шкуры-волокуши вырезала два куска и приспособила их вместо подошв, примотав к ногам матерчатыми завязками. Осторожно, опираясь на посошок, она встала. Выдержав несколько мгновений, опустилась на землю. Она поняла, что, клокочущим в груди гневом убивая боль в пятках, может идти небольшими шажками в сторону дома. Но одно дело нести себя, и совсем другое — тянуть волокушу с Саввой. Далеко не уйдешь. Но и сидеть на месте нельзя. Неоткуда ждать помощи. Все, кто мог бы помочь, покинули Средний мир. Надо идти.

Она поставила на шкуру-волокушу люльку с Саввой и сложила все остальные вещи: маленький топорик, ружье, дорожный мешок с посудой, какое-то тряпье и лег-

кую лебяжью ягушку с верхом из тонкого зеленого сукна. Все это перевязала веревками, пропущенными через дырочки по краям шкуры. Потом перекинула через плечо лямку волокуши, предварительно чуть удлинив ремень-тяж, и с обочины дороги, где было кострище и место ночлега, выползла на коленях на нартовую колею и осторожно вытянула туда шкуру, служившую теперь нартой. Остановилась, отдышалась, внимательным оком окинула стоянку — не позабыла ли чего нужного. Затем окликнула собаку:

— Пойтэк.

Старик Пойтэк еще не вышел на дорогу. Он стоял у кострища и смотрел на хозяйку.

— Пойтэк, иди, — сказала хозяйка. — Впереди иди.

Пойтэк вильнул хвостом, подтвердив этим, что понял хозяйку, не спеша, как бы нехотя, вышел на зимник, прошел вперед и остановился.

Хозяйка махнула рукой и повторила:

— Пойтэк, впереди иди, зверя ищи!..

Пойтэк снова слабо вильнул хвостом и двинулся по дороге. Пройдя немного, он оглянулся и, увидев, что хозяйка еще не тронулась с места, вновь остановился, поджидая ее.

Женщина развязала уголок платка и положила на обочину оставшиеся косточки от куропачьего крылышка. Немного подумав, она достала нож и от края шкуры-волокуши срезала две неширокие полоски, которые прибавила к косточкам. Это была шкура довольно упитанного бычка, забитого уже в весеннюю половину зимы. На мездре кое-где остались кусочки жира. Поэтому шкура была вполне съедобная для голодного.

Женщина повернулась к Ползущей. Она лежала посреди дороги на расстоянии полутора-двух арканов*

---

* *Аркан* — лассо для ловли оленей длиной до 20–25 метров.

и, подставив солнцу белесую морду, приоткрыв желтеющие щелки глаз, настороженно наблюдала за человеком. Женщина сказала:

— Вот, Ползущая, свое сердце немного обмягчи. Больше этого дать не можем... Мы сами тоже почти ничего не едим... — Помолчала, потом добавила: — Ну, мы пошли домой...

Однако и после этих слов Матерь Детей не сдвинулась с места. Что-то удерживало ее. И, помолчав, поразмыслив, она сказала волчице еще несколько слов:

— Я не знаю, куда ты пойдешь, куда тебя наш Верховный Отец направит... Но ты сама знаешь, что не мы виноваты в твоей беде!

И, поправив на плече лямку, потянув шкуру-волокушу с последним ребенком, не оглядываясь, на четвереньках поползла в сторону родного дома.

Пойтэк, ревниво наблюдавший за хозяйкой, повернулся и затрусил вперед по зимнику.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пойтэк был не просто умным, а мудрым псом. Когда не осталось ни крошки еды, он принес в зубах куропатку. Где и как он добыл птицу, осталось тайной. Но сейчас главным для Матери Детей было заполучить его добычу. Еще издали заметив старого пса-охотника, хозяйка ласково позвала его:

— Пойтэк, кац-кац-кац!..

Он шел медленно, часто останавливаясь, словно бы нехотя, словно бы раздумывая, стоит ли поделиться с людьми своей добычей. Понимала это и Матерь Детей. Она знала, что Пойтэк был не настолько голоден, чтобы прямо в лесу, на месте поимки, разодрать и съесть куропатку, но и не настолько сыт, чтобы вот так просто отдать свою пищу. И она еще более ласковым голосом продолжала подзывать его:

— Пойтэк-Пойтэк! Кац-кац-кац!.. Кац, Пойтэк! Кац-кац-кац!..

Но Пойтэк не был простаком. Он понимал, для чего так настойчиво его подзывают. Он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Навострил короткие округлые ушки и слабо вильнул белым пушистым хвостом, давая понять, что слышит хозяйку. А та пустилась на хитрость, прикинулась, будто интересуется только удачной охотой Пойтэка:

— Покажи, кого ты там добыл? Покажи, какую птицу ты поймал?

Пойтэк повернул голову назад, показывая, где он охотился. Потом прилег на дорогу и, опустив тушку птицы

на снег, принялся слизывать льдинки с подушечек передних лап. Делал он это с таким видом, будто ничего более важного для него на свете не существует. Ведь лапы носят и кормят его и поэтому требуют особого ухода. Сегодня не почистишь их, ранки не зализешь — завтра не встанешь, на охоту не пойдешь. Значит, можешь остаться голодным. Голод — это смерть. Стало быть, здоровые лапы — это жизнь. И Пойтэк отлично это понимал.

Матерь Детей пошла на новую хитрость. Она отвернулась от Пойтэка, наклонила голову, приспустила платок на лоб и сделала вид, будто напрочь забыла про удачливого пса-охотника, будто его и не было с куропаткой в зубах. Это должно было задеть самолюбие старика. Как же так?! Неужели хозяйка позабыла о нем?! Быть того не может! Конечно же, на самом деле хозяйка думала только о старом псе. Она знала, что коль уж он принес свою добычу, то вряд ли слопает у хозяев на глазах или убежит с ней обратно в лес. Хотя кто предугадает, какими тропами собачий ум ходит, куда он может повернуть. Поэтому лучше пока его не трогать. Пусть привыкает к мысли, что нужно поделиться с хозяйкой и маленьким хозяином.

И вспомнился женщине тот год, когда родился Пойтэк. А родился он в год Жестокой Зимы, в самые сильные срединнозимние морозы. В помете было пять или шесть щенков. Все они замерзли, кроме одного.

В тот вечер, покормив собак, хозяйка задержалась у конуры Пойтэковой матери, оленегонной лайки Соснэ. Та, дрожа от холода, жадно глотала пищу. Хозяйка поняла, что собака обрадовалась не столько ужину, сколько теплу. В холода всегда хорошо нагревали «собачий котел». Под ногами матери, на травяной под-

стилке копошился и едва слышно попискивал беленький комочек, последний щенок. Матерь Детей постояла в раздумье: не взять ли щенка в дом? Выживет ли в такой мороз?.. Вообще-то для собак были свои правила. С самого рождения собаки должны были жить собачьей жизнью. В человеческом доме их никогда не держали и к теплу не приучали. Если начинаешь держать в людском доме, значит, как бы очеловечиваешь их. Стало быть, они должны тогда жить по человеческим правилам. А так не годится. У них свой дом, своя пища, своя тропа. Сам Верховный определил им такую жизнь. У них, у каждой, своя судьба, у всех разная. И наверное, их судьбы могут быть не менее счастливыми, чем у людей. Кому что предначертано свыше. И жизнь этого белого комочка, как и всякой живности, тоже в руках Верховного. Как Он решит, так тому и быть...

С такими мыслями в тот лунный морозный вечер Матерь Детей вернулась в дом и, надеясь на советы домашних, рассказала о последнем щенке. Потом, ни к кому не обращаясь, проговорила в раздумье: «Может, в дом его взять...»

Хозяин, Отец Детей, молча выслушал ее и ничего не сказал. Это значило: решай сама, как считаешь нужным, так и делай. И Матерь Детей взялась за шитье, отвлеклась от мыслей о белом комочке, словно забылась на время. Жизнь в доме текла своим чередом. Вечерний чай, колыбельная песенка для доченьки Анны, снова шитье. И вдруг будто кто-то слегка подтолкнул Матерь: помнишь ли? Не забыла ли? Она вздрогнула от неожиданности. Остановила иголку, немного посидела неподвижно, затем не спеша отложила шитье и вышла на улицу. Вдохнув колючий воздух, остановилась у сенных дверей.

От луны было светло как днем. Мороз гулко протыкал «пузыри» деревьев*. Изредка с хрустом отваливались ветви сосен. Со звоном оседали на снег лунные куржинки.

Мать щенка, собака Соснэ, звякнув цепью, негромко затявкала, словно подзывала хозяйку: подойди, посмотри, что тут с нами происходит!..

Матерь Детей подошла к конуре.

Новорожденный щенок, белый комочек, едва различимый на подлунном снегу, повизгивая, пробирался по тропинке в сторону дома то шагом, то ползком. Он еще совсем неуверенно держался на дрожащих ножках. Делал несколько шажков, на неровностях тропы спотыкался и плюхался на брюхо. Тоненько поскуливая, царапая утоптанный наст еще не отвердевшими коготками, чуть проползал вперед на животе, потом с трудом поднимался и начинал семенить к дому. Падал. Барахтался на месте. Если переворачивался на бок или спинку, то сучил лапками, как человеческое дитя. Довольно шустро пытался вскочить. Наконец вновь поднимался. Бежал. Неуклюже, почти на одном месте, но настойчиво, целеустремленно. При этом радостно повизгивал. Опять же как ребенок. Он был почти невидимкой на снегу под призрачным лунным светом. И только мечущаяся туда-сюда черная пуговичка кончика носа и тоненький голосок выдавали живое существо.

Женщина остановилась возле собачьего дома. Соснэ, потянувшись вслед за своим дитем и брякнув цепью, опять взлаяла, как бы пожаловалась хозяйке: «Смотри, убегает мой сынок!» — «А ты куда смотрела?» — уко-

---

* В представлении остяков деревья — это живые жители леса, и, как и рыбы, они имеют пузыри, в которых скапливается влага. В сильные морозы влага превращается в лед и с хлопком разрывает структуру дерева.

ризненно спросила хозяйка. Соснэ потупила умные глаза, опустила взор к снегу, потом виновато ответила: «Да вот... не усмотрела!» — «Упустила?» — «Да... вот!» — «Ну так я заберу беглеца в дом?» — «Да... так!» — «В тепле будет...» — «Да... ав-вав!» — «Не пропадет...» — «Авв-вавв!..» — протяжно, вильнув хвостом, ответила Соснэ. — «Как только потеплеет, он вернется», — сказала хозяйка. — «Авв...» — «В твой дом». — «Авв-вавв!» — согласилась собака.

Разговаривали, конечно, на разных языках. Женщина — на человеческом, собака — на собачьем. Но Матерь Детей все слова переводила на родной язык, понимала все, что «говорила» собеседница. Да и как не понять, если с рождения, изо дня в день, кормила и поила Соснэ.

Между тем щенок, падая, кувыркаясь, настойчиво полз в сторону людского дома.

«Ну, мы пошли...» — сказала женщина. С этими словами она подняла щенка и направилась в дом.

Чудеса да и только, размышляла она, плывя по лунной дорожке, ведущей к сеням. Чудеса! Кто направил неразумного детеныша к человеческому жилищу?! Кто оторвал его от теплого материнского бока?! Неужели инстинкт самосохранения подтолкнул малыша на поиски человеческого тепла? Но это почти невероятно. Слишком мало он еще пожил на земле... А возможно, умная и все понимающая Соснэ сама, взяв сыночка зубами за шкирку, поставила его на тропинку и подтолкнула носом в сторону хозяйского дома, чтобы спасти последнее дитя. Мол, иди, ползи к спасительному теплу, цепляйся еще не окрепшими коготками за белый свет, за земную жизнь. Но в это тоже поверить трудно. Собака все же не человек, чтобы думать о будущем...

Это так и осталось загадкой для Матери Детей. Вплоть до сегодняшнего дня.

Женщина шла к дому с теплым пушистым комочком в руках и не только спиной, а всем телом ощущала взгляд собаки, которая пристально, не отрываясь, смотрела вслед человеку. И когда хозяйка уже подходила к сеням зимнего дома, Соснэ неожиданно взлаяла так протяжно, так жалобно, будто со стоном заплакала: «У-у-ув-вув-вув-ву-у-у!..»

У женщины дрогнуло сердце, она поняла жалобу собаки: «Может, оставишь мне сыночка?..» Она остановилась и, унимая застучавшее сердце, глубоко вздохнула, потом, медленно обернувшись, негромким, но твердым голосом приказала: «Кэча, Соснэ!.. Кэча!.. — И, помолчав, тихо спросила: — Что с тобой случилось?.. — Опять помолчала, потом добавила: — Он же вернется к тебе...»

Соснэ слабо вильнула хвостом, брякнула цепью, присела на задние лапы и, впившись немигающими глазами в хозяйку с ее сыночком в руках, навострив чуткие острые уши, под призрачным лунным светом застыла белым истуканом. Ее материнскую душу одолевали недобрые предчувствия и терзала черная тоска.

Женщина быстро открыла промерзшие двери.

Так Пойтэк впервые попал в человеческий дом. Сначала у него не было имени. Звали его просто Парнишка, Сыночек Соснэ, Собаки Дитя. Он был весь белый, ни одной черной шерстинки, потому и получил имя Пойтэк, что значит «куропатка». Был он, как всякий ребенок, очень забавным и любопытным. Отогревшись и окрепнув, он по-хозяйски обошел всю переднюю часть дома, проверил и обнюхал оба нижних угла*. Словно же-

---

* Нижними называются два ближних к выходу угла дома.

лая поближе познакомиться, подходил к людям, терся о ноги, иногда ненавязчиво взвизгивал, просил внимания. Всем домочадцам он понравился. Но когда холода пошли на убыль, его отвели на улицу, в собачий домик. Ибо в семье придерживались веками сложившихся правил: человеку — человечье, собаке — собачье. Так в первый и в последний раз Пойтэк пожил в человеческом доме.

Со временем он стал степенным оленегонным псом. Делал свое дело обстоятельно, без суеты, не по-собачьи разумно. Понимал хозяина без слов: по едва уловимому движению руки, кончика носа или глаз, не говоря уже об интонации голоса. И конечно, никого, кроме хозяина, не признавал и никого не слушался. За такую преданность Пойтэку многое прощалось, особенно в последние годы. Разозлившись, он мог наказать, укусив за ляжку, убегающего от стада оленя. А весной и в начале лета, когда отелившиеся важенки становились непослушными, Пойтэк, бывало, в ярости от бесконечной беготни и усталости хватал олененка за горло и мигом валил на землю. Обычно за такие грехи псы бывали биты. Но Пойтэку все сходило с рук. Точнее, с лап. Он знал себе цену. За хорошую оленегонную лайку могли отдать не одного оленя. А Пойтэк, если того требовали обстоятельства, за стадо стоял насмерть пред крылатой ли птицей, пред четвероногим ли зверем, пред двуногим ли существом.

С возрастом Пойтэк становился все менее резвым. У него стали побаливать суставы лап. Полдня он еще мог топтаться возле стада, а потом потихоньку удалялся в укромное местечко, под грузовую нарту или на кем-то брошенный кумыш и, подремывая, наблюдал, как молодые и шумливые собратья сбивали оленей в стадо. Все понимали, что он уже отработал свое, но настолько

к нему привыкли, что не представляли жизнь селения без него.

Еще в первый год жизни он на удивление быстро усвоил многие житейские истины. Конечно же, после хозяина главным человеком в доме являлась Матерь Детей, кормилица. Услышав ее шаги, он выходил из конуры и, потягиваясь и помахивая хвостом, ластился к хозяйке. Разве можно не слушаться того, кто с рождения, изо дня в день, из года в год кормит и поит тебя?!

Сейчас, облизав лапы, полечив ранки на них, старик Пойтэк встал и наконец отошел от тушки куропатки. Матерь Детей тотчас же подобрала птицу, ощипала, разделала и поделила на четыре порции. Затем в единственной кружке поставила варить на огонь четвертинку куропатки. Делая все это, она бодро говорила своему малышу:

— Ну, Савва, с таким удачливым охотником, как Пойтэк, мы с тобой не пропадем!..

— Ням-ням, — сказал мальчик.

— Потерпи, сейчас будет тебе ням-ням, — ответила Мать. — Вместо белой водицы ты сегодня получишь сытный бульон. — Она помолчала, потом повторила: — С мудрым Пойтэком мы не пропадем.

А старик Пойтэк неподвижным пнем уселся у костра и, втягивая в себя запах кипящей в кружке куропатины, как всякий охотник, вернувшийся с добычей, ожидал своей доли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Матерь все ползла. Ползла днем и ночью. И пришло время, когда Савва стал плакать безутешно.

Матерь сменила ему в люльке мокрое сиденье из остриженной шерсти. Вместо мягких березовых стружек, которые давно уже кончились, она настригла в нижнюю подкуженьку люльки теплую оленью шерсть со своей ягушки. Теперь она напоминала утицу, которая срывает пух со своей грудки и устилает им гнездо, чтобы кладка не вымерзла в заморозки, чтобы благополучно вылупились и выжили все ее птенцы. Раньше Мать настригала подстилку со шкуры-амдера, но теперь та стала влажной от тающего снега. А ребенку нужно сухое сиденье.

Но Савва все равно продолжал хныкать.

Может быть, он хочет пить? Матерь набрала в рот снега, шевеля языком, растопила его и изо рта в рот попыталась напоить сыночка теплой водицей. Но он сделал всего несколько глотков и отказался пить. Значит, его мучает не жажда. Водой нельзя заменить пищу. Матерь знала, что он хочет есть. А есть нечего. Молоко у нее давно пропало, то ли после гибели старшенькой Анны, то ли после второй бомбежки и гибели сына Романа, то ли после смерти доченьки Марии. А может, после того, как она увидела распятого на дороге или мертвое селение.

Чем накормить Савву? Как поддержать его дыхание? Жвачкой из шкуры его не накормишь. Развести костер и сварить бульон из той же шкуры просто не хватит сил — ведь чтобы получился хороший огонь, надо собрать

дрова. Савве нужна теплая и питательная еда. Есть, правда, еще Пойтэк... Но на него рука не поднимется. Да и не справиться с ним ослабевшей женщине. Что же делать? Что делать? Но выход должен быть. Иначе плач малыша разорвет сердце Матери.

Она лежала лицом вниз и слушала жалобный и тихий плач Саввы. Потом подняла голову, сняла рукавицы, ибо голыми руками легче цепляться за бугорки и кочки на дороге, и снова поползла вперед, яростно цепляясь за все, за что можно ухватиться. Ползла, помогая себе и ногами, и руками. Она понимала, что чем раньше придет к людям, тем больше шансов спасти Савву.

На обледеневшей кочке Мать больно оцарапала ребро правой ладони. Невольно, унимая боль, она приложила пораненное место ко рту и почувствовала теплый и солоноватый привкус крови. «В ней еще осталась теплая кровь», — подумала она о себе в третьем лице. Кровь? Теплая?..

Она закрыла глаза. Кровь напомнила ей сказку про большую птицу Карс, которая в древние времена жила на этой земле. Герой сказки как-то уговорил птицу Карс, чтобы та быстро отвезла его куда-то далеко. Карс согласилась, но с одним условием: в полете ее нужно постоянно подкармливать мясом, иначе она не выдержит человеческой тяжести и они рухнут на землю. Человек взял в дорогу мяса, сел на птицу и полетел. Летят высоко, под облаками. Как только Карс попросит мяса, седок дает ей кусок. Летели-летели, и наконец мясо закончилось. А тут Карс снова просит пищи. Что делать? Не падать же на землю! Не разбиваться же вдребезги!.. И тут человек схватил нож, отрезал икру сначала от одной ноги, потом от другой — подал птице. Прилетели на место, приземлились. Тут Карс и спрашивает человека: «Два последних куска были со странным привку-

сом. Что за мясо ты мне дал?» Человек отвечает: «Это было мое мясо. Когда все запасы кончились, я отрезал свои икры». Карс посмотрела на своего седока и выплюнула два последних куска. Человек приложил их к своим ногам, и они сразу же приросли на свои места. Так человек спас себя и птицу.

Матерь Детей оторвала руку ото рта, взглянула на рану. Кровь почти перестала сочиться. Не отрывая взгляда, она все смотрела на царапину на ребре ладони. Через несколько мгновений там выступили красные капельки.

Теперь она знала, что делать...

Она села, подтянула к себе волокушу с Саввой. Личико его осунулось и покрылось тоненькими, как ниточки, едва заметными морщинками, хотя на весеннем солнце слегка загорело и обветрилось. Он напоминал маленького сморщенного старичка с древним, потемневшим от смутных времен, ликом. Мать развязала тесемки ягушки от шеи до пояса, медленно вытащила правую грудь, а из берестяных ножен на правом боку достала поясной нож. Посидев мгновение неподвижно, словно в оцепенении, острием лезвия надрезала грудь и, когда засочилась кровь, прижала к себе сыночка и дала ему кровоточащую грудь.

С неба кротко смотрело на нее печальное Солнце.

Савва перестал хныкать. Посопел носиком, а потом задремал.

А Матерь подобрала с обочины дороги пожухлый коричневый листок березы, смочила его слюной и заклеила ранку на груди. Затем завязала тесемки ягушки, пожевала кусочек от шкуры и вновь, опустившись на четвереньки, поползла в сторону дома. Теперь она знала, что, пока в ее жилах течет кровь, Савва будет жить. А это самое главное. Это придало ей новые силы.

Ползла она днем и ночью. Не очень разбирая и понимая, сколько времени прошло, когда день сменяется ночью, а ночь днем. Лишь о Савве ни на мгновение не забывала. Как только он подавал голос, она меняла ему подстилку, поила и кормила. И он впадал то ли в дрему, то ли в сон. Словом, переставал плакать.

Она ползла и с благодарностью вспоминала про птицу Карс, которая надоумила, как спасти малыша. По словам стариков, Карс смахивала на орла. Только она намного крупнее и сильнее. Эта птица долго жила на земле остяков. Возможно, Карс и сейчас жила бы здесь, да в глубокой древности однажды с ней приключилось несчастье. Рассказывают, летела она, увидела бегущих оленей и напала на них, хотела закогтить добычу. А олени везли упряжку, в которой ехал человек. Увидев, что на его оленей нацелилась огромная птица, путник поднял хорей толстым концом вверх, где укреплен кованый тяжелый наконечник. И, когда птица спустилась совсем низко, человек железным наконечником перебил ей крыло, подстегнул оленей и уехал. Говорят, человек-то этот обладал шаманской силой. А Карс осталась на дороге с перебитым крылом. Ходит, взлететь не может... Некоторое время спустя по этой дороге ехал другой человек. Смотрит, огромная птица на дороге — ни объехать, ни обойти. Человек, озадаченный видом птицы, остановил свою упряжку. Размышляет, что делать. Назад, что ли, повернуть? Тут человек видит, что Карс на свое перебитое крыло показывает. Мол, подъезжай, помоги мне. Делать нечего, человек подъехал ближе. Осмотрев перелом, с двух сторон приложил дощечки и перевязал крыло. Карс разбежалась и взлетела. Дело было то ли на озере, то ли на чистом болоте. Человек поехал дальше по своим делам. Потом вернулся домой. Дома, конечно,

рассказал о том, что с ним приключилось в пути. Прошло около года. Однажды смотрит человек и видит, что к его селению подлетает птица Карс с добычей. В когтях одной лапы держит медведя, в когтях другой — лося. Опустила их на землю возле дома — так отблагодарила своего спасителя. Потом Карс навсегда покинула эти земли, улетела в другие края, в другие страны. Больше ее здесь никто не видел. Такую историю рассказывают про птицу Карс.

Матерь Детей вспоминала про Карс, как только малыш Савва подавал голос.

Она все упорно ползла. В полдень яркое мартовское солнце стояло почти над головой и животворными лучами тянуло ее к себе. И ей казалось, что при полуденном солнце она ползет быстрее, что волокуша с ребенком становится легче. И это вселяло надежду, что она обязательно доберется до людей, что ее последний ребеночек выживет.

Солнце помогало.

Солнце прибавляло силы.

Солнце притягивало к себе.

И она ползла и молилась Солнышку-матушке. Ведь Солнце было матерью всех земных людей. Солнце было богиней. А богине можно молиться, с богиней можно поговорить.

Когда Солнце скрывалось за горизонтом, она молилась и другим богиням. Часто она разговаривала и просила силы у покровительницы родной реки, Агана. Ведь она совсем близко. Ее земной дом и священные земли и воды расположились почти по соседству с родным селением Матери Детей.

Ночью она призывала на помощь Месяца-старика. Он тоже был богом. Во всех молитвах его связывали с Солнцем, подразумевая, что они муж и жена. Обраща-

ясь к ним, говорили: «Месяц-с-Солнцем (или Солнце-с-Месяцем), взор свой на землю, на нас обратите». Сейчас Матерь посылала мысль-молитву: «Месяц-старик, со своей высоты на меня взгляни, силы мне дай и дух мой укрепи, до человеческого жилья добраться помоги!» Месяц, из-за тучек то открывая, то закрывая половину своего лица, размышлял. Но женщина чувствовала, что он не оставит ее в беде.

Просыпался Савва, начинал плакать. Матерь садилась, привлекала его к себе, развязывала тесемки ягушки и отклеивала березовый лист на ранке на груди. После этого малыш переставал хныкать: то ли засыпал сразу, то ли впадал в забытье.

Когда на обочинах зимника появились старые, занесенные снегом копаницы, Матерь поняла, что селение должно быть где-то близко. Вдруг силы покинут ее на подступах к человеческому жилью? Обидно будет... Теперь, наверное, нужно доверить судьбу малыша Саввы старому Пойтэку. Один он не уйдет, не бросит хозяев. А вот с маленьким хозяином старик-пес пойдет и намного быстрее доберется до человеческого очага. Единственное, что требуется, так это хорошо закрепить люльку с мальчиком на шкуре-волокуше, чтобы она не выпала в пути, не потерялась.

Матерь, поразмыслив, села посреди дороги, притянула к себе волокушу с ребенком, потом позвала старика Пойтэка.

Пойтэк подошел и, словно почувствовав всю важность возлагаемого на него поручения, взмахнул хвостом и радостно гавкнул:

— Ав-вав!

— Все-то ты понимаешь! — удивилась хозяйка.

И она молча погладила его по приветливой морде.

А Савва уже не плакал. Он впал в дрему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пленница, казалось, равнодушно дожидалась своей участи. И когда пришел скособоченный помощник главаря красных, открыл ее каморку в какой-то отдельной пристройке фактории и крикнул: «Безымянная, на выход», она продолжала сидеть, безучастно уставившись в одну точку на стене. Ушлый Лодька Мингалев молча ощупал ее замороженно-холодными глазками — цела ли, невредима ли, — выдержал паузу, потом повторил: «Выходи, к командиру пойдешь». И тронул ее за плечо. Она невидящим взором, словно возвращаясь из другого мира, взглянула на него, еще несколько мгновений посидела неподвижно, потом медленно поднялась.

Командир в жарко натопленном доме сидел за столом в исподнем. Когда привели пленницу, его широкое мясистое лицо расплылось в улыбке и он ласково, насколько позволял его грубый голос, сказал:

— А, Безымянная, садись! Сейчас чайку попьем да поговорим! Может, что интересное вспомним!..

Он сделал знак помощнику, и тот, шаркнув ногой, вышел.

Вместо чая он налил в кружку спирта, разбавил его водой и пододвинул к девушке.

— Пей, — сказал он. — Согрейся. Поди не в таких теплых хоромах тебя держат. — И обвел взглядом свое жарко натопленное жилище.

Себе он тоже плеснул в кружку из солдатской фляжки и, не разбавляя, выпил залпом. Потом он двумя руками взял большой мясистый мослак с блюда на столе

и, отрывая зубами, начал смачно жевать и глотать куски. Сейчас он горой возвышался над столом и поэтому напомнил девушке исполина мэнква из остяцких сказок. Мэнквы, как гласят предания, — полулюди-полузвери, жившие в древние времена в лесах. Эти существа были многоголовы, но при этом соображали туговато — даже дети довольно легко могли перехитрить их в житейских делах. Но отличались эти твари злобным нравом и в ярости сокрушали все на своем пути. Попадая же в нужду, а то и просто из потехи, часто становились людоедами. Словом, более страшного существа в народных сказаниях не встречалось.

Отложив мослак, командир-главарь хозяйским жестом показал на стол, заставленный блюдами с мясной и рыбной пищей, сказал:

— Выпей и поешь. Поди, не такой пищей тебя там потчуют.

Девушка молчала. Она была голодна, но к еде не притронулась. Огонь ненависти был сильнее голода.

Подняв глаза на девушку, главарь спросил:

— Теперь-то поди без ножа пришла? Передумала меня убивать? — Помолчал, потом продолжил: — Глупая девчонка... Меня белогвардейская шрапнель не скосила, казацкая сабля не зарубила, колчаковская контрразведка не сломала, крестьяно-бандитская пуля не взяла... А ты меня каким-то паршивым ножичком хотела загубить!.. Хо-хо!.. — Он коротко хохотнул, но тут же оборвал смех и, построжев лицом, задал свой главный вопрос: — Где полковник?

Девушка не ответила.

А полковник знал свое дело. По поступающим донесениям, вокруг большого села Полноват, что стоит на правом берегу Малой Оби, возле устья Казыма, в урманах, дремучих хвойных лесах вдоль болот, формируют-

ся отряды обских остяков, готовых выступить по первому сигналу от казымских мятежников. Чухновский понимал: если они пойдут на помощь повстанцам со стороны низовья реки, придется воевать на два фронта. А для этого нет ни боеприпасов, ни людских ресурсов, ни возможности маневрировать. Тогда уж не только одним месяцем, как он вначале предполагал, но и одним сезоном не обойтись, а то и вовсе разобьют наголову. И аэропланы не помогут, ибо они не транспортные и не грузовые. Они летают лишь на разведку и при надобности бомбят связками гранат. Больше ни на что не годятся. Поэтому как можно скорее нужно взять полковника, пока он не успел дернуть за ниточку — поднять отряды полноватцев.

Вести поступали тревожные. В самом конце 1933 года в Ларьякском районе, на восточной границе округа, поднял мятеж князь Шатин, фактический хозяин села Толька, расположенного в шестистах километрах от райцентра. События там развивались так же, как и на Казыме. Первый отряд, сформированный в районе для подавления восстания, потерпел неудачу в самом начале похода. Руководитель отряда, начальник райотдела милиции Перевалов, был убит из боевой винтовки-трехлинейки. Стало быть, мятежники хорошо вооружены. Против них снарядили второй, объединенный отряд из сотрудников ГПУ и милиции из окружного и районного центров.

Второй поход тоже не принес желаемых для властей результатов. Князь Шатин с ближайшим окружением скрылся в красноярской тайге, остальных участников восстания рассеяли по Толькинской тундре. Отряд вернулся с тремя пленными, включая брата князя Шатина, которых сразу же судили и приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

На ваховских землях было неспокойно. Активно велась антисоветская пропаганда. Возможно, и там приложил руку неуловимый полковник. Хоть и далековато отсюда, от Казыма, но кто знает, на что он способен. Чухновский понимал: если поднимется большая река Вах, его войско надолго застрянет здесь, в таежно-тундровых дебрях Остяко-Вогульского края. И сейчас он все нажимал на девушку-пленницу:

— Отдашь полковника — на все четыре стороны отпущу. Сразу. И упряжку дам. Улетишь, куда захочешь. Клянусь!.. — Он замолк на мгновение. Потом, видно, вспомнил, что остяки обычно клянутся самым дорогим. Поэтому брякнул: — Отпущу. Товарищем Сталиным клянусь!

Но, услышав неожиданно сорвавшееся с уст имя вождя, командир вздрогнул, замолк и встревоженным взглядом обвел дом. Было тихо. За окном темная ночь. А в избе, кроме пленницы, никого. Он быстро налил себе спирта, выпил, деловито крякнул и, кажется, только после этого немного успокоился. Конечно, сам понимал, что перегнул. Клятва на войне ничего не стоит, если с ее помощью можно решить военную задачу, добиться своей цели. Вот и председателя Казымского туземного совета Прокопия Спиридонова он убедил, чтобы тот приложил все свои силы и влияние, использовал свой авторитет и не дал выступить полноватским отрядам обских остяков у себя в тылу, пообещав им от имени красного командира Чухновского, что в этом случае с их головы ни один волос не упадет. Он, Чухновский, пока еще не ведал, что, разбив восставших казымцев, частью рассеяв их по Надымской тундре и Водоразделу, на обратном пути в Березов завернет в Полноват, произведет аресты среди жителей, не примкнувших к повстанцам, и вывезет их на суд в Остяко-Вогульск как мятеж-

ников и врагов Советской власти. А Прокопия Спиридонова обвинят в пособничестве восставшим и приговорят к смертной казни, а сразу после окончания суда вместе с сыновьями забьют до смерти в камере предварительного заключения. Он же, красный командир, будет оправдывать себя тем, что изменилась ситуация. В Гражданскую войну, когда приходилось особенно трудно, обстоятельства заставляли всячески выворачиваться, и понятия «честь» и «совесть» притупились, исчезли, растворились в крови и грязи междоусобной бойни по всей огромной России. Чухновский знал, что и здесь, на Севере, Гражданская завершалась клятвоотступничеством победителей. В верховье Сосьвы, в селе Саранпауль, поверив обещаниям, что всем сохранят жизнь, сдался отряд последнего белого офицера Туркова. Но как только побежденные сложили оружие, их всех расстреляли там же, на том же месте, в том же селе. Победителей никогда не судят, ибо они сами становятся судьями.

Наконец, совсем успокоившись, командир-главарь обрел голос и снова заговорил:

— Полковник ведь не из ваших. Он русский, из белых. Чего жалеть его? Все равно от вас уйдет когда-нибудь. Не будет же тут вечно сидеть, смутьян. Это он взбаламутил народ. Без него жили бы спокойно. Видишь, сколько он бед вам принес. Восстание устроил. Войну начал... Думаю, народ-то ведь любит красных, любит советскую народную власть... — Он помолчал, потом добавил философски: — А коль не любит — так полюбит. Ведь жить-то надо!..

После паузы он сказал:

— Отдашь полковника — мы тоже уйдем ко всем чертям. Уйдет войско.

Чуть позже в сердцах, как бы про себя, выдал:

— Осточертело все!

Девушка молча слушала.

— Хоть себя пожалей, — продолжал увещевать главарь. — Укажи дорогу к этому проклятому полковнику. А не то я ведь могу и озлиться. Могу отдать тебя солдатам. У меня бойцы, мужики, звереют от походной жизни. Даже бить не будут, одними ласками замучают.

Он пристально, как бы завораживая, откровенно, как мужчина, рассматривал ее через стол. Она сидела пред ним каменным изваянием, как языческая богиня, — прямо и неподвижно. Только глаза опущены вниз.

— Такая красивая девушка — и можешь пропасть ни за что, — с сожалением проговорил он в неожиданном для него самого, каком-то лирическом затмении. — Пожалей себя.

Он протянул руку через стол, приложил ладонь к ее щеке и большим пальцем провел по ее плотно сжатым губам. Словно таким образом одновременно пытался распечатать ей рот и войти в ее плоть.

Она не шелохнулась.

Когда он отнял руку, девушка обхватила двумя ладонями кружку, медленно поднесла ко рту, наклонила и смочила нижнюю губу, будто выпила. Запах был неприятным, а губу слегка ожгло. Потом она поставила кружку на столешницу, встала, одернула платье, поправила легким прикосновением волосы и не спеша пошла к широкой деревянной кровати, стоявшей возле окна в переднем углу, на другой половине пятистенка. Мгновение постояв над этим ложем, она неторопливыми движениями скомкала серое солдатское одеяло, прикрывавшее постель, и, сунув его в изголовье, легла на спину поперек кровати, оставив согнутые в коленях ноги на полу.

Командир-главарь самодовольно крякнул, тяжело поднялся из-за стола и, потирая руки, подошел и, широко расставив ноги, чуть покачиваясь от выпитого спирта, остановился над девушкой. Она лежала сощурившись, почти с закрытыми глазами. Но он видел только четко прорисовавшиеся под тонким платьем упругие девичьи бедра и трепетно вздымающуюся грудь.

Все это было похоже на начало разговора, на начало пути к полковнику.

И главарь, довольный собой, сказал чуть охрипшим басом:

— Вот это дело!..

В то же мгновение у него потемнело в глазах. Он двумя руками схватился за свое мужское достоинство, согнулся пополам и, не выдержав, в таком положении осел на пол. Тоненько, по-поросячьи простонал:

— Уссс, ссука!..

Девушка саданула его в промежность и, накинув на себя одеяло, сиганула в окно и вскочила на дежурную упряжку.

Звон стекол ударил главарю в уши. Корчась на полу, постанывая, он терпел, сколько мог. Но боль, как ему показалось, не убывала, а усиливалась. И наконец он взревел, вместе с криком выплескивая из себя боль.

На его рев влетел Мингалев и заметался по избе. Сначала бросился к командиру, потом рванулся к разбитому окну, затем — к двери. Но с порога вернулся к командиру и хотел поднять его и положить на кровать. Тот только злобно прохрипел:

— Не трожь!

Мингалев затоптался перед корчащимся на полу командиром, не зная, что делать. Не поступало никаких приказаний. Наконец он догадался напомнить о себе и закричал:

— Товарищ командир!..

Командир будто только теперь узнал своего помощника. А узнав, рявкнул:

— Взять!

Но исполнительный помощник все продолжал стоять перед ним навытяжку. Он не получил вторую часть приказа: взять, а что потом?.. К тому же ему показалось, что командир еще что-то хочет сказать.

Командир тоже понял своего помощника, бестолково переминавшегося с ноги на ногу. Как ему показалось, закричал, но получилось не очень громко:

— Взять, мать твою!.. Пока!..

Мингалев бросился к окну — туда, что ли, хотел вылететь вслед за беглянкой. Но потом опомнился и выскочил в двери.

А командир все лежал на полу. Когда боль немного отпустила, он сел, прислонившись спиной к стене. Из разбитого окна тянуло холодом, но почему-то никто не спешил забить или занавесить дыру. Он еще не знал, что в эту ночь почему-то дежурила одна упряжка. Второй не было. Поэтому на фактории поднялась суматоха: надо было срочно найти упряжки для погони.

Когда боль почти прошла и голос снова обрел силу, все еще продолжая сидеть на полу, Чухновский закричал в сторону дверей:

— Кто там есть?

Дверь приоткрылась. И он, опережая, не давая солдату войти, крикнул в дверную щель:

— Машку давай! Срочно! — И пока дверь не успела закрыться, подал вторую команду: — Окно — забить! С улицы!

И устало прикрыл налившиеся кровью глаза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Там, в Европе, Белому еще не однажды припомнится, как после мокрой снежной пурги он впервые очнулся в теплом человеческом доме.

В туманных наплывах, как в потустороннем мире, он уловил тихий говор. Но связь с этим миром была еще настолько слабой, что он не мог вникнуть в смысл слов. Различал только голоса. Голос мужской, голос женский. Звонкие голоса девочек и голос мальчика. И показалось ему, что он, дежурный флигель-адъютант, сидит за обеденным столом с августейшей семьей в Царскосельском дворце в ноябре 1916 года, по левую руку от государя императора. Слева от него наследник престола Алексей, недавно назначенный шефом его Первого Н-ского казачьего полка. Напротив, по правую руку от государя, старшая великая княжна Ольга, рядом с ней великая княжна Татьяна. На другом конце стола — государыня Александра Федоровна, по левую руку от которой сидит младшая великая княжна Анастасия, а по правую — великая княжна Мария.

Сестры-княжны были настолько же милы, насколько красивы. Они шутили и весело смеялись. Особенно грациозна была старшая, Ольга. Белый знал, что к ней уже сватались из европейских монарших домов. В частности, в кругах высшего света шли разговоры о том, что она якобы отвергла румынского принца. Объясняли это тем, что царствующая семья, члены которой очень привязаны друг к другу, не спешила расставаться со своими дочерьми. А Белый, глядя на веселые, оживленные лица девушек, думал о том, что же ожидает их в будущем. По веками сложившейся традиции каждой нужно выйти замуж только за

принца какого-либо европейского государства. А каким будет этот принц? Любимым иль нелюбимым? Любящим иль не любящим? Но главное, как военный, он предчувствовал приближение грозы, приближение времени больших потрясений. Что же ждет впереди этих милых и жизнерадостных девушек? Хотелось надеяться, счастливая и безоблачная жизнь.

Наследник престола Алексей расспрашивал о полке, шефом которого стал в августе месяце. Какие в полку кавалеристы? Откуда они? Какие лошади? Какая форма?

Государь же интересовался общим положением дел на фронте. Впрочем, не оставлял без внимания и частные эпизоды войны. Подробно, в деталях выслушал рассказ о блестящей атаке Первого Н-ского полка в Лесистых Карпатах.

Белый отвечал на вопросы и радовался тому, что его, прибывшего с фронта офицера, назначенного дежурным флигель-адъютантом при государе на один день, здесь принимают как своего. Он смотрел на государя и думал, что более деликатного, доброго и умного человека не встречал в жизни. Было приятно осознавать, что символом православной веры, символом России и русского народа, символом Отечества является такой человек.

Только императрица Александра Федоровна выглядела болезненной и встревоженной и почти не принимала участия в общей беседе. Хотя, надо заметить, с блеском исполняла обязанности матери семейства и хозяйки дома.

Это была его последняя встреча с государем императором и его семьей. И сейчас, вслушиваясь в говор в доме, за семейным столом, в полуобморочном состоянии, находясь как бы между двумя мирами, земным и небесным, он необыкновенно обрадовался: царь жив, и семья его жива. Он слышит их голоса. Значит, будет жива и Россия. И с этой

мыслью, с уверенностью, с верою, что царская семья спасена, он опять впал в забытье.

Уже много позже, очнувшись и обретя дар речи, он первым делом слабым голосом спросил:

— Где государь Николай Александрович? Где его семья?

В ответ тишина. И долгое-долгое молчание.

Наконец женский голос проговорил:

— Мы не знаем... Мы не ведаем...

Он не поверил этому и впервые за много дней беспамятства с трудом разлепил веки. И прямо над головой увидел скорбный лик Божией Матери. Будто бы это она отвечала на его вопросы.

...Там, в Европе, когда он почувствовал, что подступило последнее мгновение и впереди уже ничего не будет, облачился в старенький мундир, в котором субботним днем в середине ноября 1916 года в Царском Селе, будучи дежурным флигель-адъютантом, обедал и затем провел весь вечер с семьей государя императора Николая Александровича. Надев мундир и взяв трость, Белый прошел к православному храму, опустился на холодный мрамор садовой скамьи, откинулся на спинку, высоко поднял седую голову в военном кепи с двуглавым золотым орлом и устремил взгляд все еще ясных очей на восток, в сторону России, словно силился увидеть давным-давно покинутое Отечество. Потом медленно положил руки на набалдашник трости, прикрыл глаза и, затаив дыхание, замер на месте, затих. Легкое движение осеннего воздуха слегка пошевеливало прядь его белых волос на затылке, да низкое осеннее небо осторожно опускалось над ним, да за деревьями сада тихо постанывал океан. Пусто, глухо, уныло. Пронзительно-осенний воздух, низкое небо, стон океана.

Время остановилось. «Господи, забери меня к себе», — мысленно взмолился он. Но Господь не спешил. Почему?

Возможно, потому, что при его попустительстве его государство стало разбойником на большой дороге. Его некогда великая страна стала разбойничать почти на доброй половине земного шара. Это случилось после того, как она без суда и следствия, по-преступному, по-воровски, темною ночью уничтожила своего императора, государыню, четырех великих княжон и наследника престола вместе с прислугой. Россия обезумела от их безвинной крови. Все стало дозволено: и без суда и следствия пускать пулю в затылок людям, неугодным режиму, по-варварски забивать лиственничными дубинками всех, кто пытался оказывать сопротивление. И он не смог этому помешать. А теперь, на пороге в другую жизнь, он снова вынужден все пережить заново.

А ведь была сила, была опора у России — русская армия. И в русской армии он был не последним офицером. Через его руки прошли лучшие русские воины и воинские формирования. В Первую мировую командовал Первым Н-ским казачьим полком. В августе 1916 года в Лесистых Карпатах полк провел блистательную атаку, за что и отмечен особой наградой — шефом полка был назначен наследник цесаревич Алексей. Потом уже Белый получил дивизию, затем, в Гражданскую, — армию. Но настал миг — и русскую армию в одночасье развалили, растоптали. И пал символ России — русский царь, и пала сама Россия. Уже ничего нельзя исправить.

Теперь вот земные дни прошли, и не дождаться ему возрождения России. А оно не за горами. Он знает, чувствует это. Остяки, эти дети природы, даровавшие ему вторую жизнь, пророчески чувствительны к колебаниям времени. Они сказали ему там, за заснеженным Уралом: красные будут править один век, один отрезок времени. Потом жизнь полегчает. Придет следующий, новый русский царь, кото-

рый объединит всю бескрайнюю великую Россию. Бог не оставит ее. Поэтому можно считать, что государь Николай Александрович не последний русский царь.

А ведь все могло быть и совсем иначе. Можно было сохранить и русскую армию, и русского царя, и русский народ. И главное, избежав потерь и поражений, прирастить мощь российскую. До революции высок и крепок был патриотический дух. Простые русские люди почитали за честь умереть за веру, царя и Отечество. Все можно было уберечь и сохранить, все. А вот не получилось. Не вышло. Не удалось. Обидно, тяжко, горюче-горько на душе. И тут Белый почувствовал, как впервые после отроческих лет скупые слезины выкатились из прикрытых глаз и прорыли к подбородку глубокие траншеи. Припомнилась ему истина, что у Господа надо просить не легкой жизни, а легкой смерти. Но и жизнь его не была легка, и легкой смерти он не хотел. Не подобает настоящему русскому офицеру заканчивать свой жизненный путь, пустив себе пулю в висок. Он до конца пронесет свой крест, каким бы тяжким он ни был, какие бы муки ни пришлось испытать.

Небо все ниже опускалось над ним. Океан постанывал все глуше и глуше. Ветер уже перестал прикасаться к седой пряди волос на затылке. Но Белый еще чувствовал, как на его лице углубляются ходы-траншеи, по которым пришлось ему ходить в Первую мировую.

Незрячими очами, с высоко поднятым подбородком, он все пытался одним взглядом охватить всю свою огромную, покинутую много лет назад родину, Россию... Ему хотелось уловить миг, когда его душа отделится от тела и медленно станет подниматься к небу, к Господу Богу.

Пред последним земным мгновением он ощутил необыкновенный прилив сил и увидел себя молодым блестящим командиром, гарцующим на белом коне перед Первым

Н-ским казачьим наследника цесаревича полком. Наступил наивысший миг напряжения перед атакой. Сейчас его полк сорвется с места и конная лава сметет врагов России. И он спиной, точнее, всем телом почувствовал, что в этой атаке каждый его воин-кавалерист готов сложить свою голову за Родину. И каждый принял бы это за высокую честь.

Он набрал воздуха, чтобы полку скомандовать атаку — и дыхание его замедлилось. Но он сумел выдохнуть: «За веру, царя и Отечество...» И его белый конь взвился к небесам...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Скрылись за поворотом Савва со стариком Пойтэком, и она осталась одна. Матерь Детей лежала на подтаивающей колее и, прислушиваясь к утихающему шороху шкуры-волокуши о комья снега, провела руками по лицу, пытаясь осушить мокрые щеки. Неразумный малыш уехал в неведомую даль. Оторвалась от нее последняя родимая кровиночка. Последняя. Она сама оторвала его от себя. И он отправился в путь то ли навстречу жизни, то ли навстречу... гибели. Гибели? Нет, нет! Только не гибели!.. Эта мысль резанула ее по сердцу так больно, что она закричала на все заснеженное пространство, встала на колени и попыталась побежать за сыночком, чтобы остановить, вернуть его. Но тут же упала. Тогда она развернулась поперек дороги и, переворачиваясь с боку на бок, словно бревнышко, покатилась, царапая лицо и руки об острые комья обледеневшего снега, вслед за мальчиком с собакой. Катилась до тех пор, пока могла двигаться. Но дорога была пуста. И она поняла: не догнать, не вернуть. С протяжным стоном она зарыдала, более не сдерживаясь. Она билась о ледяную корку, но боли не чувствовала. Наконец, обессиленная, она затихла и, словно помертвев, распласталась посреди зимника.

Она лежала неподвижно. Ей казалось, что ее слезы прожигают снег и медленно растекаются по плечам Сидящей Матери, Земли-Матушки. И богиня Земля услышит мольбы женщины, матери неразумного младенца. А молила она за своего сыночка Савву: пусть

Сидящая позаботится о нем, чтобы его люлька не свалилась на обочине дороги, не опрокинулась на крутых спусках и подъемах, на горках и впадинах, на буграх и колдобинах. Пусть Сидящая доведет его до людей, до человеческого жилья. Ведь всесильная богиня все видит и слышит, все знает и понимает. Если Савва спасется — значит, и народ спасется. Разве может позволить Сидящая Матерь, чтобы бесследно исчез целый народ?! Нет, она этого ни за что не допустит! На то и определен ей этот пятачок Вселенной, где живут люди, чтобы она сохранила каждый народ, который поклоняется ей, чтобы вняла мольбам каждого человека, кто помнит о ней.

Теперь, когда скрылись из виду Савва с Пойтэком и прошел прилив отчаяния, Матерь Детей стала размышлять и искать новую опору. Она не должна чувствовать себя одинокой. Одной будет плохо. Кто же ближе всех? Конечно же, Сидящая. Вот Она, с нижней стороны, совсем близко. И женщина то ли вслух, то ли мысленно обратилась к Той с главным вопросом:

— Как быть?

И замерла, прислушиваясь. Ждала. Долго ли, коротко ли — этого она не знала. И наконец то ли в дреме, то ли наяву дождалась ответа:

— Живым быть.

Это значило: нужно двигаться вперед. Она подняла голову, оперлась на локти, оглядела пустынную дорогу. Пошевелилась и, собрав остатки сил в локтях и коленях, поползла в сторону людского жилья. Ползла до тех пор, пока поднимались руки. Потом остановилась передохнуть, перевернулась на спину и долго лежала неподвижно с закрытыми глазами. Когда открыла глаза, увидела высокое ясное небо. Там, в Седьмом Слое, живет Верховный Отец, Бог, Торум. Вот Он,

с верхней стороны, совсем близко. И она опять задала свой вопрос:

— Как быть?

Верховный Отец не заставил себя долго ждать. Как ей показалось, ответ пришел довольно быстро:

— Живи.

Это значило: ее земные дни еще не закончились. Стало быть, надо выжить. А выжить можно, только двигаясь вперед. И она, перевернувшись на живот, снова поползла в сторону полуденного солнца. Выбившись из последних сил, останавливалась, отдыхала, лежа неподвижно, потом опять ползла. Вперед, только вперед.

Время от времени она разговаривала. Ведь она была не одна. Их было трое. Небесно-земная троица. С нижней стороны — Земля-Матушка. С верхней стороны — Верховный Отец, Торум. Они стали ее неразлучными спутниками. Они помогали ей двигаться вперед. Они вдыхали в ее истощенное тело новые силы. Они поддерживали и укрепляли ниточку ее разума, чтобы она не сошла с ума. И она вела с ними беседу, спрашивала о том, чего не знала и не понимала, в чем сомневалась.

Потом из глубин ее сознания всплыл образ Божьей Матери, истекающей кровью, с красной пулей в груди. Она приняла пулю, которая предназначалась для Матери Детей, и тем самым спасла от преждевременной гибели хозяйку дома. И теперь женщина спросила Божью Матерь:

— Как быть?

Ответ был кратким:

— Жить.

Стало быть — вперед, домой, к людям. Понемножку, чуть-чуть, через силу. И женщина снова поползла. Она ползла и ползла. Потом остановилась, перевела дух, перевернулась на спину. Из-за пазухи вытащила кусок

шкуры от амдера, пожевала, отрывая зубами небольшие клочья от края. Впрочем, о пище она почти не думала. Горький огонь потерь, который жег сердце, давно притупил чувство голода. Но она знала: чтобы сохранить силы, надо что-нибудь есть. Закончится кусок шкуры-амдера, можно есть кору деревьев, березовые и тальниковые почки. В крайнем случае, как глухарь, пожуешь хвою молодых сосенок. А еще у нее есть шубка-сах и кисы с чижами*. Все это из оленьих шкур и оленьих лап, которые сохранили запах мяса. Кое-где попадаются даже небольшие кусочки сала и мясные волокна. Олень не даст погибнуть, если в тебе не иссякла сила духа.

Женщина перевернулась на живот, подползла к обочине и из оленьего копытца выпила немного талой воды. Она могла разжечь костерок и в кружке вскипятить белой водицы, но не стала: это отняло бы немало времени и сил. А она спешила, торопилась вслед за сыном и собакой. Вдруг какая-нибудь преграда возникнет на их пути? Вдруг им потребуется помощь?! Медлить нельзя.

И она двинулась вперед, как ей показалось, бодро, споро. Когда совсем запыхалась, она сделала передышку. Положила голову на согнутую руку, закрыла глаза и направила мысль-вопрос Божьей Матери:

— Как мой Савва?!

— Жив, — ответила Богоматерь.

— Где он?

— У людей.

— Это хорошо!.. — вздохнула женщина.

Она закрыла глаза и увидела, как Пойтэк подбежал к дверям дома и остановился. Хозяйские собаки под-

---

* *Чижи* — длинные меховые чулки, надеваемые внутрь кисов.

няли невообразимый лай на чужака, посмевшего прийти без путника-гостя, со странной волокушей. Из дома вышли люди. Удивились. Мгновение стояли неподвижно. Потом опомнились, отвязали люльку и с малышом вернулись в дом. Пойтэк постоял еще немного, оглянулся на пустую волокушу и сделал несколько шагов в обратную сторону. Он знал, что должен вернуться к хозяйке, туда, где оставил ее. Сразу, немедленно. Но из собачьих конур тянуло сладким запахом теплой пищи. Он пошевелил ноздрями. Его собратьям недавно дали наваристой ухи из чебака. Такого лакомства он давно не едал. В последнее время сам себе добывал корм, а тут готовая еда. На тебе, подойди, поешь.

Собаки продолжали лаять.

И Пойтэк не выдержал. Уверенной, но внешне ленивой трусцой побежал к конурам и остановился в десяти шагах от них. За свою долгую жизнь старик Пойтэк хорошо усвоил все собачьи правила. Он вздыбил шерсть на загривке и показал клыки, чтобы все видели, что они на месте. И лишь после этого не спеша, шагом, как бы вразвалку подошел к корыту молодого пса и начал есть. Молодой тявкнул обиженно и забился в конуру.

Все собаки разом, как по команде, перестали лаять и с любопытством разглядывали нахального чужака. А Пойтэк, поев, облизнулся, обвел взглядом все конуры, постоял как бы в раздумье и с достоинством отошел в сторону, а потом с пустой волокушей ровной трусцой поспешил обратно к своей хозяйке. Когда он уже выходил из кораля*, собаки, как бы опомнившись, залаяли ему вслед.

Вскоре в доме хватились: где же белый пес, кото-

---

* *Кораль* — изгородь из жердей вокруг дома для загона оленей.

рый привез малыша? Убежал обратно? Значит, там есть живой человек. И люди засобирались в дорогу вслед за Пойтэком...

Женщина так ясно увидела все это, что, пошевелив левой рукой, не открывая глаз, спросила:

— Пойтэк, ты вернулся?

Но ответа не последовало. А она продолжала спрашивать:

— Пойтэк, ты здесь?

Тишина.

— Пойтэк, где ты? Почему ты молчишь?

Опять нет ответа.

Левая рука женщины все ощупывала дорогу. Но пес не отвечал. Женщина открыла глаза. Оказалось, ее рука наткнулась на ком снега, который она приняла за собаку. Но эта ошибка не огорчила ее, она сказала себе:

— А-а, Пойтэк еще не вернулся...

В том, что старик Пойтэк вернется и ляжет рядом с ней возле левого бока, с солнечной стороны, она нисколько не сомневалась. У пса была хорошая родословная. Дедушка Детей погиб в самый разгар войны между белыми и красными. Его взяли проводником-каюром, и в бою между двумя отрядами то ли шальная, то ли прицельная пуля лишила его жизни. Поскольку это случилось недалеко от селения, тело его привезли домой и похоронили на родовом кладбище. Родичи оплакали его, исполнили все обряды по погибшему. Только его собака не могла успокоиться: перестала есть и все выла и выла. Когда она измучила всех своим воем, ее отвязали и отпустили. Она убежала на кладбище, легла рядом с верхней домовиной-надгробием хозяина и там околела. Вот из этого рода и был старик Пойтэк. Поэтому он не бросит хозяйку, не оставит ее одну, обязатель-

но вернется.

Матерь Детей думала о том, что будет делать после того, как Пойтек приведет на помощь людей. Сначала она отлежится, залечит раны на пятках. Потом отвезет Савву к бабушке Дарье, а сама достанет винтовку и пойдет на войну. И начнет — прости, Господи — отстреливать красных, преследуя их повсюду: где на оленях, где на лыжах, где по тонкому насту. Ведь там, где проваливаются красные, наст легко выдерживает вес ее хрупкого тела. Вот и пригодится ее охотничий опыт. И станет она таким же неуловимым и бесстрашным воином, как и Малый Сеня-старик. Красные еще долго ничего не будут знать о ней. Все свои потери они спишут на Сеню-старика. Закончится война, и красное войско уйдет, а поимкой Сени-воина займутся энкавэдэшники. Еще многие годы он будет уходить из их широко расставленных сетей, из любых засад целым и невредимым.

Как наяву, увидела Матерь Детей и свой последний день жизни на Земле. Весна, распутица. Остатки красного войска через Божье озеро, через верховье реки Казым спешат в Березов, на свою базу. Летом они не могут воевать в этих местах — трудно передвигаться по болотам, по тундре, по рекам и озерам. Заканчивается сезон войны. Красные очень торопятся: до ледохода нужно добраться до города по рыхлеющим зимникам... Женщина обстреляла красных с вершины крутой горы-сопки. Они остановились внизу, на открытом месте, на льду реки, где проходила дорога, и открыли огонь по крутояру. Но стреляли беспорядочно, как-то вяло, как бы неохотно. Не то что в начале войны: тогда они палили шустро, залпами, по команде. «А, иссякает порох, — с удовлетворением отметила женщина. — И мороз, видно, немного укоротил вам лапы...» Когда кончились патроны, она встала, неторопливо стряхнула с белой

ягушки налипшие комочки снега, не спеша повернулась по солнцу, охватив взглядом всю округу, и вышла на открытую полянку на макушке горы. Стрельба смолкла. На нее с удивлением смотрели и враги, и пленные остяки. Пленных перевозили странным способом: посадили попарно в нарты, спиной друг к другу, и крепко связали им руки, притянув туловище к туловищу. В таком положении никто не сможет бежать. Сейчас все их головы были повернуты в ее сторону. Она не видела выражения их глаз, все-таки далековато. Но в напряженном развороте головы каждого пленника она уловила один немой вопрос: отчего ты, свободная, не стреляешь?.. Она постояла еще немного, потом подняла винтовку. И тогда красные снова стали стрелять. Но пули со свистом пролетали мимо, как будто она была заколдована, заговорена от смерти. Пули уходили то вверх, то куда-то левее. Все левее и левее ложились пули. Когда ожидание стало томительным, она сделала шаг влево и приняла пулю в грудь. Приложила ладонь к ране и медленно шагнула в молодой кедровый подрост. Хотя она знала, что неприятели не полезут на крутояр, ей не хотелось, чтобы они видели, как она упадет. В кедровнике она присела, застыв на мгновение, и лишь потом повалилась на землю. Пуля прошла навылет. Женщина еще чувствовала и осознавала, как ее кровь сочится на плечи Сидящей Матери, а через пулевое отверстие на спине тепло и дух ее уходят вверх, в небо, к Верховному Отцу, в заповедный уголок неба с загадочным названием Тарн-Торум. Туда уже поднялись души всех погибших дочерей и сыновей женщины вместе с Отцом Детей. И вот теперь она по своей доброй воле уходит к ним, к своему семейству, к своему выводку. Ее ждет иная, более счастливая судьба, небесная жизнь в кругу семьи. Там все начнется сначала. А конец

ее земной жизни первой оплачет Сидящая, затем Верховный Отец, а после этого, возможно, много времени спустя, сыночек-несмышленыш Савва. Его вырастит бабушка. Сама она, Матерь Детей, не смогла бы прожить на земле с таким тяжким грузом потерь, с таким черным грузом зла и ненависти в душе — Сидящая перестала бы удерживать ее на своих плечах. И преждевременно ушедшие дети все зовут ее, зовут. И в меркнущем сознании она еще долго удерживала мысль-послание своим ушедшим детям: я иду к вам...

Так ярким солнечным весенним днем с высоким небом закончится ее земная жизнь. Так завершится третий круг ее жизни с ружьем в руках...

Женщина очнулась, и наваждение исчезло. Она ощупала, не открывая глаз, нартовую колею возле себя. Было пусто. Но все равно спросила:

— Пойтэк, ты еще не пришел?

Ответа не было.

— Что-то долго ты ходишь, старый... — вздохнула женщина.

Теперь ее беспокоило, как бы дожить до своего последнего земного дня. Скоро снега покроются настом — тогда она уже должна стоять на ногах. А ее все клонит ко сну, не хочется двигать ни руками, ни ногами. Она понимала: если перестанет шевелиться, то раньше времени может уснуть вечным сном. Кого же позвать на помощь? Сидящая рядом, но она не сможет оставить свой главный пост. Верховный Отец тоже ни на мгновение не должен останавливать миродвижение и отлучаться куда-либо по другим делам. А вот Божья Матерь могла бы прийти на подмогу. И женщина обратилась к ней, позвала ее:

— Божья Мама, приди, помоги мне добраться до че-

ловеческого жилья...

Потом, вспомнив, что Богоматерь ранена, женщина стала подсказывать, как быть:

— Божья Мама, со своей высоты ступи на лежанку дома, — попросила женщина. — В изголовье постели найди мешочек с листовым табаком. Возьми два листа. Один приложи к ране спереди, а другой со спины. Тебе полегчает. Надень мою ягушку и мои кисы с чижами. Дитя свое одень в одежды моих детей. Там все найдется для него. И иди по нашему следу — придешь ко мне...

Женщина остановила поток мыслей, передохнула немного. После подумала: ведь это Божья Матерь, она может идти по-над дорогой, не касаясь снега, и ей совсем не будет холодно.

Вскоре Богоматерь ответила:

— Приду.

Женщина облегченно вздохнула. В следующее мгновение в туманных наплывах она увидела, как Божья Матерь сходит с иконы на землю. Стало быть, помощь идет и с другого конца дороги. Это прибавит сил и уверенности в себе. И путница опять впала в сон-забытье. Очнувшись, спросила:

— Божья Мама, ты идешь?

Тишина звенела в ушах.

— Где же ты?

Вопрос снова остался без ответа.

— Что с тобой?

И этот вопрос канул в пустоту.

Женщина поняла: что-то случилось. На военных путях-дорогах много неожиданностей и преград. Может, у Божьей Матери открылась рана. Может, она столкнулась с красными. Может, как раз в это время аэроплан забрасывает ее огненными камнями. Все может быть. Сколько женщина ни звала Богоматерь, та не

откликалась, не отвечала на мысли-послания.

Устав бесплодно взывать к Богоматери, женщина забылась тяжким сном. Очнулась она от прикосновения к щеке чего-то липкого и шершавого. Она открыла глаза и увидела над собой белую морду старика Пойтэка радостно помахивающего хвостом. Это он лизнул свою хозяйку в щеку.

— А-а, вернулся старый! — обрадовалась женщина. — Ты хороший старик! Хороший!..

Она погладила собаку слабеющей рукой.

Пойтэк взвизгнул и тявкнул:

— Ав-вав!

— Теперь вдвоем не пропадем! — сказала хозяйка. — Дождемся кого-нибудь!

Она перебралась на шкуру-волокушу — все снизу теплее. И, к ее удивлению, старик Пойтэк сам, без команды, попытался тянуть ношу в сторону человеческого жилья. Но сдвинуть с места не смог — не хватило сил, изрядно отощал за последние дни. Тогда хозяйка наполовину сползла со шкуры-амдера и, отталкиваясь ногами, стала помогать собаке. Так, подсобляя друг другу, они медленно двигались вперед. Когда женщина впадала в забытье и надолго затихала, Пойтэк подходил к ней и, лизнув ее в лицо, начинал поскуливать. Хозяйка открывала глаза и говорила ему:

— Дай отдохнуть. Сейчас пойдем-поедем вперед.

Она знала: Пойтэк все понимает. Точнее, все чувствует. Рано или поздно они доберутся до жилья. Если бы предвещался другой исход, то старик-пес просто лег бы рядом с ней и, подобно своему предку на могиле Дедушки Детей, околел бы возле хозяйки.

Они все шли-ползли вперед.

В небольшую лощинку скатились легко, а вот на

взгорок по обледеневшей дороге взбирались долго и мучительно. На взгорке женщина сказала Пойтэку:

— Давай отдохнем.

Старик-пес сел посреди зимника на задние лапы, навострил уши и замер неподвижным пнем, повернув голову в полуденную сторону. А женщина, глянув вперед, увидела по обочинам нартовой колеи совсем свежие копаницы — здесь паслись олени. Верный признак, что человеческое жилье недалеко.

Яркий снег слепил глаза. Она зажмурилась. И тут снова явилась к ней картина ее последнего земного дня. И показалось ей, что лежит она не посреди оленьего зимника, а в кедровом подросте на вершине сопки-крутояра с простреленной грудью. И, рассыпаясь на мельчайшие песчинки-пылинки, одновременно уходит вниз к Сидящей и вверх к Верховному Отцу — в его Небесный мир. Тела будто не стало. Душа словно отделилась от плоти. Все земные беды, горе, потери, ненависть, зло и злоба остались позади. И ей стало легко и хорошо. Начинается новая, небесная жизнь. И впереди радостная встреча с любимыми детьми и мужем. Как хорошо-то, хорошо... Но земные звуки вернули ее к реальности. Пока еще неясные, невнятные, далекие, они жили в снегах, усиливаясь и медленно приближаясь. Она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь. То ли людей, то ли Божьей Матери...

ЭПИЛОГ

Улов Чухновского оказался большим. Около сотни пленных и арестованных он доставил для суда в столицу округа Остяко-Вогульск. Одиннадцать руководителей восстания были приговорены к смертной казни. Потом гуманный советский суд заменил смертную казнь тюремным заключением.

Шестьдесят участников восстания, как указано в протоколе заседания, суд оправдал, остальных приговорили к различным срокам заключения. Освобожденных из-под стражи выпустили на улицу. Без крова, без пищи, без транспорта. На окраине города, под сопкой, близ берега Иртыша, они соорудили шалаши и стали дожидаться лета. Наступала весна, но река еще была подо льдом, а земля покрыта снегом. До дома не добраться, пока не откроется вода. Еды нет. Теплой одежды нет. Русские старожилы-горожане вспоминают, что в ту пору каждое утро на дорогах в пригородные деревушки, на тропе к Иртышскому берегу и на окраинных улицах подбирали одного-двух умерших остяков. Кто замерзал на ходу от холода и голода, кто умирал от болезней и ран, кого линчевали под покровом ночи. Возможно, поэтому через десяток лет уже трудно было найти живого участника восстания 1934 года.

На свободе остался только неуловимый Сеня Малый. Он продолжал воевать с красными на Водоразделе. Имя его обрастало легендами, и люди каждой реки считали его своим. Казымские уверяли, что он из рода Молдановых, ляминские и пимские — что из рода Хоровых, тро-

маганские — из рода Медведя, аганские — из рода Бобра. Словом, он был из народа... На него охотились, заезжая в верховья по правым притокам Средней Оби уже малыми силами, без екатеринбургских войск. Но это уже другая история, история с трагическим концом...

Царского полковника тоже не взяли. И след его канул в Лету.

Как только закончился суд, на последней странице протокола появилась запись, которая гласила: все одиннадцать руководителей восстания, смертную казнь которым заменили на тюремное заключение, умерли в камерах «от сердечной недостаточности». Власть в том же протоколе все это объяснила по-своему правдиво: «Остяки совершенно не переносят жизни в неволе». Суд закончился, справедливость по-советски восторжествовала.

Такова истинная цена свободы...

1996–1999

Москва–Нижневартовск–Ханты-Мансийск

Секретно

ДОКУМЕНТЫ

из Следственного дела № 2/49

Протоколы допросов,
рапорт, постановления, сообщения

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Архив УНКВД Омской области

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 2/49

О к.-р. вооруженном восстании против Советской власти туземцев Казымской тундры по ст. 58, п. 2 УК РСФСР

Начато I февраля 1934 г.
Окончено 10 июня 1934 г.

Дело в 8 томах

Секретно

I. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича

1934 года марта 27 дня, я, Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области ДУДКО, допросил в качестве обвиняемого МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича 45 лет, точно не знает, урожденца Юильского городка, Казымского тузсовета, Березовского района, местожительство Юильский городок, кочевник, занимается оленеводством, рыбным и пушным промыслом, женат, два сына и три дочери, старшему сыну 12 лет, старшей дочери 8 лет, проживают в Юильском городке, имеет — 38 оленей, 10 нарт, 10 комплектов оленьей упряжи, 2 деревянных юрты, 1 чум, 2 собаки, 2 ружья, 10 сетей, 1 невод, 10 морд и 3 лодки, неграмотный, беспартийный, в общественной и революционной работе не участвовал, не судился, в белой армии не служил, на военном учете не состоит.

По существу дела показал следующее:

...Весной 1933 года, после 25 марта по старому стилю, в Юильский городок приезжали из Казыма представители власти и увезли (арестовали) наших остяков, четыре человека — МОЛДАНОВА Ивана Ивановича, МОЛДАНОВА Тимофея Ефимовича, ТАРЛИНА Павла Семеновича, КАКСИНА Максима Петровича — кулаков, за то, что они возбуждали народ против Советской власти (народ сразу же начал требовать их освобождения).

Показания мои записаны в протокол правильно, мне переведены, что и подтверждаю своей тамгой.

Переводчик:

Допросил: Нач. ОО ПП ОГПУ

по Обско-Иртышской области (ДУДКО)

ВЕРНО: П/Уполном. (Подпись)

Секретно

2. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича

1934 года марта 27 дня, я, Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области ДУДКО, допросил в качестве обвиняемого МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича.

По существу дела показал следующее:

...что скоро сверху реки Оби и Иртыша прибудут белые, Советскую власть свергнут, Советской власти скоро не будет, будет по-старому царь, и попы будут служить в церквях, и народ снова будет молиться богу.

Показания мои записаны в протокол правильно, мне переведены, что и подтверждаю своей тамгой.

Переводчик:

Допросил: Нач. ОО ПП ОГПУ

по Обско-Иртышской области (ДУДКО)

ВЕРНО: П/Уполном. (Подпись)

Т. 1. С. 127 (8)

Секретно

3. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА РАНДЫМОВА Ивана Николаевича

1934 г., марта 5 дня, я, Уполномоченный ОО ПП СТЕГАЕВ, допросил в качестве обвиняемого РАНДЫМОВА Ивана Николаевича, Эльбигортского юртобъединения, Березовского р-на, Уральской области, занимался оленеводством, пушным и рыбным промыслом, вдов, один сын. Середняк, имеет 60 оленей, неграмотный, б/партийный, не судим.

По существу дела показал:

...будучи в какой-то Ляминской лавке Госторга, продавец этой лавки ему по секрету сообщил, что в России уже Советской власти нет, а есть новый царь, который с белой властью и попами скоро приедет также в тундру. Что все остяки собираются соединиться с самоедами, поехать в тундру и воевать с советской властью.

Записано с моих слов правильно, мне переводчиком зачитано, в чем и расписываюсь — ставлю свою тамгу.

Допросил: Уполномоченный ОО ПП СТЕГАЕВ
Переводил: СКАЧИЛОВ
ВЕРНО: (Подпись)

Т. 5. С. 292 (1)

4. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Романа Семеновича

1934 года 2 февраля, оз. Нумто. Я, Уполномоченный 2 отд. ОО ПП ОГПУ по Уралу СТЕГАЕВ, допросил в качестве обвиняемого МОЛДАНОВА Романа Семеновича, 26 лет, урож. Шижин-Тора (Тундра), кочевник, женат.

Мне известно, что ненцами совместно с остяками организован отряд для борьбы с Советской властью. Встретили нас самоеды очень хорошо, радостно, заявляя, что теперь можно будет воевать с русскими, встретило нас человек 50 самоедов. Подъехав к самоедам, мы увидели у них сторожевые вышки, сделанные из нарт, и передовые сторожевые чумы, причем в передовых чумах находились только мужчины, а женщины и дети находятся в задних чумах.

...С нашим приездом сторожевые посты усилились и появились разведчики, которые все время разъезжают на 20 нартах (дежурных), запряженных четверками оленей, в окружности от чумов на 40-50 км.

...В чумах передовых, где нет женщин и детей, имеется 150 человек мужчин, из них 120 постоянно находятся в чумах, а остальные 30 стерегут оленей и исполняют прочие работы. Оленей имеется огромное количество, причем олени пасутся стадами от владельцев 5-6 чумов.

Записано с моих слов правильно, мне переводчиком зачитано, в чем и расписываюсь — ставлю свою тамгу.

Допросил: Уполномоченный ОО ПП СТЕГАЕВ

Переводчик: СКАЧИЛОВ.

ВЕРНО: Уполном-ный (Подпись)

Т. 1. С. 48–50 (1–3)

Секретно

5. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Прокопия Афанасьевича

1934 года, февраля 7 дня, я, РУП ОГПУ НАЗАРОВ, допросил в качестве свидетеля МОЛДАНОВА Прокопия Афанасьевича из юрт Мало-Лямино Вершинского с/с Самаровского р-на, 57 лет, туземец, имеет 30 оленей.

По существу дела показал следующее:

...у Светлого озера всего 30 человек, а дальше оставшийся (основной) отряд в 500 человек стоят на Надыме. У всех имеется нарезное и охотничье оружие, у них есть 4-линейные винтовки. Когда приезжала разведка к нам, то нас звали туда же, на Светлое озеро, воевать с красными.

К сему и подписываюсь (тамга).

Переводчик: ПОПОВ, ШАЛАМОВ
Допросил: РУП ОГПУ НАЗАРОВ
ВЕРНО: О/Уполномоченный (Подпись)

Т. 4. С. 1

Секретно

6. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича

1934 года марта 27 дня я, Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области ДУДКО, допросил в качестве обвиняемого МОЛДАНОВА Ксенофонта Петровича, 45 лет.

По существу дела показал следующее:

...что в вершине р. Тром-Юган живет какой-то русский человек, который скрывается от Советской власти, сам в лавку не ездит, и у этого человека есть вун-пушкан (большое ружье). Этот человек остался тут жить от белых. Имеет там в разных местах свои юрты, а его семья живет в г. Сургуте. ВАНДЫМОВ Ефим сказал народу: «Если это правда, то давайте, народ, кого-нибудь пошлем за ним».

Показания мои записаны в протокол правильно, мне переведены, что и подтверждаю своей тамгой.

Переводчик:
Допросил: Нач. ОО ПП ОГПУ
по Обско-Иртышской области (ДУДКО)
ВЕРНО: П/Уполном. (Подпись)

Т. 1. С. 145 (26)

Секретно

7. ИЗ ПОКАЗАНИЙ
обвиняемого ВАНДЫМОВА Ефима Семеновича,
допрошенного Уполномоченным
Остяко-Вогульского Окротдела ОГПУ
ЕРМИЛОВЫМ 24/II- 1934 г.

Вандымов Ефим Семенович, 70 лет, происходящий из юрт Тэменских, Назымского тузсовета, Самаровского района, остяк, кулак-шаман, проживающий в Эльбигортском юртобъединении, Амнинского туземного совета, Березовского района, занимается оленеводством, пушным и рыбным промыслом, женат — жена и три дочери, кулак — имел 150 оленей, 27 нарт, 2 деревянные юрты, 1 чум, 3 собаки, 3 ружья, 8 сетей, 30 морд, 1 невод 27 сажен, неграмотный, беспартийный, в общественной и революционной работе не участвовал, не судился, у белых не служил, на воинском учете не состоит.

По существу дела показал:

...на озере Парей Обдорского округа есть отряд самоединов 300 чел., не считая молодежи, все вооружены винтовками. Отрядом руководит русский, в отряде есть пулемет. В этот отряд к самоединам на озеро Парей сбежало из Казыма 10 человек главных богатых. Все Молдановы из Юильского городка. Этот пулемет и отряд на озере Светлом не были, а были дальше в запасе на всякий случай.

Записано с моих слов верно, протокол мне прочитан, ставлю свою тамгу.

Допросил: Уполномоченный ЕРМИЛОВ.

Переводчик: ЛОЗЯМОВ

ВЕРНО: Уполномоченный (КОСТЕНЕЦКИЙ)

Секретно

8. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА МОЛДАНОВА Ефима Васильевича

1934 года, марта 28 дня я, Уполномоченный окр. отдела ОГПУ СИМОНОВ, допросил в качестве обвиняемого МОЛДАНОВА Ефима Васильевича, 80 лет (1854 г. рождения), остяк Березовского района, Амнинского тузсовета, Юильского городка, занимается оленеводством, семья: дочь Анастасия 20 лет, дочь Татьяна 17 лет, кулак, имеет оленей 300 голов (до революции имел оленей 600-700 голов), неграмотный, беспартийный, в общественной и революционной работе не участвовал, не судился, в белой армии не служил, на военном учете не состоит.

По существу дела показал следующее:

...к нашим чумам приехали красные. Мой зять СЕНГЕПОВ Григорий и ненец ЕНГУХ были в это время на улице и сразу же начали стрелять из 4-линейных винтовок, тогда красные начали стрелять по чумам. Убили зятя СЕНГЕПОВА Григория и мою жену МОЛДАНОВУ Егню, которая несла патроны СЕНГЕПОВУ Григорию. Ненец ЕНГУХ убежал в урман... Знаю, что (солдат) около наших чумов было убито два человека и два человека ранено.

Записанное в протоколе с моих слов верно, мне переводчиком зачитано, в чем ставлю тамгу.

Переводчик: АЛИКОВ

Допросил: Уполномоченный СИМОНОВ

ВЕРНО: Уполном-ный О/группы (Подпись)

Т. 1. С. 116–117 (7–8)

Секретно

9. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
обвиняемого ЕРНЫХОВА Ивана Андреевича
12 марта 1934 года

День на 8-й после пребывания у нас делегации в тундре появился аэроплан, с которого были пойманы и увезены самоеды: член думы ЕНСЬТА и еще один молодой самоедин. Тогда СПИРИДОНОВ Прокопий, сразу же собрав думу, заявил, что русские солдаты с культбазы приехали на Нумто и сейчас будут воевать. Он рассказал, что, видимо, с ними не справиться, они всех переловят или перебьют, т. к. их (солдат) на базе было много, да еще прилетели на аэроплане, и посоветовал нам разъехаться, после чего мы сразу же стали разъезжаться в разные стороны. Самоеды и часть остяков с ними поехали в сторону от реки Пима за реку Тромаган в тундру, к озеру Пякуто. А я лично и другие остяки стали перекочевывать в вершины Лямина, где я и был арестован.

Показания мне прочитаны и переведены, с моих слов записано правильно.

К сему Е. И.

Допросил: Уполномоченный ОО ПП ОГПУ по Уралу (ШИШЛИН)

Допрос и показания переводил переводчик САВИН

ВЕРНО: Уполномоченный КОСТЕНЕЦКИЙ (Подпись)

Т. 2. С. 60 (15)

Серия «К»

10. РАПОРТ
начальника Окружного отдела
ПП ОГПУ ДУДКО Г. В.

ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области
тов. ЗДОРОВЦЕВУ
НАЧ. ОО ПП ДУДКО Г. В.

РАПОРТ

Представляю при сем материал об избиении и угрозах по делу восстания в Казымской тундре, нанесенных обвиняемым АРТЕМЬЕВУ П. И. и МОЛДАНОВУ П. К. — сотрудниками Опергруппы тов. БУЛАТОВА — Уполномоченным б. ОО ПП ОГПУ по Уралу тов. ШИШЛИНЫМ («судья с бритой головой») и сотрудником Остяко-Вогульского Окротдела ОГПУ ЖУКОВСКИМ на Ваше распоряжение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Материал на 6 листах.

Начальник ОО ПП ОГПУ (ДУДКО)

Т. 3. С. 194

Секретно

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ АРТЕМЬЕВА Павла Ивановича 8 апреля 1934 года

На первом допросе 5 февраля 1934 г. я показал неправду. Получилось это потому, что меня напугали. Я ехал на своих оленях в вершине р. Казыма со всей своей семьей на озеро Нумто. Со мной ехал и мой зять Вогалев Иван Васильевич. В это время появился аэроплан, который, покружившись над нами, вдруг сел около нас, с самолета выскочило шесть человек и меня с ВОГАЛЕВЫМ арестовали и на аэроплане привезли на озеро Нумто. На озере Нумто меня стали допрашивать. Допрашивал меня «судья» с бритой головой, фамилии его я не знаю, а переводчиком был КАНЕВ. Три дня я им ничего не говорил, тогда они меня выводили на улицу к амбару на яр (на берег озера Нумто), у амбара меня связывали по рукам и ногам, руки назад, и держали на холоде по несколько часов, первый раз держали больше двух часов. Одет же я был только в малицу и кисы и поэтому я сильно мерз, главным образом мерзли руки. Когда меня связывали, то меня били кулаками по голове, ударили раз десять, били и по спине и по пояснице. Били меня переводчик Канев и один красноармеец, фамилию коего я не знаю. После же этого дали мне кружку спирту, я ее выпил и стал тогда говорить все то, что мне говорил МОЛДАНОВ Роман

Семенович, на самом же деле сам этого своими глазами не видел.

Больше показать ничего не имею, изложенное с моих слов записано верно, мне переведено, что и подтверждаю своей тамгой (тамга).

Переводчик: СКАЧИЛОВ

Допросил: НАЧ. ОО ПП ОГПУ

по Обско-Иртышской области (ДУДКО)

ВЕРНО:

Т. 3. С. 194–195

Форма № I

I2. ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения СЕНГЕПОВОЙ Екатерине Афанасьевне

I934 г., февраля 27 дня, гор. Остяко-Вогульск

Я, Уполн. КОСТЕНЕЦКИЙ, рассмотрев следственный материал по делу № 2 и приняв во внимание, что гр. СЕНГЕПОВА Екатерина Афанасьевна достаточно изобличается в том, что являлась активной участницей вооруженного кулацко-шаманского восстания против Сов. власти, в тундре Березов. р-на,

потому постановил:

гр. Сенгепову Е. А. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-2 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Уполномоченный:

ВЕРНО: П/Уполном. (Подпись)

Т. 6. Док. 15

Секретно

13. ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о смерти МОЛДАНОВА Андрея Петровича (хромого)

1934 г., мая 8-го дня, я, Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области ДУДКО, рассмотрев дело № 2 на ЕРНЫХОВА Ивана Андреевича, МОЛДАНОВА Андрея Петровича и других обвиняемых по ст. 58, ч. 2-й УК РСФСР и принимая во внимание, что МОЛДАНОВ Андрей Петрович в марте м-це 1934 г. умер,

постановил

в порядке ст. 4-й УПК дело следствием, в отношении МОЛДАНОВА Андрея Петровича (хромого) — прекратить.

Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области
(ДУДКО)

ВЕРНО: П/Уполном. (**Подпись**)

Т. 6. Док. 12

Секретно

I4. ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о смерти ЕРНЫХОВА Ивана Андреевича

I934 г., мая 8-го дня, я, Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области ДУДКО, рассмотрев следственное дело № 2 на ЕРНЫХОВА Ивана Андреевича, МОЛДАНОВА Андрея Петровича (хромой) и других обвиняемых по ст. 58, ч. 2-й УК РСФСР

нашел:

ЕРНЫХОВ Иван Андреевич по делу восставших самоедов и Вершинских остяков Казыма против совласти проходит как инициатор и руководитель такового, что доказано следственными материалами. В конце апреля м-ца I934 г. ЕРНЫХОВ И. А. заболел и умер, а поэтому

постановил:

в порядке ст. 4-й УПК дело следствием в отношении ЕРНЫХОВА Ивана Андреевича прекратить.

Нач. ОО ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области (ДУДКО)

ВЕРНО: П/Уполном. Опергруппы (Подпись)

Т. 6. Док. 14

I5. СООБЩЕНИЕ
о смерти РАНДЫМОВА Ивана Николаевича, Вилло Писея (Вылла Описева)

Нач-ку Управл. НКВД СССР
По Обско-Иртыш. обл.
тов. ЗДОРОВЦЕВУ

Сообщаю, что 23 августа в I час дня умер в Домзаке в больнице приговоренный к ВМН по О.-Вогульскому делу — туземец РАНДЫМОВ Иван Николаевич, 60 лет. Причина смерти — хронический порок сердца.*

25 августа умер ВИЛЛО ПИСЕЙ (ВЫЛЛА ОПИСЕВ), 35 лет, приговоренный к ВМН. Умер от цинги.

Нач. ТСБ. Р/ОНКВД (БАДАХОНЦЕВ)
26 августа I934 г. № 3I7 г. Тобольск

Т. 5. С. 339

---

* Высшая мера наказания — расстрел.

СОДЕРЖАНИЕ

Еремей Айпин.
БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ. *Роман* . . . 5

Документы из Следственного дела № 2/49. *Протоколы допросов, рапорт, постановления, сообщения* 233

Литературно-художественное издание

ЕРЕМЕЙ ДАНИЛОВИЧ АЙПИН

БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ

Ответственный редактор *Полина Пулковская*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Анна Лобанова*
Верстка *Любови Копченовой*

Подписано в печать 04.12.2009.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 3000 экз.
Изд. № 90455. Заказ № 2718.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

403602011
Государственная библиотека Югры

Роман известного хантыйского писателя и общественного деятеля Еремея Айпина посвящен событиям 1933–1934 годов — восстанию коренных народов Обского Севера, не желающих покоряться советскому режиму.

Страшное в своей правдивости, безжалостное повествование о подавлении мятежа переходит местами в притчу, местами — в раздумья о жестокой участи и остяцкого, и русского народа в XX веке. В центре сюжета — горькая судьба остяцкой женщины, чью семью погубила война, и эта драматическая история, вписанная в общую картину красного произвола, вырастает в пронзительный рассказ о трагедии человека, семьи, народа и, в конечном итоге, России, утратившей свои основы в 1917 году.

WWW·AMPHORA·RU

издательство амфора

9 785367 012323
ISBN 978-5-367-01232-3

366 книжный клуб